

ИСТОКИ

ИСТОКИ

2018

М. И. Цветаева (1892–1941)

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — развеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И все? — записки, и все? — цветы,
Которых хранить — невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

ИСТОКИ
АЛЬМАНАХ

Выпуск № 11

МОСКВА

2018—2019

УДК 882—1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

Главный редактор
Александр Такмаков
(*Серафимов*)

Редколлегия:

Ирина Антонова
(ответственный
секретарь)

*Евгения
Славороссова*
(выпускающий
редактор)

Рассматриваются и принимаются только рукописи, набранные на компьютере (представленные на диске и в распечатке на бумаге или присланные по электронной почте).

E- mail: rifistoki@yandex.ru

*Тексты некоторых авторов даются
в авторской редакции.*

Контактные телефоны:

**8-909-9655305,
8-903-1803787**

Редакционный совет:

Елена Ерёмина
Ирина Егорова-Нерли
Ирэна Сергеева (г.Санкт-Петербург)
Леонид Володарский
Ольга Бондаренко
Людмила Осокина
Владимир Пустовитовский
Татьяна Хачумова
Валерия Светланова
Лидия Баклашкина (г.Калуга)
Вадим Максимов

ISBN 978—5—903852—02—4

©РИФ, 2019

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

6

О творчестве И.Егоровой-Нерли

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Ирина Егорова-Нерли о М.Горьком и В. Маяковском 8

Ирина Егорова-Нерли По страницам
книги «Испанский веер» 10

Валерия Светланова о музыке Ференца Листа. 240

ПОЭЗИЯ

Евгения Славороссова 22

Владимир Пустовитовский 32

Ольга Наровчатова 38

Дарья Солдатёноква 40

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ирина Егорова-Нерли О художнике Н.А.Пономарёве. 46

Ирина Антонова О поэтической хрестоматии 84

ПРОЗА

Алексей Кебадзе 57

Дарья Солдатёноква 64

Александр Серафимов 207

Инна Ваварица 228

Николай Тимченко 256

Валерия Шубина 286

Андрей Кузьмин 290

Николай Магов 292

Ксения Наровчатова 296

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Илья Козлов Стихи	72
Алексей Молчанов Стихи	75
Ирэна Сергеева Рассказ	78
Александр Ильин О поэтах Петербурга	81

ДРАМАТУРГИЯ

Ольга Наровчатова Пьеса «Мальчик Мотл» (по Шолому-Алейхему)	86
--	----

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Евгения Славороссова О фантасте Азимове	100
---	-----

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Анастасия Строгова	104
Наталья Божор	106
Александр Дыбин	241
Владимир Хохлов	249
Ксения Наровчатова	252

СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Леонид Володарский Философско-социальное эссе	117
---	-----

КНИГА В АЛЬМАНАХЕ

Ольга Бондаренко «Русская доля», книга стихов	126
---	-----

ПАМЯТЬ

Ирэна Сергеева о Г.В. Рой	156
Ольга Наровчатова о Николае Зиновьеве	152
Ирина Антонова, Валентин Медведев, Людмила Авдеева об Анри Марковиче	164

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Анри Маркович Стихи	172
Аркадий Славоросов Новелла	177
Юрий Мороз Стихи	200

ГОЛОСА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ

Игорь Тараканов	229
Ольга Ерёмина	232
Татьяна Баклашкина	235

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Валерий Желыбенцев	274
Инна Варварица	281
Татьяна Хачумова	284

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Вера Авдеева	298
Татьяна Лепилина	300
Анна Спорыхина	302

ИСТОРИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Евгения Славороссова	304
--------------------------------	-----

С УЛЫБКОЙ

Ольга Наровчатова	310
Ольга Бондаренко	312
Инна Варварица	313

ЗРИ В КОРЕНЬ

Юрий Влодов Эпиграммы	314
Нина Трегубова Пародии	316
Николай Иодловский Стихи	319
Рубен Франгулян Стихи	322
Владимир Яковлев Поэма	324

КНИГИ НАШИХ АВТОРОВ

333

Т.Баклашкина «Прикосновение любви»
Поэтический сборник

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

О ТВОРЧЕСТВЕ ИРИНЫ ЕГОРОВОЙ-НЕРЛИ

Коллектив альманаха «Истоки» поздравляет Ирину Егорову-Нерли с двадцатилетием плодотворного сотрудничества с известным советским и российским альманахом «Истоки». Практически каждый номер был оформлен её авторскими рисунками. Неповторимому дизайну альманаха последних тематических номеров мы обязаны вдохновению молодой художницы. Её творческая судьба неразрывно связана с судьбой альманаха. В 1997 году после совещания молодых литераторов в Малеевке, приуроченного к 850-летию Москвы, Ирину Егорову единогласно приняли в Союз писателей России. Главным редактором альманаха тогда была Галина Вячеславовна Рой. Она умела собрать вокруг себя талантливую молодёжь.

Статья В. Фирсова — лауреата премии России предвзяла первую книгу стихов Ирины Егоровой-Нерли. Сейчас, спустя больше двух десятилетий, с особым интересом читается отзыв известного советского поэта:

«У Ирины обострённое чувство Родины, её стихи подлинно живописны и по своей изобразительности близки к поэзии Ивана Бунина... Прекрасный график, она давно известна в мире художников. Я искренне рад, что в поэзии появилось новое светлое имя — Ирина Егорова».

Его высокую оценку подтвердило время. Ирина всё время в поиске как художник, поэт, а теперь ещё публицист. Её эссе раскрывают нам тайны изобразительного искусства, связывают его с самыми жгучими проблемами современности. Окружающий мир в масштабе всего земного шара вызывает в её сердце мгновенный отклик. Её художественные работы и очерки об искусстве проникнуты страстным гуманизмом и заставляют сопереживать.

Ещё не время подводить итоги. У Ирины в силу её таланта всё впереди, и мы надеемся на долгое плодотворное сотрудничество.

Для очередного выпуска альманаха «Истоки» Ирина Егорова-Нерли специально разработала тему двух гигантов прошлого столетия М. Горького и В. Маяковского.

НА ПЕРЕКРЁСТКАХ ЭПОХ

Ирина Егорова-Нерли

Приметы времени

В 2018 году совпали два юбилея — 150 лет со дня рождения Максима Горького и 125 лет со дня рождения Владимира Маяковского. Магический перекрёсток круглых дат! Вернее, знак условного равновесия в противостоянии специальных систем и литературных взглядов. Это неповторимое сочетание двух эпохальных величин в литературе XX века сродни неизбежным попыткам переустройства нашей страны и порой радикальному размежеванию прошлого и настоящего. Взаимодействие поэзии, живописи и музыки, слова и бурного течения жизни — литературы и политики — сопутствовало и очередному переломному рубежу веков. По моему мнению, замысел и содержание альманаха «Истоки» соответствуют этому захватывающему, воистину творческому процессу. И действительно на протяжении многих лет это уникальное издание, как молодых, так и маститых поэтов и писателей России.

Само понятие русской литературы неминуемо поднимает каждого автора на пьедестал великих вопросов и смыслов. Горький и Маяковский! Кажется, невозможно представить рядом их творчество. С одной стороны — глубоко Личностный, открытый всему миру, романтический соцреализм верного последователя Толстого и Чехова. С другой — яростный, искренний до безумия, сатирический революционный футуризм. Даже сейчас потрясает нижегородская, во многом пролетарская сила городских окраин, чувство несправедливости общественных устройств, природная горячность характера Максима Горького и одновременно его организаторский талант издателя, редактора, лидера и пропагандиста писательского дела. В живом Слове Горького корневой замес красочной палитры Ильи Репина и Василия Сурикова — пограничные в своей выразительности сказочность и фольклорность, напоминающие полотна Михаила Врубеля и рисунки Ивана Билибина. Разве не близко это всеобъемлющее начало Владимиру Маяковскому — гордому сыну Кутаиси — с его неукротимой энергией, с обезоруживающей нежностью желаний и надменной эпатажностью художественных форм: с его деятельностью, постоянно разрывающейся между агитацией и режиссурой, театром и рисованием? Как объяснить его почти детскую боязнь быть непонятым, подчас мучительную тревогу поэтического письма, не успевающего за биением сердца? Да, они вместе

и врозь. Бескомпромиссное соседство двух гениев типично, интересно и актуально для России.

Они давно уже живут своей жизнью, странствуя по жанрам и видам иных искусств — живут и как будто наблюдают за нами, оставляя творческий простор на фоне противоречивой картины мира.

Да, поразительно вечны споры между классикой и авангардом. Но эти литературные баталии отодвигаются на задний план, когда сквозь идеологические войны и художественные бунты доходит до нас потребность говорить «Во весь голос», обезкураживает жажда Маяковского всё-таки услышать хоть одно слово «ласковое, человечье» — настоящее! Оттого ли пронизаны жёсткой правдой и надеждой на обновление знакомые со школьной скамьи строки Горького о красоте и достоинстве человека — о его миссии на земле.

— Ну и что же изменилось? С тех пор? — спросит современный читатель. — Что нового приоткрыл XXI век? Тайна каждого писателя так же неразрешима, как загадка поэтического мышления и подсознательного ощущения скоротечности времени и бесконечности Бытия.

В заключении остановлюсь на главном. Пусть, освещая разные темы и лирические настроения, этот номер альманаха «Истоки» будет оформлен, а по сути озвучен, портретами Горького и Маяковского. Пусть серия рисунков-заставок, причастных к их произведениям, будет дополнять и расширять поиски и традиционные стили истоковцев. Возможно, такой многоплановый диалог (в преддверье осуществления национальных проектов!) подытожит отличие нашего издания от других литературных альманахов и сможет послужить поводом для размышлений и ассоциаций.

14 октября 2018 года

«Герника» идёт по планете...»

*По страницам книги И. Егоровой-Нерли
«Испанский веер»©*

* * *

Антонио Сауре

Помнится: тот день из детства долог —
Ужас в нём, что шарит по земле.
Угли тел, дымящийся осколок,
Голова, лежащая в золе,
Мостовая, камни, серый пепел
И слепящей сини заворот,
Самолётов воюющие цепи
В лабиринте сводчатых высот.
На тебя, как ад, взирает в оба
Чернота взведённого ствола,
И, клубком ощерясь, тлеет бомба
В пыльной мгле, где улица была.
И опять, упав с пол-оборота
В промельк пуль, взорвавшихся в стерне,
Там орёт отчаявшийся кто-то,
Исчезая в беспросветном дне.

Хулио Медему

Что там, за тем пригорком, тем селом,
Где вдаль багрится радуги излом —
Стада бредут в опаловой пыли,
Дымы текут вдоль паханой земли.
И, распаясь рубиновым вином,
Перемещаясь в то, что было сном,
Мы НЕБО на земле украдкой слышим
И в те минуты с упоением едим...

26 апреля 1937 года произошла первая катастрофа, чудовищное преступление фашистов. Немецкая авиация уничтожила Гернику — мирный город в стране басков. Этот реальный факт послужил поводом для создания гигантского панно «Герника» (художник Пабло Пикассо).

Это не просто произведение искусства, а картина-предостережение всему миру.

Все формы рвутся в клочья —
Жизнь исчезает в них.
Фашизма многоточье —
Арест без понятий,
Сражение без прощенья,
Тюрьма без часовых!
Печь адского горения
Разверзлась для живых!

Мы видим трагедию в обесцветившемся пространстве, ощущаем столкновение белого и черного: павших воинов и кровожадных зверей, безвинных женщин и беспощадных монстров. Встретились две энергии — жизни и смерти. Всё погрузилось в мистический ужас преисподней.

Фашизм бросил вызов человечеству! Как жить дальше?..

Тёмные стороны человеческой природы сконцентрировались в безумии фашизма, утверждающего, что можно достичь совершенства за счёт уничтожения других народов:

Мир потерял в душе,
И вокруг мира нет —
Стёрт, как сон в мираже,
Жизни солнечный свет.

Какое самоубийство разума в железной логике нацизма! Пикассо — испанский художник — вспомнил то, что обрёл ещё при рождении. Вечная Испания смотрела в его душу и ударяла свечением глаз, никогда не потухающих и не умирающих в своей космической силе!

Испания, Родина — даль: высь и пропасть...
Так — началась смертельная схватка:
Пикассо и 20 век,
Человек и организованные бесы,
Художник и война,
Творец и конец мира...
О чём хотел предупредить Пикассо?..

Написано много книг и картин о мировых войнах. Таким образом, только он мог предсказать грядущие бедствия — запечатлел крах цивилизации под натиском фашизма — успел.

Мы живём и разгадываем его тайну. Ведь человечество уходило в пропасть чёрного квадрата. А он — горячими испанскими глазами — глянул вглубь, в потусторонний мир, в ад — где нет света и цвета, где всё каменеет в душном полумраке подземелья, пристанища смерти.

То, что случилось, повторяется и будет повторяться вновь! Войны бесследно не проходят. Пикассо мыслил на языке изобразитель-

ного искусства, пытаюсь преодолеть разобщённость народов и равнодушные Европы.

А, может, это уже было в древности, были потрясения, искоренившие культуру иберов? Может, провидец Пикассо из вековых глубин спешил в будущее? Может, в генах неистового испанца заговорили голоса предков, задымились и ожили иберийские мумии, сохранившие в себе недостижимое бессмертие?..

И как будто в мире этом
Я при жизни не живу —
Неживое белым светом
Обнажилось наяву.

Главная черта художника Пикассо — увидеть и нарисовать то, что никто не видел. Прошлое непредсказуемо в своих событиях и фантазиях — итогах и оценках в каждом времени. Преображённое подсознание включило на полную мощь внутреннюю суть художника: борьба в душе соединилась с международной борьбой против фашизма.

Не может быть, а было:
Исторгнул дух земной
Неодолимой силой
Неистоцимый бой.
Он скрылся в красной лаве
Тысячелетних бездн,
Нашёл в античной славе
Поток минувших бед.
И заново родился
В расширенных зрачках,
И в будущем открылся,
Что давит на плечах...

В «Гернике» совпало прошедшее, настоящее и будущее. Истина всегда опасна в своём озвучивании, и, конечно, для Пабло Пикассо дело спасения Испании — предтеча спасения всего человечества.

«Герника» ведёт за собой и прорывается в иные годы, эпохи, столетия. Пророчество Пикассо ходит по земле. Он позволяет себе то, что другие понимали, но не могли выразить. Так ли творчество художника буйствует, страждет, борется и спорит в наших судьбах — в сердцах соучастников и зрителей. Так — продолжается такое огромное испанское действо как Пабло Пикассо.

* * *

Эта суть, содеянная былью —
Этот путь, манящий вдалеке...
И взлетают огненные крылья
С веера в играющей руке.

Перед последним автопортретом Пабло Пикассо (1972)

Портрет твой написан глазами —
Узнавшими то, что прошло,
Чтоб заново смех со слезами
Заклял агрессивное зло.
Портрет, как пещерное диво,
Глядит из ушедших миров,
И знак неземного огнива
Разит в безобразьи грехов.
Не так ли подводит итоги
Борьба между злом и добром
И жертва диктует уроки
Сгоревшим от правды нутром.
Не так ли художник моделью
Предстал в завершеньи пути:
Пикассо загадочной целью
Был сам у Творца взаперти.
Но — бренными — жизни дарами
Наскучил житейский рассказ...
Так — маска играет шарами
Открытых для вечности глаз.

2018 год объединил двух великих испанцев: Пабло Пикассо — 45 лет со дня смерти и Федерико Гарсиа Лорку — 120 лет со дня рождения.

«Герника» закалила и вооружила дыханием вечности бессмертный гений Пикассо (создание грандиозного полотна) и показала всему миру, что фашизм не щадит никого. Как многострадальный народ басков, не потерявший своё достоинство перед безжалостным злом, так и, не испугавшийся смерти — а значит, отстаивающий свою надмирную жизнь Лорка стали трагическими символами — жертвами фашистов на испанской земле.

Перед монументальным полотном «Герника»

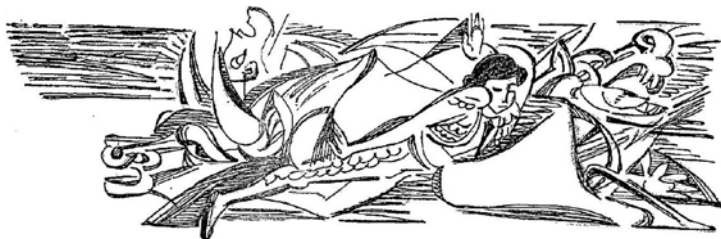
Пабло Пикассо

«Герника» идёт по планете —
Я вижу испанские сны...
Что должно случиться на свете,
Чтоб мир убережёт от войны.
Был город. Его раздавили
Удары бесчисленных бомб.
Столетние беды ожили
В провалах кровавых окоп.
От воплей воскресших трагедий
Повсюду мерещится стон:
Нас жертвенный бык приметил,
Но то — не мираж и не сон.
Безмерная печь гроыхает
Осколками каменных стрел,
Рогатая нечисть кидает
Останки разорванных тел.
Под вспышками пропасть колодца,
Как будто был выключен свет.
Ожог преисподней без солнца
Низводит все чувства на нет.
Затмение в заверти гула
Разит первобытностью зла.
Вновь смерти железное дуло
Ничтожит плоть жизни дотла.
Как ужас в зрачках неандертальца,
Живое сжигает война:
Желая по свету скитаться,
Бросает свои семена.
От огненных жатв геноцида
Погосты безумных идей.
«Герника» — большая коррида,
Где нелюди топчут людей.
Им жизнь человечья — песчинка:
Оскалы, рычание, стук...
Их память — пустая картинка.
И это случилось не вдруг!..

Но кто опуститься посмеет
В ту бездну с названьем фашизм —
В том сумрачный ад багровеет
«Герникой» испанской души.

19 августа 2016 года

Может легче в аду,
Если знаешь за что!
За такую беду
Не ответил никто!

Памяти Федерико Гарсиа Лорки

Фернанду Мариасу

...Когда бессонными ночами
Двоится голос тишины,
Неуловимыми тенями
Витают в небе чьи-то сны.
То затворяясь в замке мрачном,
То с половинкою луной —
Закрывшись веером прозрачным,
Ступает память в мир иной.
Скользкий луч неугасимый
То замирает, то ведёт —
Как чей-то крик неутолимый
И утешает, и клянёт:
Сей дух — парящий над Альгамброй —
Как Свет, взмывающий за край,
Вдруг в некий миг с влюблённой парой
Уходит в синий, звёздный рай.
Ведь всем — расстрелянным — не надо
Ни подаяний, ни речей:
Их поминает вся Гранада
Сияньем зорей и ночей.
Не примиряясь с их пропажей,
Неумирающий огонь
Расскажет всё, что ночь не скажет —
Опять мелькнёт крылатый конь.

* * *

Луису Ортеге

Всё вкусили — не счесть искуплений:
Кто за Слово погиб, кто в бою.
Настороженно в хлады забвений
Смотрит Память на тех, кто в строю.
Из кровавого прошлого мира
Видит путь в неземные сады.
Точно Дар золотого Потира
Обещает глоток Чистоты.
И зарокот высот и падений
Снова жаждет Святой тишины —
Возвращая исходом видений
ДЕНЬ МОЛЧАНИЯ после войны.

* * *

Коррида не скоро начнётся,
Не завтра дыхнёт гул страстей...
Но лупит нещадное солнце
На жёлтый песок без теней.
Он к трапезе чувства привычен
Как блюдо для славных удач —
Как будто в преддверье добычи,
Он выжжен и к ночи горяч.
Синь звонко взывает всё выше,
Ряды тают в бронзе колец.
Так тихо, что, кажется, ближе
Полднего зноя конец.
А солнце небесному лону
Дарует червонный венец:

Арена — огромный подсолнух,
Раскрытый для жарких сердец.
Арена — для жатвы последней
Готовое поле судьбы,
Чтоб заново в хоре мгновений
Услышать зов горней трубы...

18 мая 2017 года

Р. С. Невольно на бумагу ложатся нужные слова и поэтические строчки, когда волнение, а верней потрясение перехватывает дыхание очевидностью удивительного факта из жизни или значительно неожиданного события.

Таким открытием стал для меня фильм Карена Георгиевича Шахназарова «Белый тигр». Следует отметить, что наш современный кинематограф, осваивая новые технические возможности и совершенствуя визуальный язык, увлекательно балансирует в тонких мирах гламура и постмодернизма, в безднах жёсткой политики и грубого криминала. Но здесь — в этом фильме мощно и провидчески образно прозвучало то, что опять угрожает всему человечеству и стреляет из прошлого. Крупным планом предстал солдат Иван Найдёнов, который заживо почти сторел в танке и вернулся с того света, чтобы остановить фашизм.

«Мёртвый танк (“белый тигр”) не промажет — от него нет спасения! Танк затаился в лесу, готовится и ждёт», — вспоминаются слова, наводящие ужас на танкистов. Ответно — «заговорённый» Иван Найдёнов (Бог танков теперь уводит его от снарядов) должен уничтожить немецкий танк. Он — командир танка — тоже «порождение войны» погибших на бескрайних полях России. Неслучайно Пикассо, приступающий к работе над уникальным панно «Герника», также чувствовал присутствие таинственного соучастника своего творения. Это ощущение, как отмечал Роланд Пенроуз (один из биографов и друзей художника), часто преследовало одержимого своим замыслом Пабло.

По мнению К. Г. Шахназарова, пока существует жизнь — всегда будет противодействие двух сил: всегда будет повторяться опасность возникновения очередной войны. Каждый акт жестокости, разрушающий мир, направлен на тех, кто сопротивляется, ибо сила притягивается к силе, дух ищет равного по энергии духа. То, что скрыто в минувших трагедиях ожидает своего часа.

Так и в наше время — опять маршируют с факелами, с нацистскими лозунгами, свастикой и снова сжигают людей... Неизбежны исторические перекрёстки, новые преступления против человечества, и фильм «Белый тигр» призывает к ответственности народы Европы и всего мира. Фашизм возгордится, если его не победить. Это — предупреждение всем нам, живущим уже в XXI веке.

Обозначьте границу,
Проведите черту —
Пожалейте станицу,
Что видна за версту:
Кто за взлобком высоким
Не вздремнул ни на час?
Кто бойцом одиноким
Здесь воюет за нас?

Такие страницы и сейчас листает память. Так и оживают перед глазами кадры последних новостей с Донбасса... И, переключаясь с изображением, созданным Пабло Пикассо — своим чёрно-белым решением фильма «Белый тигр» Карена Георгиевича Шахназарова показывает «Гернику» на российской земле, так как именно Россия во Второй мировой войне приняла на себя главный удар этой беспощадной орды. Россия смогла дать достойный отпор врагу (но какой ценой!) и отвести дуло смерти от своей земли.

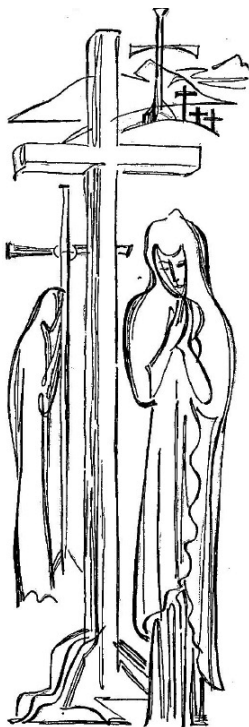
В лице К. Г. Шахназарова наша отечественная культура обрела не только яркую личность, но и свободный, искренний голос. Патриота и подвижника.

* * *

Пока стоит Россия,
Тысячелетний бой
Проходит с новой силой
Над жизнью и судьбой.
Давно, в иные лета
Захоронился враг:
Опять, поправ запреты,

Ползёт фашистский танк.
Из мрака вылезает
Нацеленный снаряд.
Война конца не знает,
Пока стоит солдат.
По выжженной морщинке
Не катится слеза.
Как две бесцветных льдинки,
Бездонные глаза.
Туман тот взгляд не застит
И время не сотрёт —
В зрачках спасенья ради
«Бессмертный полк» пройдёт.
Тогда — на самом деле
Душа озвучит вслух:
Остался в хрупком теле
Не человек — но дух!

4 апреля 2018 года

РАЙСКОЕ ЯБЛОКО

Яблоко соблазна

Изогнулся сладострастно,
Бросив взор гипнотизёра.
Тихо шепчет: «Ты прекрасна,
А в объятых нет позора».

Шепчет, словно по секрету:
«Всё тебе — плоды и травы»,
Манит Еву плод запретный,
Ей по нраву змей лукавый.

Руку тянет: «Я согласна!»
Бедный мир узнает скоро:
Сладко яблоко соблазна,
Горько яблоко раздора.

Жажда яблочного приза!
А богини так сердиты,
Им во след швырнёт огрызок,
Усмехаясь, Афродита.

Но играть весьма опасно
С упоением жонглёра
Красным яблоком соблазна,
Чёрным яблоком раздора.

Мы изгрызли яблочек тонны,
Эту сладкую отраву.
Только яблоко Ньютона
Видно меньше нам по нраву.

И опомнится нескоро
Грешный мир — и всё напрасно!
Зреет яблоко раздора
В сердце яблока соблазна.

Не плачь, Адам

Ах, эта тяга вечная к плодам
Запретным — неисчерпанная тема,
Всё кончено. Не жалуйся, Адам,—
Вы изгнаны навеки из Эдема.

Забудь, Адам, как там была чиста,
Не зная про борьбу души и тела,
Единственная, проклятая — та,
Что в жизни слишком много знать хотела.

Не плачь, Адам, и лишь понять сумей -
Прекрасна ваша страсть иль безобразна?
Тебя извёл не искустель-змея —
Червяк сомненья в яблоке соблазна.

Не стой, Адам, у запертых дверей
И не проси униженно прощенья,
Вам жить теперь в лесу среди зверей,
В сад счастья невозможно возвращенье.

Иди, Адам, живи и умирай,
Продли свой род, несчастнейший на свете.
И вновь ищи потерянный свой рай,
Где были вы невинны, словно дети,

Где зверь ещё не знал, как пахнет кровь,
И плоть не рвал зубами и когтями,
Где ты любил, не зная про любовь,
Ещё не тронут страхом и страстями.

ЯБЛОКО ПОЗНАНИЯ

Яблоко познания съела Ева,
Семечко на землю уронила —
Генеалогическое древо
Выросло... Всё это так и было.

Дерево взросло. В огромной кроне
Спутаны несчётные объятия.
Плод сгниёт, но семечко уронит.
Что с того, что сёстры мы и братья?

Что с того, что сплетены навеки?
Корни рвём, ища пути к свободе,
Гибнем, обломав друг другу ветки,
Ради той звезды на небосводе.

Что извлечь из горького урока?
«Повторенье — мать ученья», — знаю.
Что даёт всеведенье пророка?
Я урок жестокий повторяю:

Яблоко познания — горький привкус.
У меня оскомина от знания.
И прозренья безнадежный крик пусть
Не тревожит сумерки сознания.

Только есть в саду Эдемском древо,
Лишь к нему в тоске тянулись руки...
Яблоко познания съела Ева,
Я ж томлюсь от безысходной муки.

Одинокие прогулки

Небосвод так огромен и гулок,
Что из глаз даже слёзы исторг.
О, моих одиноких прогулок
Молчаливый и тайный восторг!

Новогоднего неба осколки —
Сор блестящий моих неудач.
Я брожу в подмосковном посёлке
Среди старых запущенных дач.

Всё, как прежде, здесь. Скукой замучен
Кот в окошке зевнёт во весь рот.
Мной здесь каждый проулок заучен,
Мне известен любой поворот.

Только душу нечаянно тронет,
Как забытого друга укор,
И простуженный голос вороний,
И сосны непокорный вихор,

Лай собак и дощатые дачи,
Снег слоистый и дым из трубы.
Как решение школьной задачи,
Мне понятно решенье судьбы:

В этой местности — сгустке пространства,
Что не больше снежка в кулаке,
Постигать сладкий вкус постоянства,
Неизменный, как рифма в строке.

* * *

Как властно, как тайно и немо
Во льду пробуждается речка!
Природы весенняя немочь,
Природы весенняя течка.

Что тем, кто вполне образован
В чаду городского азарта,
Что им до звериного зова,
До страстной распутицы марта?

Что мне, намывающей тени
У глаз, подбирающей строчки,
Забывшей названья растений,
До боли взорвавшейся почки?

В гнезде из камней и железа
Что мне в человеческом споре
До смутного разума леса,
До плещущих выдумок моря?

Но связана чувством безвестным,
Крепчайшим канатом незримым
С таинственным миром древесным,
С невинным народом звериным.

И молкнет мой ум и мой гонор,
Ведь мне не приелось и внове
Быть частью весеннего гона
Воды одичалой и крови.

Томиться, как дерево, молча,
Разучивать музыку птичью
Иль рыскать с повадкой волчьей
По лесу, запахшему дичью?

Иль, чуя существ незнакомых,
Сквозь света прозрачные призмы
Узреть слюдяных насекомых
Стрекочущие механизмы.

Дрожа от макушки до корня
И солнце ловя, как травинка,
Отдаться легко и покорно
Диктаторской воле инстинкта.

И, ветром дыша и тоскуя,
И тая от счастья, как льдина,
Предчувствовать силу такую,
С которой сольюсь воедино.

Когда наливается жарко
Сиянием солнечным день,
Люблю невидимкой по парку
Слоняться неслышно, как тень.

Люблю тишиной развлекаться,
От счастья расширив зрачки,
И в чаще поджарых акаций
Подслушать сухие щелчки.

На дереве тюкает дятел,
Серьёзен, суров и сердит.
А шмель ошалел или спятил
И, как трансформатор, гудит.

Простужено каркнет ворона,
Спеша утолить аппетит.
И ветер в задумчивых кронах,
Как странная мысль, пролетит.

Поманит берёзы побелка
Измазаться в свежем мелу,
И ржавой пружиной белка
Мгновенно взлетит по стволу.

С утра целый день озабочен
Мирок за чертой городской.
Вот так же живёт и хлопочет
И наш муравейник людской.

Спускается вечера дымка...
А солнца пылающий глаз,
Как будто циклоп-невидимка,
Глядит через лупу на нас.

* * *

Листья заняты игрой,
Чуть качает ветерком их.
И висит звенящий рой
Невесомых насекомых.

Над водой тончайший писк,
Где дрожат на солнце крылья
Возлюбившей кровь и риск
Комариной камарильи.

И, забыв свершить прыжок,
Смотрит в небо отрешённо,
Словно маленький божок,
Изумрудный лягушонок.

И стремительно легки,
Поднимая клубы мути,
Промелькнут порой мальки,
Как большие капли ртути.

Целый мир вобрав в глаза —
Блеска, трепета, жужжанья,
Воссияет стрекоза
С целлофановым шуршаньем.

И глядит заросший пруд,
Глубины зрачок сужая,
Жизнь и смерть, борьбу и труд
Беспристрастно отражая.

* * *

Над пригорком горбатым
Птичьей стаи пунктир,
Тише! Лес рыжеватый
Затаился, как тигр.

Под трепещущей шкурой
То ли гнев, то ли злость.
Желтоватых и бурых
Сочетанье полос.

Взгляд растерянный кину,
Отвернуться нельзя —
Сразу чувствуешь в спину
Смотрят чьи-то глаза.

Жёлтых листьев медали,
Ягод тёмная гроздь.
Но тебя здесь не ждали,
Ты непрошенный гость.

Что там в чаше прекрасной?
И бросает в испуг
Каждый шорох неясный
И неведомый звук.

Как здесь тихо и жутко,
Только ветка скрипит...
По-звериному чутко
Лес октябрьский спит.

Из книги «Маргинальные элегии»

* * *

Памяти И. К.

Расколоть безнадёжности лёд,
Прыгнуть в бездну, угнать самолёт,
Чтоб, глотнув на мгновенье свободы,
Тлеть в беспомыслии годы и годы.

Не простят незаконный побег —
Тянет руки безжалостный век,
Скрутит шею зарвавшейся птице,
Спрячет в тесную клетку больницы.

Там на койке у серой стены
Станут сниться неясные сны:
Сосны, Сретенка, свист самолёта...
Ну, а дальше кошмарное что-то.

Что же дальше? Не вспомнить никак.
За сияющей вспышкой — мрак.
Что случилось? И с кем это было?
Ты забыл. Только я не забыла.

По прошествии призрачных лет
Вижу в небе сверкающий след
Птицы той в оперенье металла,
Что воздушные вихри глотала.

Подведёшь ли последний итог:
За свободы пьянящий глоток
Велика ли, мала ли расплата?
...Койка слева. Шестая палата.

* * *

*Памяти
Олега Даля*

Мой поминальник, мой мартиролог
С годами всё длиннее, всё печальней,
И я уже ищу любой предлог
Чтобы вписать туда свой стих прощальный.

Всё больше их, ушедших в «никогда»
Всё больше их, исчезнувших так рано,
Но вспыхнет в небе ранняя звезда,
Когда погаснет глубина экрана.

И я смотрю на дальнюю звезду,
Омытую горячими слезами.
И по земле покинуто иду,
С открытыми незрячими глазами.

Не мной отпущен жизненный мой срок,
И нить судьбы ещё тревожит болью...
Я напишу, сколь мне удастся строк,
Я подожду, когда вернут мне волю,

Живу, как собственная тень,
Без гнева, воли и желаний,
Но возвращаюсь каждый день
Душой в страну воспоминаний,

Где многих нет ещё границ,
Крутых барьеров языковых,
И где похожи мы на птиц,
А не на узников в оковах,

Где свежи вороха надежд
У душ, не искушённых торгом,
Где лица юные невежд
Безумным тронуты восторгом,

Где так беспечна нищета,
Беспутна мысль, бессвязны речи,
Где у афишного щита
Обычно назначают встречи,

Где детям вход не разрешён
К подножью вавилонских башен,
Где мир абсурден и смешон,
Но не безжалостен и страшен,

Где пьют невинное вино,
Острыят, целуются в передней...
Где вдруг кончается кино —
И только боль. И взгляд последний.

Владимир Пустовитовский

ЦАРЬ ГОРЫ

или фантазия на тему

Вьюга

Забросает снегом вьюга,
Отогреюсь у печи.
Ты — охотник, я — зверюга —
Не убил, так приручи.

Буду шить, готовить ужин,
Окна мыть, полы мести.
Если стану я не нужен,
В лес дремучий отпусти.

Вспоминать я стану чаще
Женщины твоей красу,
Ворох ландышей из чащи
В пасти волчьей принесу.

Русь

Был скроен наскоро сюжет,
Он тѐмен, как дорога к дому.
И тусклых звѐзд холодный свет
Зовѐт и манит по-иному.

И месяц гаснет, как свеча,
И ветер странником бродячим
Над грустным домом по ночам
О чём-то, вздрагивая, плачет.

Русь, ты не ты, и я не я,
Любить тебя святая пытка.
Ты к сердцу горечь, как швея,
Пришила на живую нитку.
И я стежки зубами рву,
Но ты пристрачиваешь снова
Ночь и опавшую листву,
И горечи земной основу.

Утро

Сыплет звёзды будто угли
Ветер в сонную траву.
Через Муром, через Углич
Потянулся люд в Москву.

До Москвы болота топки,
До Москвы то лес, то гать...
Не веду в душе раскопки,
Веры там не отыскать.

Утро полем с дикой рожью
Проскакало на коне.
Правдой дышится и ложью,
Ложь дороже стала мне.

Солнце слаще каравая
Выплывает из болот,
До столицы, как до Рая,
Мало кто из нас дойдёт.

Дух бунтарский

Подойду к Москве-реке,
Опущу в поток ладони.
Тучи тают вдалеке
Как в степи с набега кони.

Окунусь в тепло травы,
Как купец в ковёр бухарский,
Выбросив из головы
Дух бродяжий, дух бунтарский.

Уши пальцами заткну
И не стану больше слушать,
Дорогую тишину
Опаляющую душу.

Пробежит земная дрожь
От макушки и до пяток,
Утро, вынь мне да положи
Слов живых скупой остаток.

Изувеченная Русь
От Москвы и до Сибири
Тихо стонет. Помолюсь
За неё в ночном трактире.

Ворон

Пламенем церковной свечки
В небе месяц угасает.
Перейдя пороги речки,
Русь идёт ко мне босая.

Над дорогой в поле мгlistом
Из заброшенного Рая
Ворон пролетел со свистом,
Рокот горловой роняя.

Обо мне рыдают ивы,
Стал я нищ от царской дани.
В поле ветер сиротливо
Роется в пустом кармане.

Царь горы

Воспоминания

У стен Кремля большая горка,
Вдогонку за ледянкой вниз
Матвей летит, за ним Егорка,
Не удержавшийся Борис.

В лаптях и кушаке овечьем
Сегодня Гришка царь горы,
Гришанькой до Замоскворечья
Пугают нищие дворы.

В снегу вихры, в снегу веснушки,
Малюта детям кулаком
С размаха дарит колотушки,
С горы спускает кувырком.

В крови щека, и нос, и горка,
И рукава на кушаке,
И даже старое ведёрко,
На замерзающей реке.

Продутые ветрами стены
От кладки и до кирпича
Не обещают перемены,
И, словно чёрная свеча,

Стоит монах, благословляя
На скользкой горке красный снег,
Она от стен земного Рая
К Москве реке берёт разбег.

Метель

Помолись у икон Николая,
У святого Петра попроси,
Чтоб метель, как опричников стая,
Не гуляла по нищей Руси.

Чтобы мысли, как головы пёсьи,
Не болтались в грязи и в снегу.
Может быть, я пойму это после,
А сейчас не проси, не могу.

Замирая у края могилы,
С давней болью как с книгой святой,
Я готов рассказать, как всё было,
Только мне не поверит никто.

P.S.

«Враги дороже, чем друзья»,—
Мне у реки шептала ива.
И, уходя, услышал я:
«Друзья жгут сердце, как крапива».

«Враги дороже, чем друзья»,—
Мне у моста шептала туча.
И, уходя, услышал я:
«Враги тебя любить научат».

«Враги дороже, чем друзья»,—
Мне рассказал заросший пруд.
И, уходя, услышал я:
«Враги тебя не предадут».

Свирель

Сюита

Скучна мелодия капли,
И не тревожат краски мая.
Играю тихо на свирели,
На небо душу выдувая.

А сердце по привычке ищет
Встреч с нелюдиною девчонкой.
Такие грустные глазища
Я видел прежде у волчонка.

А за рекой волчица воет,
Плутает полночь в сонной роще.
И небо в речке звёзды моет
И рог серебряный полощет.

Поэт без книги

Из человеческих речей
Струится злобы яд.
Но позади моих плечей
Архангелы стоят.

Один — как месяц золотой,
Другой — как свет огня,
Они пришли из жизни той,
Где поняли меня.

Там нищий равен королю,
И оскорблений нет,
И приближается к нулю
Прискорбный звон монет.

Небось решили вы, что рай
Описываю я,
А это просто лёгкий край —
Поэзия моя.

Там тиражам пришёл конец,
Настал счастливый миг!
И Наровчатов — мой отец
Не пишет больше книг.

Слова плывут там в облаках,
Не нужно им звучать,
И росчерк молний золотой
Там шлёт дожди в печать.

И Гром гремит благую Весть:
Поэт без книги есть!

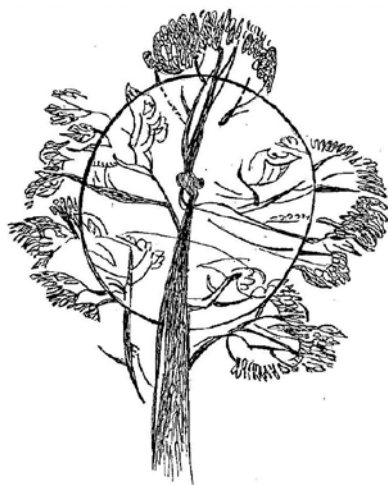
Если я захочу, в летний день не умру,
Поплыву в облака в синеву поутру,
Ароматом цветов, синим дымом огня,
Пропою с высоты: «догоните меня!»

Если я захочу, и весной не умру,
Закачаюсь кустами на майском ветру,
Упаду водопадом с крутой высоты,
Пропаду с горизонта, с последней черты.

А уж осенью я ни за что не умру!
А скорей на восходе затею игру
С перелётными птицами в реках зари,
Мы оставим внизу городов фонари.

А зимой умереть?.. — Кружевная метель
Мягким снегом укроет зелёную ель,
И зайвится в гости Мороз-чародей...
Но зачем на погосте морозить людей?

Видно, пятое время наступит в году!
Я тогда по огню и по звёздам пройду,
По зелёной метели, светящейся мгле,
И останусь мотивом на этой земле.

Дарья Солдатёнова

Река

Река моего детства
Ждёт меня.
Я не приеду в гости...
Подожди.
Только потом,
Когда я стану птицей.
Я ночью посижу
На берегу,
Где ирисы цветут.
Я отдохну от
Тяжкой ноши
Я буду иволгой
И я тебе спою
Про жизнь свою,
Про радость
И про скорбь.
А небо звёздное
Мне подпоёт.
Куда спешить?

Стая

В узорах облаков вечерних —
Птичья стая, как брошенный
По ветру платок из газа,
Резвится и летает.
Переворачивается, видит
Горизонт малиновый.
Вдруг ввысь летит и пропадает —
Тает. И распадается
На сотни маленьких чайнок,
И осыпается на лес дубовый,
Там видит птичьи сны
Про небо и про солнце.

* * *

Я стала замечать мгновенья —
И стайку воробьёв в кусте,
Щебечущих, как погремушка.
И облака, летящие по небу
Клубящимся воздушным строем к югу,
И дождь, по листьям бьющий
Тихий блюз, блюз набежавших туч,
Опавших на деревья с высоты.
Я стала замечать твои труды тяжёлые,
Дающие свободу мне и пищу,
И благодарностью за всё на свете
Отвечать.

Мы

Я тобою объята, как воздухом.
Мы с тобою на лодке по озеру
Всё плывём и плывём в неизвестность,
Обретая себя в одинокость,
В безутешность тихой печали.
Я тобою объята, как воздухом,
И неважно, что в тихой печали,
Рука об руку в синие дали.
В неизвестность сокрытой разлуки...
Так свободно, спокойно на лодке,
Мы друг другом объаты, как осенью,
Рука об руку в дальние дали...
В ожидании будущей встречи.

* * *

Я забыла, что было,—
Как чёрный сон.
Я пришла в этот белый,
Солнечный день.
Не спугнуть бы мне
Белый небесный свет.
Пусть он длится и длится
Мой белый свет.—
Словно зеркала гладь,
И гладь воды,
Словно гладь полотна
Из белого льна.

* * *

Настурции —
Листья, как блюдца —
Пруды с лебедями,
Плывущими
В детство.
Ломкие стебли,
Полные соком.—
Вам хочется пить?
Подставляйте
Стаканы
Эльфы и гномы!
Как хорошо и
Душисто
В солнечный
Вечер догорают
Цветы,—
Словно ответ
На вопрос —
Как уберечься
От зла?

Всё по кругу, по кругу —
Лето, осень, зима...
Каждый год, повторяясь,
Наступает весна.
Всё рождается снова,
Сок по жилам течёт
От корней и до самых
Белоснежных цветов.
Всё по кругу, по кругу,—
Лето, осень, зима —
Повторяются вечно,
Как закон бытия.
Это Доля с Недолей
Ткут своё полотно,
Пока вьётся нить жизни
Пока утро светло.

Весенние цветы

Ночные фиалки, ландыши,
Крокусы и гиацинты
И у нас прижились,—
По весне расцветают в лесах,
Скрываясь от глаз посторонних,
В зарослях трав, у могучих подножий
Елей, Сосен, Дубов —
Словно чудо Божественное.
Свои ароматы рассыпают
Голубыми и белыми нимбами
Вкруг перезвонов цветов.
И трудно поверить,
Что это наши цветы, а не гости
Из Древнего мира...
Что не жрецы,
Создавая благовония для царей,
Просыпали их семена.

Родные города

Ах, эти маленькие города,
Коломна и Таруса. Веря.—
В них живы деревянные дома,
За красной геранью — тишина.
Рябины и берёзы у ворот,
И улицы, ручьями
Бегут под солнце куполов.
Слышу вдали гудок электрички,
Лай собак, шум ведра у колодца.
Рядом с ним — листья роняет берёза —
Жёлтая в объятых сентября.
Родовая память моя —
Коломна. Таруса. Веря...

Двойное — я

Я сокрушаю сам себя
И думаю, что так и надо.
Я убиваю сам себя
В самооценке ноября,
Бездомной кошки,
Странной птицы.
Я выбиваюсь из границ,—
Я самый вечный пограничник —
Одной ногой я там,
Другой — я здесь,
Я не люблю себя —
И в этом — весь,
И сам себе не доверяю.
Какая странная судьба —
Я сокрушаю сам себя
И мне необходим посредник,
Что б руку мне
Всё время подавал
И перетягивал меня
Из пропасти самооценки
Из странности,
В простую жизнь людей
Из вечных слёз

Над жалостью своей.
Я сокрушаю сам себя —
Дай руку мне, дружище милый!

* * *

Загораюсь и гасну,
Как пепелище.
Востаю из пепла,
Как птица Феникс.
Забываю род свой
И своё племя —
Растворяюсь я
В солнце, в соснах.
Как былинка рядом
Я вырастаю
И сама себя
Потом собираю
Из сосновой хвои,
Из сухой полыни.
Вся одежда суконная
Пахнет ими,
И душа я думаю —
Точно также...
Все они мне
Братья, сёстры
Ведь душа у них
Болит тоже...
Тоже...

Слово о Николае Афанасьевиче Пономарёве
или Когда стартуют паруса

С той, незабываемой поры, когда постепенно мы перешагиваем полосу взросления, за которой всё прошедшее сливается в одну стойкую память — всегда и во всём видится самое дорогое: исток чувства, мысли, преодоления неумолимой силы времени подсознательным желанием высказаться и, конечно, вспомнить главное на этом пути. В такие минуты образ Учителя отчётливо проступает на фоне быстроменяющейся истории России. Исчезает сиюминутное, суетное... И смысл жизни обретает бесконечность. Для меня — таким Человеком и Учителем был Николай Афанасьевич Пономарёв (1918—1997): Народный художник СССР, профессор МГХИ имени В. И. Сурикова, Академик РАХ и один из последних президентов Российской Академии художеств.

Учитель — понятие объёмное, вмещающее в себя жизнь и творчество: прошлое, настоящее и будущее. А это — полёты наяву, мудрость и непредсказуемость, удивительное рядом и космическое в малом. Как из раскрытого настежь окна тянет живой прохладой в тёплый дом, так из лабиринтов моих воспоминаний вырываются незабвенные встречи и диспуты, художественные находки и непостижимые откровения. В одном русле крутятся бурные течения —

соединяются разные времена: советский период, историческая и новая Россия. Всё буйствует и меняется, пульсирует и сопротивляется. Ритм времени на стыке веков стимулирует воображение — помогает заново осмыслить былое. Рождаются новые произведения...

— Что взять из давно минувших дней? — Куда плыть? Вместе уживаются жажда нового и любовь к традиции — сочетание новаторства и национальных основ. Время молодости! Незаменимо и сокровенно. Именно это время заставляет думать о неисполнимом и грандиозном: смелость и юность побратимы на пути к самореализации в творчестве.

Цель даёт силы, мечта — озарение. Лазурная даль горизонта — метафора ожидания. Это и водная ширь, на которой ставят паруса: паруса—крылья,двигающие одержимых смельчаков по голубым волнам надежд (Серия Н. А. Пономарёва «Паруса Подмосковья»). Скорость эмоций освещает духовный мир художника — приглашает каждого в накопительный взрыв световой энергии. Дышит вода. Поёт ветер. Растягиваются паруса... Передаётся ощущение быстрого течения воды в синхронных движениях лодок. Идея замысла диктует композиционный приём, и диагональ в построении листа рассекает видимое для обретения сокровенного. «Внутренняя логика композиции организует взаимодействие всех сил художественного процесса», — любил повторять Николай Афанасьевич. Оттого ли в учебных постановках ставились неожиданные задачи — творческий поиск всегда был важнее беспроектных стандартов. «даже в студенческие годы надо перешагивать ремесло, подымать планку своих возможностей — искать активные взаимоотношения пятен, форм, силуэтов, живого рисунка, тона и цвета: не копировать — творить вместе с жизнью, споря и соревнуясь, взлетая и падая от минут открывшейся гармонии». Это напутствие часто произносилось в мастерской станковой графики — и это было понятно не всем! Не каждому по плечу — учиться не просто рисовать, а мыслить, интерпретировать видимую реальность; рисковать и делать по-своему.

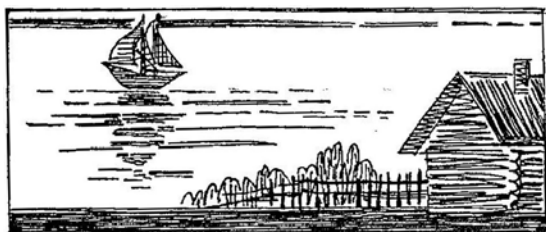
Как ни парадоксально это кажется сейчас, но в советский период своего преподавания Николай Афанасьевич интересовался авангардом в широком значении этого направления: в 90-е годы — с ностальгией хотел видеть классику, ведь «чтобы выразить своё чувство линией — надо уметь хорошо рисовать». В своих авторских работах поэтическое чутьё рисовальщика никогда не подводило Н. А. Пономарёва — тонкая линия, интригуя и восхищая, заполняла листы бумаги будто словесная ткань стихотворения.

Всё перечисленное уже с институтских лет настраивало на увлекательные беседы об отечественной и мировой культуре, раскрывало глаза на загадочные просторы для студенческих экспериментов.

Таким образом, броские лоскутные коврики (участники учебных постановок), минуя условности прикладного искусства, незаметно погружали нас в цветочное марево парижских бульваров, где опыты неукротимого Гогена дружелюбно соседствовали с монументальными коллажами Матисса.

Большое видится на расстоянии. И теперь, вспоминая обсуждения моих работ с учителем, я собираю мгновения в одно целое и рисую портрет Николая Афанасьевича красками его души. Вновь предо мной разливается напевная речь, аккомпанирующая изобразительному ряду — оживает, как родное кино, нерасторжимая цепь его произведений... По обе стороны от деревянного мостика, вибрируя белыми упругими треугольниками своих отражений, готовятся в путь паруса... (Н. А. Пономарёв «У причала» 1969 год). И мне ответно слышится:

Парус ходит послушно
По свободным волнам:
Что художнику нужно —
Знает только он сам.
Ему голос подскажет —
Тот, что слышит лишь он,
И рука не промажет
В зыбком кружеве волн.
Полетит звон по кругу,
Белый парус кружа,
И высокому звуку
Покорится душа.

Течение голоса, глубины волн, высоты света — восторг и упоения.

Да! Творчеству нужны паруса.

Личности нужна трибуна, обществу — лидеры.

Быть самим собой равноценно сохранению собственного достоинства — своего взгляда и своего пути. Учёба в мастерской графики — первые шаги по этой тернистой дороге. В те, счаст-

ливые часы — развитие образного мышления определяло формы искусства.

Вряд ли где-либо найдётся такое благословенное время, когда можно испытывать азарт художественных приключений, знакомиться с другими континентами — даже не выходя из институтских стен. Ведь рисовать на вырост, передавать будущему себя — это не что иное, как умение донести Слово изображения до зрителя: Слово — Ангел хранитель между учителем и учеников... Боже праведный! Белые паруса даны для того, чтобы наш маленький мир вернулся в бездонное небо России.

Когда стартуют паруса —
Жизнь разгорается желаньем
Спешить порывистым дыханьем
Туда, где правят небеса...

Дух искусства — выше толпы, публики, удобств существования — выше времени. Как — говорить с линией и цветом на их языке?.. Тогда — и «дорога долгая легка» (А. Блок), и не видно усилий труда — шепчет вдохновенье...

Нетленное наследие таится в самой природе искусства, а эта природа по-матерински проявилась в характере Николая Афанасьевича. Отсюда и художественные горизонты, отсутствие границ в рамках традиции и новое дыхание в творчестве.

Парус должен плыть.

Личность и время должны вести диалог,

Художник — быть в искусстве.

И постоянно — сосны, меняя среду обитания и видовые формы, живут на графических листах — растут свободно, раскидисто расправляя и соединяя свои игольчатые ветви: они устойчивы на любой почве. Непрерывно, иногда обнажая, питает их разросшиеся корни мать-сыра земля — их основание и опора (Н. А. Пономарёв «Корни деревьев» 1974).

Корни определяют суть.

Так синий парус, оживающий на графическом листе художника, помогает выстоять одинокой сосне — растущей на крутом берегу. Парус, будто светящийся месяц, на миг застыл около сосны, подчёркивая её прямой, почти оголённый ствол (Н. А. Пономарёв «Синий парус» 1965).

Сосна — непримиримая, укоренённая вертикаль — любимое дерево Николая Афанасьевича. Поэтому именно сосна стала для меня крестообразным знаком художника (И. Г. Егорова-Нерли экслибрис Н. А. Пономарёва).

Когда послушно выраженье
Кипению души —
Тебя умчит воображенье
В иные миражи...
Там в неменяющемся свете
Стоит сосновый строй,
Там потрясенный лютый ветер
Гуляет стороной.

А началось всё гораздо раньше, и звуковая стихия ассоциаций уводила меня в годы его детства и юности. Дон... Далекый, тихий и огневой в своих бедах. Земля вольного казачества — служивого, но не крепостного — воспетая шолоховским гением, пропитанная неуёмной страстью и иссушающей печалью гражданской войны. (Н. А. Пономарёв «Портрет М. Шолохова»). Скорбь 18-х — время рождения художника.

...Опиши, что случилось с тобою —
Расскажи, что ушло в тишину:
Как сроднилась с казачьей судьбою
Погребальная скорбь на Дону.
Пелена облаков легковесных
Там взмывает над гребнями гор,
Очертания далее окрестных
Будто собраны в давний укор.
Это белое с благостью вербы
Как граница последней черты —
Отражение светлого неба
В беспокойном теченье воды...

Не оттуда ли — явная самостоятельность и личное отношение художника? Будто последняя почка ветвистого дерева, произрастающего на пограничных рубежах России (последний ребёнок в многодетной казачьей семье), его неординарный характер — сконцентрированный выплеск неутомимой жажды жить, помогать талантливым людям: понимать творчество как часть этой работы души и неутомимой борьбы с несправедливостью. А это — прорыв в будущее, отмеченный секретами мастерства, свой — надёжный — парус, своя — неизвестная миру — творческая задача.

Донская земля издавна связана с корневыми устоями жизни, с понятием казачьей чести и православной веры, семейных традиций и, конечно, народного искусства.

— Что в нём — даже на полуслове — живописным мазком заставляя волновать сердца? Что — восхищает и томит? В одном ключе — миропонимание крестьянского уклада и свободолюбивый дух предков, архаичность больших форм и тяготение к поиску, декоративная основа в колористическом звучании, лентуловский размах и тонкий юмор, графическая острота стиля и спонтанное желание менять манеру письма — схватывать на лету европейские новшества XX века, не выходя за грани добротного, глубинного идеала народной красоты.

И действительно, создавая сильный характер, донская порода не поскупилась и на внешний облик художника. Черты лица прямые, притягательные и волевые: разлёт крылатых бровей, орлиный профиль, синь светлых глаз... Как удачно воедино соединились в нём и воинская стать в неколебимой осанке, и отеческое тепло в голосе, и обаяние открытого взгляда — и готовность к серьёзным спорам с оттенками лёгкой шутки.

Будто сама Россия говорила со мной — та, ушедшая или несмотря ни на что сохранившаяся в народных глубинках, не замутнённая приспособленчеством, лицемерием и карьеризмом... Так порывисто и непринуждённо расширяется раздольная интонация содружества, соучастия или, может быть, того заповедного товарищества — ярко обозначенного в пламенном, объединяющем слове былинного богатыря Тараса Бульбы. «Так ли трудная доля терпенья говорит на своём языке», — спустя годы отвечают строчки моего стихотворения. Такой подход к жизни многое объясняет. Как всё это живо в памяти и сейчас.

Однажды, в один из морозных святочных вечеров 2005 года, Нина Семёновна Будённая (вдова художника) задушевно поведала мне, что потребность в народных присказках и прибаутках подчас помогала Николаю Афанасьевичу пережить неразрешимое и горькое, а «если лошадь лишили овса или кроме сена в амбарах ничего нет — то ржать лошадке надо так же бойко, будто вдоволь был рассыпан овёс».

Подпрыгнет конь в зарю крутую,
Сорвётся крепкое словцо.
Пригорья медленно рисуя,
Свет жарью ляжет на лицо.
И оживёт при доброй встрече
Одно старинное село,
И возгорится летный вечер,
Чтоб в пляс и в песню повело...

Может, этот ветер с южных окраин страны вернул неунывающий задор чувствам, прицельную смекалку помыслам, праведную ясность поступкам? Неслучайно красочное озорство фольклора, залихватское пронзительное пение так близко к мажорной, роковой сущности испанского искусства. Не потому ли Пикассо, поразивший Москву своими гравюрами и керамикой в 1966 году (выставка в ГМИИ имени А. С. Пушкина), тоже стал для Н. А. Пономарёва не далёким гостем из Франции, а своим горячим испанцем — своим в доску:

В экстазе недосказка
Смотри, как пляшет кисть —
Попробуй, как Пикассо,
Без устали трудись!

Словами Николая Афанасьевича со мной «говорил» Пабло Пикассо, и его мятежная душа заприметила моё привычное желание бесстрашно фантазировать — искать ответы на вопросы, заданные испанским искусством.

Что же заставляет нас вести мысленные диалоги о творчестве и путешествовать в своём воображении? — Магия? Чудодействие?.. Или опять — тайная власть подсознания правит сознанием в многоголосье культур. Невольно, когда задумываешься о нашей столичной, художественной жизни, эта корневая связь в творческом подходе Николая Афанасьевича перекликается с позицией Пикассо, прошедшего XX век и оставшегося самим собой.

Тогда — не слушая рассудок,
Поймёшь, как радость горяча,
Как пробирается рисунок
По следу зимнего луча.

Итак — простыми средствами можно выразить суть, прямо и по-народному ёмко сказать о серьёзном, живой линией и звучно вступающим цветом воспеть неповторимость мгновенья, подсмотренного в жизни. Всё высокое — так же доступно, как волнение красок приближающегося рассвета, глаза влюблённых, бессонное одиночество поэта и каждодневный труд — одержимого своим замыслом — художника.

...Опять исполнены картины,
И нет отдачи за труды —
На каждый век свои помины
И Патриаршие пруды.

Картина Н. А. Пономарёва «Патриаршие пруды» — не только об одиночестве каждого гения на перепутье эпох, но и о пророческой миссии писателя, а, значит, и художника во все времена. Именно булгаковский литературный сюжет был созвучен его настроению в 90-е годы... А зимнее, «лишённое перспективы», заснеженное безмолвие бульвара как нельзя лучше соответствовало тому тревожному состоянию неопределённости, так часто из столетия в столетие посещающему российскую жизнь. И теперь я догадываюсь: почему одной из последних его картин была эта — изображающая мастера на скамейке. А тогда — тень М. А. Булгакова, как и персонажи его произведений, обретающие уже современную символику, то и дело появлялись на московских улицах.

Влекут булгаковские тайны
Ко всем скамейкам роковым —
Иль наши встречи не случайны
На старых улицах Москвы?..

Подстерегающие нас отражения... Или, как в булгаковских головоломках, — пересечение одной биографии с движением истории, масштаб обобщения и склонность к притче, печаль невысказанности и утверждение таинственного предназначения художника.

«Каков выбор — такова и ноша», — навечно отпечталось в моём дневнике.

Очевидно, что если мы хотим поднять невозможное — для этого нужны силы: если ставить трудные задачи (брать быка за рога!), то научись преодолевать препятствия.

Индивидуальность всегда обречена на борьбу.

Великие художники-новаторы — борцы в схватке со временем и жизненными обстоятельствами. В этом испытании — и трагедия, и праздник!

Подобная христианской заповеди — отзывчивость, свойственная многогранной натуре Н. А. Пономарёва, — не просто искреннее стремление помочь, как мы говорим, выживать, а насущная необходимость ощутить уверенность в себе, существовать и бороться — чувствовать себя счастливым, ведь истинные герои великих произведений: художник и его мир.

О таком понимании, о такой протянутой руке тоскует душа каждого, кто ищет свою дорогу в искусстве! И, пожалуй, Николай Афанасьевич, как никто, обладал этим даром творческой поддержки, меткого слова, исключительного отношения к самобытному (смелому!) движению художественной мысли. Могло ли что-то помешать такому наплыву энергии, доброты и родительской ответственно-

сти за труд — за судьбу человеческую и творческую? — Конечно, нет! И ещё раз — нет! Не потому ли в лирическом портрете Наташи (дочери художника) юность солнечна и беспредельна. Мирно и светло юность цветёт под прозрачным — насквозь пронизанным светом — зонтиком. Нежность защищена, когда рядом есть неиссякаемое и непроверяемое, нерушимое и родственное.

Неужели всё это открыто мне?.. Всё, что явлено в картинах, рисунках и скульптурах, уже озвучено в стихах и создаёт отражения нашей культуры: в каждом слове моего стихотворения образно присутствует и сам художник. Прошлое смотрит в будущее, и книга «Чтоб пустовать не смели зеркала», посвященная памяти Н. А. Пономарёва, — ещё одно необъяснимое желание услышать это послание и затем сказать своими словами о том, без чего нельзя жить.

Как неподконтролен процесс выращивания талантов, так и непредсказуем рост в творчестве! Художник — властелин и мученик своего призвания. Итог его труда — колыбель следующих поколений, ведь только у художника может научиться художник. Так с помощью своего я — через стили и жанры — можно прийти к личному восприятию, к своему видению мира.

Творческое начало непобедимо. Личность всегда опережает время и открывает дверь в большое искусство, а самопожертвование в профессии лишает страха пред конечностью земной жизни:

Но — в силу Божию поверьте,
Чтоб лихо стало ни почём,
Чтоб путешествовать в бессмертье
На вдохновении своём...

В нашем современном прагматичной мире будут появляться такие люди, как Николай Афанасьевич Пономарёв. За ним стояла вся Россия с её сердечной тайной, с боевым духом Донского казачества.

Его образ — слова, дела и поступки — живёт в душе и сейчас дарит мне спасительный свет прозрения. Так и вижу его уходящим в снежную даль бескрайней России. Следом тихо движется сообщество художников — друзей, педагогов, учеников... Промозглый дождливый день. 22 февраля 1997 года... Мокрый снег тут же тает на тёмном асфальте. Ограда Новодевичьего монастыря и примыкающего кладбища, завершая земной срок пути, уводит взгляд в туманную облачность неба — такого ровно окрашенного московским воздухом, словно готового для живописи белёного холста. Будто всё небо — поле для картины. Раскачивая воздух, колышется полотно: небо плывёт навстречу как необратимый поток, преображающий мирскую жизнь. Сыпь летящей позёмки напо-

минает зернистую поверхность грунтовки. Холст натянут и ждёт руки художника.

Так и каждый остаётся наедине со своим холстом — своим будущим, которое уже родилось в его голове. Теперь настанет время радости и преодоления, счастья и борьбы. С кем и почему? — Это знает лишь сам художник... Может, окно, в которое глянула моя память, будет полотном для новых мастеров, как и — овеянное грустью и надеждой, то светлое небо — чистый холст февраля. «И один в поле воин, если ладно скроен», — разносится ветром народная половица и слышится знакомый голос учителя.

Из стремительно идущего XXI века — с благодарностью вспоминаю, кланяюсь ему и понимаю, что творчество не имеет конца: в океане неизбежных перемен сохраняется неизменное и вечное.

Время нельзя остановить... Ветер по-прежнему раздувает паруса, и сказочный кораблик, мелькая в голубой дымке морей, движется — побеждая любые расстояния и преграды.

Пусть не маячит пристань
В блуждающей дали.
Так было, будет — исстарь
Кочуют корабли.
9 августа 2018 года

Завещание художника

Памяти моего учителя Н. А. Пономарёва

Нельзя учиться вкусу,
Всегда писать на спрос —
Не учатся искусству,
А чувствуют до слёз.
Без чётких ориентиров —
То вверх, то под откос
За тайны всех кумиров
Держают на износ.
Людскому общежитью
То виденье не впрок,
Прислушаться к наитью —
Вот истинный урок:
Вспомнется игривость
Французского мазка,
Испанская пытливость

По-русски широка.
Наращивая скорость
В неведомых путях,
Опять услышишь голос,
Озвученный в холстах:
«Нежданно без оглядки
Воистину свершись,
На всё свои догадки —
Придумай, как Матисс!
В экстазе недосказа
Узнай, как пляшет кисть:
Попробуй, как Пикассо —
Без устали трудись!
Найди себя, как Пабло,
Минуй соблазна рой!
Взгляни: как небо ало,
Когда царит разбой.
В согласии негласном
Случись невпроворот,
Коль розовое в красном
До одури цветёт».

*Из книги И. Егоровой-Нерли
«Чтоб пустовать не сняли зеркала» ©*

ИЗ ЦИКЛА АФГАНСКИХ РАССКАЗОВ

Проверка

...Ночью произошёл скоротечный бой, — из тех суматошных, случающихся в густой темноте, — когда толком не разобрать даже, кто в кого стреляет, а противники скорее только угадывают друг друга по частым вспышкам выстрелов и светящимся пунктирам трассирующих пуль. Но, так или иначе, — за полчаса беспорядочной перестрелки — во взводе один убитый, трое раненых. Двое из них — тяжело.

— Вызвали вертушки, — благо рация работала исправно, — забрать раненых и погибшего. Летуны ответили быстро, но непреклонно: до рассвета над ущельем не полетим. Нет, так нет. Оставалось только ждать. Через несколько часов из-за гребня гор выкатилось бледное солнце. Через три часа оно приблизилось к зениту. А ещё через час раненые начали умирать. И вот, когда уже надежда иссякла, а все многочисленные попытки связаться с вертолётчиками наткнулись на какое-то бестолковое бормотание в эфире, раздался отчётливый шум двигателей и шуршание лопастей винта. Вертолёт появился внезапно, — словно провалился в ущелье и, косо снижаясь, стал заходить на посадку...

Но оказалось, что вертушка прилетела вовсе не за ранеными. С ней прибыл проверяющий из штаба дивизии, облетавший отдалённые «точки». Невысокий, плотный майор, одетый в отлично пригнанную, с иголки, полевую форму, — неправдоподобно яркую на фоне серых гор. Он ловко выпрыгнул из вертолёта, всем своим обликом живо напомнив весёлый резиновый мячик. Под мышкой майор бережно придерживал красную папку.

То, что он увидел, не понравилось ему с первого взгляда. Полтора десятка пыльных, небритых солдат, больше напоминавших не советских военнослужащих, а каких-то нищих голодранцев с восточного базара. Панамы с обрезанными полями. Разномастные кроссовки и ботинки, куртки с отпоротыми рукавами на голое тело, укороченные до шорт бриджи, вылинявшие джинсы...

Особенно неприятно поразил его крупный детина, крест на крест перепосаннный пулемётными лентами, — наподобие легендарных матросов из фильмов о Гражданской войне.

Но наибольший гнев майора вызвал даже не он, а рыжие, тусклые бляхи солдатских поясных ремней, — словно их не чистили с момента изготовления на заводе. Лицо проверяющего исказила брезгливая гримаса.

— Кто тут старший? — спросил он высоким, раздражённым голосом.

— Я старший, — с неохотой ответил невзрачный солдатик, даже не потрудившийся встать по стойке «смирно», и опирающийся на пулёмёт так, словно это был костыль, а не боевое оружие.

На его плечах майор всё-таки разглядел неопределённого цвета лычки.

— Как вы отвечаете старшему по званию, товарищ сержант?! — вспылал майор.

А тот молча продолжал пристально смотреть на него, словно запоминая.

— Нет, это вообще чёрт знает, что такое! — выкрикнул проверяющий, и закурил головой, словно отыскивая кого-то.

— Не ищите, — ни к кому не обращаясь, проговорил невзрачный солдатик. — Один я во взводе сержант.

— Где командир взвода?! — продолжал кипятиться майор.

От возмущения он даже привставал на носки, и, казалось, что вот сейчас подпрыгнет, — точь в точь, как мячик.

— В Баграме командир взвода. Малярия.

— Заместитель?! — майор уже срывался на крик.

Только тут сержант несколько подобрался, даже приложил грязную ладонь к безобразно искромсанной панаме.

— Старший сержант Кузьмин убит сегодня ночью.

— Так кто же здесь командует? — Майор даже несколько опешил.

— Я командую.

— Кто это «я»?!

Проверяющий наседавал на неразговорчивого угрюмого сержанта, и не заметил, как детина, перекрещённый пулёмётными лентами, будто невзначай переместился к нему за спину. Потом сделал какое-то неуловимое движение и широко взмахнул рукой. Через две-три секунды за каменным бруствером тяжело ударил взрыв. Полетели камни, с противным визгом пронеслись над головами осколки. От неожиданности майор рухнул на землю, прикрыв голову руками. Щегольская фуражка слетела с головы и покатилась в пыль.

— Взвод, к бою! По местам! — крикнул сержант.

Топот ног, лязганье затворов — и всё стихло...

Майор решил пошевелиться, и даже снять ладони с затылка. Но уже в следующее мгновение началась такая оглушительная

стрельба, так тоскливо заныли рикошетирующие пули, что поднять голову проверяющий уже не рискнул.

— Товарищ майор! Товарищ майор!.. — тряс его за плечо сержант и протягивал ему фуражку. — Нас атакуют. Вы примете командование?

— А? Я?.. — майор ошалело посмотрел на сержанта, на собственную свою фуражку, которую тот почти что тыкал ему в лицо. — Я — нет... Я через полтора часа должен быть на докладе у командира дивизии! Командуйте, сержант!

Проверяющий на удивление резво вскочил и, пригнувшись, уже сделал несколько шагов к вертолёту.

— Майор! — окликнул его сержант, как-то незаметно упустив слово «товарищ». — У нас убитый и трое раненых. Заберите их в Баграм!

— А? Да-да, конечно!..

— Парни! — сержант махнул кому-то рукой. — Грузите двухсотого и трёхсотых в вертушку! Майор разрешил!..

...Натужно гудя моторами, вертолёт так же косо, как и приземлялся, ушёл в небо. К сержанту подошёл солдат, перепоясанный пулемётной лентой.

— Ну что, улетел проверяльщик?

Сержант криво улыбнулся.

— Слушай, Ника, ты чем рванул-то?

— Как чем? «Фенькой», конечно.

— Всё же ты поосторожней в другой-то раз. Ведь могло и зацепить кого из наших.

— Обижаешь, братан. У меня всё рассчитано!..

Они переглянулись и рассмеялись хриплым, лающим смехом.

Страх

Утром в роту пришел комбат, майор Шиловский. Широкий в кости, сутуловатый, кряжистый, с сединой на висках, чем-то неуловимо напоминающий медведя.

После давней контузии левая щека майора мелко подергивалась, будто на неё садились невидимые комары. Вообще, Шиловский слыл у полкового начальства за психованного. Поговаривали, что даже в штабе дивизии его побаиваются. Именно поэтому он так долго оставался майором, переходив уже все мыслимые и немыслимые сроки.

— Разрешите доложить, товарищ майор, — вытянувшись перед комбатом, ротный чётким голосом начал рапортовать. — Первая рота...

— Пойдём лучше посмотрим, как сегодня первая рота живёт, — устало сказал Шиловский. — Чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть. Кажется, так говаривал Сенека?

— Так, — поддакнул лейтенант и отвёл в сторону глаза.

— Вы знаете Сенеку? — спросил командир батальона, удивлённо приподняв бровь. — Приятно, очень приятно, лейтенант.

Глаза ротного стали растерянными. Он лихо, по-уставному, повернулся и деревянным голосом сказал, что позиции начинаются на гребне, справа от лощины.

— Ну что ж, туда и двинем, — сказал комбат. — Для разных философий сейчас время неподходящее... Между прочим, лейтенант, Сенека этого никогда не говорил. Это самая обыкновенная поговорка, и мне она очень нравится...

Майор облазил всю линию обороны, осмотрел каменную стенку, выложенную вместо хода сообщения по склону, побывал на наблюдательном пункте.

— Говно, а не оборона, — коротко подвёл он итог своему осмотру, и несколько раз подряд дёрнул щекой, словно невидимый комар всё-таки умудрился укусить его. В подтверждение своих слов он с силой ударил каблуком по камню, торчащему из стенки хода сообщения. Камень вылетел, и стенка с грохотом стала рассыпаться.

— Видал, какая у тебя оборона, лейтенант, — раздражённо говорил Шиловский.

Его небольшие, глубоко посаженные глаза теперь казались ещё меньше, ещё темнее, превратились в две чёрные точки, круглые, как отверстия пистолетных стволов, нацеленных прямо в лицо ротному. Лейтенант стал оправдываться, что люди устали, что пули и такую стенку не пробьют, а чтобы духи её ногами пинали, они не допустят. В заключение он попросил у комбата два дополнительных пулемётных расчёта, хитро прикинув, что если просить два, то один могут и дать.

— Я тебе про Фому, а ты про Ерёму! — ещё больше рассердился майор. — Для меня, что ли, эта позиция нужна? Для твоих же бойцов, они по этим ходам ползать будут. Начнут духи из гранатомётов садить, и раскатится ваша стенка к такой-то матери. Останетесь тогда, как караси на горячей сковородке... Три дня даю тебе сроку, три! — майор поднёс к лицу лейтенанта три растопыренных пальца. — Выложите кладку в два ряда, как для любимой тёщи. Чтобы прямое попадание гранаты выдерживала. Всех, кроме боевого охранения, с сегодняшнего дня на работу... И ходы сообщения.

— Ясно, — лейтенант кивнул головой так поспешно, что ударился лбом о камень.

Лицо у комбата вдруг стало совсем простым, домашним каким-то.

— Я ведь тоже этого грёбаного Сенеку ни хрена не знаю, — неожиданно сказал он. — В журнале каком-то про него читал. Ну, полезли дальше...

Когда комбат уже уходил, лейтенант снова повторил свою просьбу.

— Нам бы парочку станковых пулемётов с расчётами, товарищ майор... Я и сектора обстрела для них приглядел уже. В случае чего кинжальным огнём можно будет даже дорогу перекрыть... Мышь не проскочит!

— Ты мне насчёт пулемётов зубы не заговаривай. Завтра приду, проверю, как вы тут позиции укрепляете. — Шиловский подал ротному широкую, жёсткую ладонь и добавил негромко:

— Нет у меня лишних пулемётчиков, Куманьков. Нету! И так на твоём участке два лучших расчёта в батальоне.

...Третьи сутки перестраивали и укрепляли позиции. Комбат приходил каждое утро и придирчиво проверял, что уже сделано было.

На левом, наиболее уязвимом фланге работа была почти закончена. Там осталось сделать ход сообщения к запасной пулемётной ячейке. Эту ячейку, — довольно просторное каменное гнездо, — несколько дней назад Гвоздик с Аникеевым устроили впереди, на отшибе. Позиция, выбранная под каменным выступом, была удачной. Их пулемёт надёжно перекрывал подходы к роте. Но выступ торчал на открытом склоне, который хорошо простреливался. Поэтому надо было протянуть к нему ход сообщения. Почти вся рота ушла на правый фланг, а сюда, доделать ход к пулемётному гнезду, ротный отправил его, и Аникеева.

У Гвоздика кружилась голова. За двое суток лишь один раз ему удалось прикорнуть на пару часов. Веки были тяжёлыми, ломило в висках, голову словно сдавливал какой-то обруч, ныла поясница. Мысли были вялыми, путались и переплетались. Как он теперь завидовал умению Спиридонова спать в любое время, спать каждую свободную минутку. Спать за прошлое и спать про запас.

Он ползал по склону и носил к ходу сообщения камень за камнем, а Аникеев строил стенку. Стенка росла очень медленно. Сначала он просто носил камни, потом начал их считать. Насчитал триста пятьдесят четыре и бросил: надоело. Затем он стал прикидывать, сколько ещё камней им потребуется. Считал в уме объём, умножал ширину на высоту... Но скоро сбился и механически, как заведённый, ползал по склону и собирал камни.

С каждым разом приходилось отходить всё дальше от стенки, чтобы разыскать подходящий камень. Он уже не поспевал за Анике-

евым. Камни становились всё тяжелее и тяжелее. Плоский, похожий на сковороду камень прочно засел в трещине. Он кое-как расшатал его, но вытащить не смог. На мгновение он остановился, соображая, что делать. «Немножко отдохну, и снова возьмусь», — решил он. — А потом поменяюсь с Аникеевым...»

И тотчас же в метре от него знакомой щербинкой чиркнула по камням пуля.

«Снайпер!», — обожгла страшная мысль. Он проворно упал, и только тут сообразил, что находится на открытом, простреливаемом участке склона. Для этого они и строили здесь ход сообщения. Вон он, рукой подать, — метров сто, — низенькая каменная стенка. Конец её не достроен. Перед ней ровный, как доска, склон. Ни камня, ни выбоинки. Все камни собраны на постройку, теперь и головы негде спрятать. Он поглядел в другую сторону, где темнела запасная ячейка. Туда тоже не пройти. Глаза стали торопливо обшаривать склон метр за метром.

Ясно было, что снайпер его приметил. Как только он приподнимется, его ухлопают.

Осторожно перебирая руками и принося к камням, он прополз десяток метров по крошечной, еле приметной ложбинке и вскочил на ноги там, где снайпер не ожидал его увидеть. Зигзагами, нелепо размахивая автоматом, он кинулся по склону, не разбирая направления. Сзади хлопнул выстрел, возле головы тонко свистнула пуля. Снова мимо. Тотчас же он упал на землю и притих. Опять стало невыносимо страшно.

Он огляделся тоскливо и вдруг увидел прямо за уступом, где была запасная ячейка, длинную каменную осыпь. Совсем невысокую, но если он доберется туда, можно будет, прячась за ней, ускользнуть с открытого склона. Он нёсся стремглав, прыгал через камни, взлетал на уступы, кидался из стороны в сторону, спотыкался, падал, полз. Катился вниз, снова вскакивал и бежал. Бежал, не пригибаясь даже, подгоняемый страхом. И сумасшедший бег его, наверное, ошаршил снайпера, потому что тот опоздал. За каменную осыпь он успел забежать раньше, чем снайпер выстрелил третий раз... Оказавшись в укрытии, он повалился на землю. Бухало в груди сердце, кровь бешено стучала в артериях, лёгкие с хрипом вбирали воздух и мелко дрожали руки. Не отдышавшись ещё, он торопливо просунул ствол между камней и, держа автомат неловко, как отбойный молоток, дал в сторону молчаливых гор неприцельную, наугад, очередь. Автомат загрохотал, затрясся, и трассирующие пули, бледные при дневном свете, рассыпались по склону, выбивая из каменистой почвы белёсые фонтанчики пыли. Пули эти не настигли никого, и никого не убили, — просто ушли в том направлении, где в камен-

ном хаосе затерялся невидимый снайпер. Но только этим он мог отомстить тому, кто всего мгновение назад охотился на него и, как зайца, гонял по открытому склону. Отомстить за пережитый страх. Он жал на спуск до тех пор, пока автомат не осёкся. Вернее, это ему в горячах почему-то померещилась осечка. Он передёрнул затвор, снова нажал на спуск. Курок сорвался легко и безвольно, лязгнул металл. Он рванул затвор ещё раз и тут только сообразил, что магазин пуст. Поспешно вщёлкнул новый рожок... Кажется, он стрелял снова, ещё и ещё. Стрелял, кричал и смеялся. Смеялся потому, что с каждым мгновением нарастало у него внутри ощущение себя — живого. Всё тело ликовало, и каждая клеточка кричала «Жив! Жив!»

И только потом, значительно позже, ему стало неловко перед самим собой, — и за свой панический страх, и за бестолковую стрельбу, и за безудержную свою радость. Вспоминать этот случай он очень не любил.

ПОХОДЫ С ОВСЯНКОЙ

Заброшенная деревня

После окончания второго курса МГУ, мы с подружкой Ириной (по прозвищу Овсянка) поехали отдыхать на озеро Селигер. Мы поселились на турбазе и ожидали отплытия на лодках по озеру. Чтобы не терять время зря, мы решили познакомиться с окрестностями. Турбаза находилась недалеко от Осташкова — старинного города Тверской губернии. Туда по шоссе несколько раз в день ходил автобус.

Мы встали очень рано и отправились на остановку около шести часов утра. Мы тепло оделись, взяли с собой немного провизии — бутерброды и печенье. Около часа ждали обещанного по расписанию автобуса, но так и не дождались. Стали ловить попутку — машин долго не было, и остановился первый грузовик. Шофёр предложил бесплатно подвезти нас до города, но в кузове, мы туда залезли с его помощью и усадились на лавку. Грузовик был открытый, подсакивал на каждой кочке, а мы подсакивали на лавке и боялись вылететь из него. Слева от дороги виднелся Селигер — хмурый, серо-стального цвета, как и ненастное, низкое небо. Вскоре на песчаном берегу озера мы увидели деревеньку, старую престарую — может быть даже начала XX века. Мы обе вскочили, добрались до железной крыши и стали стучать шоферу, чтобы он остановился. Нехотя машина остановилась, шофёр выяснил чего нам надо, ничего не понял, но помог слезть на землю, сказал, что до города осталось три километра. Нас скоро перестало пошатывать после езды, и мы рванули к деревне.

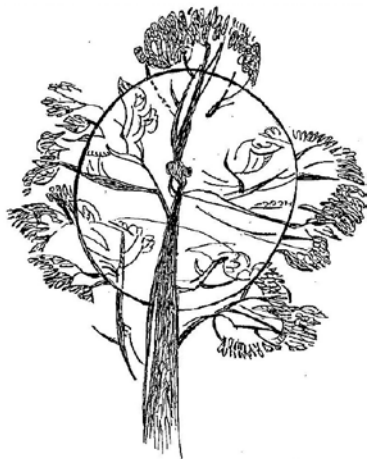
Хорошо, что на ногах у нас были резиновые сапоги, а то бы мы набрали полные туфли песка. Подойдя к деревне в семь изб, мы с Овсянкой были поражены — она была заброшенной. Застыла полная тишина, её нарушали лишь волны Селигера. Добротные дома из толстых бревен стояли в ряд вдоль берега. Не было ни калиток, ни заборов. Ставни и двери, уходя, люди забили крест на крест досками. Какая-то дикость и опустошённость были в этом печальном зрелище. Моросил мелкий дождик. Овсянка ушла на опушку собирать букет.

Деревья готовились к осени — с берёз свисали жёлтые пряди. Осины роняли ярко красные круглые листья. На меня вдруг нахлынуло чувство родства с этими избами, с брёвнами, из которых они были сложены, с песчаным берегом и с огромной водой вокруг. Эти вода, дожди, песок и ветер так отшлифовали брёвна, что они приобрели серебристый цвет. В некоторых местах на спилах брёвен появилась ребристая поверхность — это выступили твёрдые годичные кольца дерева, а более мягкие части выветрились. Я гладила приятную рифленую древесину и прижималась к ней щекой, будто она была живой. Она и впрямь была живой — хранила тепло ушедших отсюда людей и ждала их возвращения. Сколько уж лет ждала — никто мне не мог ответить.

Потом я подошла к озеру. Оно было суровым и хмурым. Там, далеко над ним шёл сильный дождь. Противоположного берега не было видно. Было такое чувство, что озеру тоже одиноко. Селигер тоже ждал и охранял деревню...

Он выбрасывал на берег всякую труху — пропитанные водой веточки и мелкие деревяшки, водоросли, ракушки, камушки. Я занялась своим любимым делом — шла вдоль кромки воды и искала взглядом что-нибудь интересное. Нашла камень с дырочкой — куриный бог и прямоугольную деревяшечку, рельефную с годичными кольцами дерева. Я их забрала с собой. Они до сих пор лежат на полке с книгами и напоминают о Селигере и той пустынной деревне.

А за деревней тоже были удивительные вещи — всякие необычные мхи покрывали землю. Я нашла целую поляну бессмертника — жёлтых низкорослых полусухих цветов, обладающих целебной силой. Бессмертник... Селигерский Бессмертник...

ИЗ ЦИКЛА «КОНЕВ БОР»

Путь вдоль старицы

*Посвящается
Анне Шубниковой*

Мы с Анюточкой подросли и нас увлекли приключения на дальнем расстоянии от дачи. По дороге на речку мы переходили через Старицу — в самом узком её месте. Жарким летом она там пересыхала, а когда шли дожди — протекал ручей и, когда мы ещё были маленькими, папа переносил нас с Банифацием на руках. К его ногам цеплялись пиявки, и мы с удовольствием их изучали. Теперь нам стало интересно — откуда взялась эта маленькая речушка.

Бабушка Гуля объяснила нам, что Старица — это старое русло реки, из которого она перешла в новое, более глубокое. А, может быть, в этом месте она раньше текла по двум руслам, и между ними был остров. Потом, возможно, одно из них заросло, и остров исчез. Мы решили исследовать нашу Старицу. Я к этому времени прочитала много книжек про первооткрывателей новых земель. Меня это очень волновало и интересовало, да и Анюточку тоже.

Мы начали свое путешествие с истока Старицы. Находился он недалеко от деревни Конев Бор. Старица вытекала из реки в местечке, которое мы всегда называли — Камушки. Там было очень хорошо купаться — берег в том месте усеян мелкими камушками, а дно песчаное. В самом истоке Старицы была небольшая заводь, над которой склоняли свои длинные ветви ивы. Здесь мы в детстве с тетей Анютой и дядей Ваней ловили карасей.

Мы вышли из дома рано. Чтобы добраться до Камушков, нужно пройти большой луг. Шли по дороге на речку. За холмиком свернули по еле заметной тропке налево. Было чудесное солнечное утро. Свежий ветерок трепал наши волосы. Где-то далеко — далеко в небесной вышине пел невидимый жаворонок. Всё происходило в начале июля, и луг встретил нас изобилием трав и цветов. Уже расцвели колокольчики и ромашки, полевые гвоздики и пижма, которую мы называли копеечками. На траве висели прозрачные бусинки росы. Они сверкали как драгоценные. Мы быстро промочили ноги, сняли сандалии и носки и радостно шли по тропе босиком, что нам категорически запрещала бабушка. Настроение было хорошее и бодрое, как перед большим событием.

Я заметила, что Старица находилась как бы ложбинке — луг имел небольшой откос и был наклонен в сторону неё. И с другой

её стороны — поле шло под горку. Весной талая вода затопляла заливной луг и поле. Потом скапливалась в Старице и делала её полноводной рекой. Мы дошли до заводи у Камушков, искупались, и попробовали плыть по её руслу. Проплыв метров десять, поняли, что у нас ничего не выйдет. Дальше ветви ив старые и сухие так сплетались над водой, что проплыть через эту преграду было невозможно. Мы вернулись обратно. Вышли на берег. С наслаждением обсушились на солнышке и пошли вдоль Старицы по берегу. Нас сопровождали голоса лягушек, поющих из воды свои квакающие песни. В траве стрекотали кузнечики, жужжали шмели и пчелы, собирающие нектар и опыляющие цветы. Больше всего мне нравились стрекозы с разноцветными подцветками. Они метались в полёте замысловатыми зигзагами, и трудно было угадать, где стрекоза появится снова.

Вдоль русла росли низкорослые ивы. К берегу нельзя было подобраться из-за зарослей камыша — сухого прошлогоднего и зелёного нового. Жара усилилась, и нас быстро утомили непроходимые заросли камыша. Они однообразно тянулись чуть ли не до горизонта. Чтобы не впасть в уныние, мы стали придумывать сказку о белом единороге. Он был очень одиноким и никому не нужным, пока не встретил льва. Они подружились и вместе ходили на водопой к прозрачному роднику. Так мы с Анюточкой еле-еле дошли до нашего перехода на речку — он был затоплен. Мы вдруг увидели на той стороне справа высокие жёлтые цветы и решили рассмотреть их поближе. Перешли по воде на ту сторону и подошли. Это оказались изумительные дикие жёлтые ирисы. Мы их видели первый раз в жизни. Восторгу не было предела. Не стали рвать букет, а решили приходить и любоваться ирисами сюда. Дальше на этой стороне расположилась небольшая роща высоких раскидистых ив. Оказалось, что идти по этой стороне невозможно — здесь было слишком сыро и сплошная чёрная грязь, как на илистых полях Шумера.

Мы вернулись на ту сторону, по которой шли раньше. Прошли немного, и сквозь просветы в камышах увидели чистую гладь воды. Мы решили во что бы то ни стало туда пробраться. Но камыши внезапно кончились, и мы без труда подошли к чудесному пруду с чистой зеркальной водой. Мы в нём купались! Когда входили в воду — сразу провалились до колен в илистое дно, потом было совсем глубоко, и мы поплыли. Вода была прохладная и казалась чёрного цвета, наверное из за ила на глубине. В центре пруда ничего не росло, зато по краям росли жёлтые кувшинки с большими круглыми листьями и сказочной красоты белые лилии! Мы долго плавали рядом с ними и любовались необыкновенным чудом — этими созданиями Божьими. Сердце подпрыгивало в груди от счастья. Мы

трогали их за стебли — они были как канаты, но у нас и в мыслях не было сорвать хоть одну лилию. Мы были рады такому итогу нашего путешествия. Вышли на берег, оделись и ещё немного прошли вдоль берега. Дальше оказался ещё один пруд чуть меньше первого. А после него продолжала нести свои скудные воды Старица среди зарослей ив и камыша до своего устья у маленькой речки Мезенки. Она протекала в поселке Пески и впадала за понтонным мостом в реку. Придя на дачу, мы ничего не рассказали бабушке о нашем путешествии, решили — пусть это будет нашей тайной. Мы поняли — если очень хотеть чего-то волшебного это всегда сбывается после долгого однообразного пути. Старания всегда вознаграждаются. Позднее мы не раз ходили с Анюточкой купаться на пруд. Всегда это вызывало душевный трепет перед сказочностью самого пруда и его чудесных цветов. Мы даже тише говорили, чтобы не спугнуть его красоту.

Следующим летом мы узнали, что на Заячьей поляне построили очистительное сооружение, и вся грязь из него сливалась в нашу Старицу. Это было ниже по течению того места, где находились пруды. Но это не меняло весь ужас происходящего...

Фомка

В Москве мы живём рядом с большим тропаревским парком. Раньше здесь располагались старинные деревни — Богородское и Тропарево. Сюда на привычные места прилетают до сих пор стайки клестов, снегирей и дроздов. В моей жизни очень много связано именно с дроздами. Поэтому, когда я их вижу в окно на ветвях берёз и клёнов, я чувствую родство с ними и радость от этой встречи.

Как то в июньский жаркий день к нам с Банифацием прибежала соседка Алёна и сказала, что её бабушка выкинула с участка в лес гнездо дроздов. Якобы дрозды сожрут всю её замечательную клубнику. Алёна убеждала, что нужно их спасти — «возьмите их к себе на попечение». И мы конечно взяли. Мы с Анюточкой не могли от них отказаться — слишком любили природу и всякую живность. Мы хотели стать зоологами или лесниками. Всегда подбирали раненых или больных птиц и зверушек. Одно время у нас жила раненая белка. Она на нашу радость выздоровела, и мы её отпустили в лес. Пройти мимо беззащитных птенцов мы просто не сумели.

Нашли гнездо напротив участка Алёниной бабушки, и отнесли его в коробке к себе на лавочку рядом с сараем. Птенцы хотели есть. Бабушка Гуля порезала мясо на мелкие кусочки, как червячки, и мы пошли кормить дроздёнок. Они разевали ненасытные клювы, и мы бросали в них мясных червячков. Скоро они успокоились и заснули.

Птенцы быстро росли и уже через несколько дней стали выбираться из коробки и прыгать в сторону леса. Мы их не стали удерживать, надеясь, что они сами знают, как им жить дальше. В коробке остались лишь два самых маленьких и слабых дроздёнка. Мы с Анюточкой решили, что самый маленький птенец будет её подопечным, и назвали его Кузей. А моего назвали Фомкой. Сами того не желая, мы приручили Кузю и Фомку. Они вовсе не хотели выпрыгивать из коробки, а при виде нас радостно вздрагивали крылышками и вытягивали к нам свои серо-коричневые шейки.

Неожиданно случилось страшное несчастье — Анюточкин Кузя погиб по нашей вине. Мы наших дроздов накормили сладкой манной кашей. Они с ног до головы вымазались в ней и перышки их слиплись. Мы решили их помыть. Я мокрой тряпочкой протерла Фомку, а Банифаций вымыла Кузю колодезной холодной водой. Он переохладился и умер у нас на глазах. Похоронили его на птичьем кладбище, где хоронили всех подобранных нами полуживых животных и птиц. Анюточка рыдала в три ручья. Я плакала вместе с ней. Поплакали на могилке, и решили, что теперь Фомка будет общий.

Мы его выносили погулять на поляну напротив нашей дачи и дачи Лансере. Фомка сидел у меня на ладошке и смотрел по сторонам. Спинка и крылья у него были светло-коричневыми, а грудка пёстрая. Он поудобнее устраивался на ладони, и я аккуратно гладила его по голове и по спинке. Фомка закрывал глазки от удовольствия.

Мы с Банифацием решили воспитывать его как настоящего дрозда, приспособленного к жизни в лесу с другими дикими дроздами. Для этого его необходимо было научить летать. Мы подбрасывали Фомку вверх и бежали вперёд, размахивая руками — крыльями. Вскоре наш дрозденок полетел — сначала невысоко и быстро опускался на землю, а потом уже по-настоящему, как взрослый дрозд. Он стал улетать от нас, но всегда возвращался к дому. То ли он любил нас птичьей любовью, то ли просто хотел поесть. Мы его кормили, и он улетал, курлякая по-дроздиному. Мы надеялись, что Фомка прибьётся к стае своих соплеменников, и когда рядом с домом появились дрозды — очень обрадовались. Наш питомец улетал уже на сутки и больше, но обязательно прилетал нас проведать.

Как-то Фомка не возвращался несколько дней. Мы стали волноваться за него. Зашёл в гости сосед Витя Татунов. Он сразу стал нам рассказывать удивительную историю, произошедшую с ним на днях. Он шёл по дороге, впереди сидит птица. Он подходит к ней всё ближе и ближе, а она не улетает. Витя взял её домой. Мы вскрикнули — а где она сейчас? «У меня дома», — сказал он. Мы бросились на дачу к Татуновым и увидели нашего Фомку в старинной деревянной

клетке. Я тут же открыла клетку и взяла Фомку в руки. Он был цел и невредим. Мы с Анюточкой были счастливы и рассказали Вите, что это за птица. По дороге на нашу дачу мы всё думали, как же наш Фомка будет жить на воле с такой доверчивостью к людям? Тут Банифаций сказала — как Бог даст. Устами младенца глаголет истина.

Никогда не забуду как дедушка, открыв дверь на веранду, вернулся в комнату сказать — «Дашенька иди, тебя там ждёт твой дружок». Я вышла, а у порога на открытой веранде примостился Фомка. Я его погладила и дала что-то поесть. Взяла его в ладошку подкинула и он, курлыкнув, улетел. Я была счастлива, что у меня есть друг Фомка — с тех пор я и себя иногда ощущаю птицей.

Теперь, когда я вижу стайку дроздов, то с какой-то невероятной теплотой вспоминаю Фомку. Как он прожил свою птичью жизнь, не обидел ли его кто?..

Прогулки

Я приехала на дачу на две недели с моей первой собакой русским спаниелем Диком. Мне тогда уже исполнилось 25 лет, и это было моё последнее посещение Конева Бора. На даче в это время жила тетя Анюта с друзьями Фонкичами. Я с Дикулей поселилась на втором этаже. Фонкичи оказались дружелюбными и ненавязчивыми людьми. Тётя Анюта предоставила мне вполне вольготную не обременённую никакими хозяйственными делами жизнь. Она создала мне все условия для отдыха.

Я наслаждалась прогулками со стареющей любимой собакой по тропам и закуткам моего детства. Дик здесь родился и вырос, так что для него это тоже были родные места. Мы с ним обошли все окрестности нашего посёлка. Выходили рано утром и возвращались к обеду — часам к четырём. Погода стояла плохая, было ветрено, и всё время накрапывал дождик, но нам такая погода нравилась. Я надевала сапоги и брезентовую куртку с капюшоном — и нам ни дождь, ни ветер не были страшны. Мы выходили на дорогу по лесу, которая вела в поля, поворачивали направо и шли по нашей любимой опушке леса. Дикуша бешено вилял всей попой, вынюхивал только ему ведомых зверюшек, мышковал, так, что его иногда приходилось долго ждать. Но я тоже получала удовольствие, глядя на горизонт, затянутый тёмными тучами, которые неслись по небу с необыкновенной скоростью, унося детство, юность, первую любовь, и уже кучу сделанных ошибок. Я отдыхала от груза всего этого, чувствуя порывы ветра с реки, который, долетая до опушки, путался в ветвях сосен и берёз, издавая необыкновенно приятные для моего слуха звуки. Мы никуда не спешили. Углублялись в лес,

где я подносила к глазам и смотрела на просвет прошлогодние сетчатые листья осин, глядела на поле сквозь качающиеся под ветром деревья. Сосновая хвоя издавала характерный свист, а берёзы будто хлопали в ладоши. Смотрела под ноги, любуясь осенними цветами и травой-муравой, опавшими листьями. Было начало сентября и всё казалось — суею сует и только природа — величавым успокоением и смыслом.

Ходили мы и на Мезенку. Надо было пройти Заячью поляну, лес, в котором находилось лесничество, перейти дорогу между Песками и Черкизово и пройти несколько дворов с деревянными домами. За ними открывалась чудная картина наподобие полотен Сезана — тихая заводь — речушка с деревянным мостиком неподалёку и яркая зелень — таких зарослей трав я нигде не встречала. Мезенка впадала в Москва-реку напротив деревни Черкизово. Чтобы попасть туда, нужно было перейти понтонный мост а, пройдя мимо богадельни, выходишь прямо к церкви. Я помню, как в детстве мы с Анюточкой и с моими молодыми родителями приходили сюда. Как здесь на церковном кладбище на старой могильной плите, целиком покрытой полустертymi надписями на церковнославянском языке, очищая их от земли и травы и пытаюсь прочесть, я впервые испытала благодать. Я долго не хотела уходить отсюда, но меня настойчиво звала мама.

Мы с Диком не ходили в Черкизово, потому что там жила стая бездомных собак, это было опасно. Мы возвращались домой вдоль Москва-реки. Никого не встречали по дороге — были одни в целом свете, и мне было одиноко и хорошо. А Дикуша был просто счастлив. Он носился по скошенному полю и на кого-то охотился. Потом мы поворачивали на тропинку, ведущую через поле, переходили старицу и шли посидеть на холмик. Здесь меня охватывали воспоминания о наших семейных прогулках с маленькой Варюшкой. Папа нас фотографировал то вместе, то поодиночке. Варюшка принимала невообразимые позы, папа был в восторге. На лугу, вокруг холмика мы собирали цветы. Я помню, какие там росли потрясающие крупные колокольчики, и мама пела «колокольчики мои, цветики степные...». Родители увозили в Москву, собранные цветы. Как давно это было. Насмотревшись на вольные просторы, мы с Диком шли на дачу.

Как потом оказалось — это был мой самый счастливый отпуск и последняя встреча с Коневым Бором спокойная, грустная и наполненная глубоким смыслом

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Конференция молодых писателей Северо-Запада 2018 года (33-я) опять принесла богатый урожай. Среди других в Союз писателей России вошли два новых автора, участники моего семинара. Илья Козлов, 26 лет, издавший книгу лирики «Минуты тишины», принятый в том же году в Союз художников, стихами, так же, как кистью, живописует природу России.

Алексей Молчанов, 31 год, издал книгу стихов и книгу прозы, принят в Союз писателей России как прозаик. Он любит путешествия, историю и философию, готовит новую книгу стихов «Письмо в разбитой бутылке».

Ирэна Сергеева

Илья Козлов

* * *

Были сосны улице на вырост,
И дома деревьям — по плечо.
Восходил, угрюм и заковырист,
Месяц, темнотою уличён.

И трава стояла по колено,
И тревожил сердце шум осин,
И мерцали, где-то во вселенной,
Звёзды незапамятной Руси.

Позову я: «Русь моя золотая!» —
Звёздочки глядят из темноты...
Всё хожу и слушаю, не зная,
Где, когда привиделась мне Ты.

Душа моя хотела б жить в тиши,
В глубокой, ясной, синей тишине,
Душа моя хотела б жить во сне,
В далёком сне, в котором снится ширь.

В том сне широк и светел горизонт,
И далее глубока голубизна,
И в очи смотрит юная весна,
В которой всё — не более, чем сон.

Там на просторе свежие ветра,
И птиц молва разносится кругом...
Душа хотела б сделать новый дом,
В котором солнце селится с утра.

Я верю — так случится. Знаю, всем
Она прошепчет, радость не тая:
«Мой сон далёкий, здравствуй, это я.
Пришла, вернулась. Вправду. Насовсем!»

Непогода

Всю ночь деревья, как больные,
Метались по двору без сил.
Росло ненастье. Нервы ныли,
Шумела буря. Ветер выл,

Сухие листья в лихорадке
Дрожали, уносились прочь,
Метались облака, и ночь
Сама с собой играла в прятки.

С утра я выглянул в окно:
Рассвет едва лишь золотился,
Но облаков туман носился,
Деревья гнулись. Будто Ной,

Смотрел я в гущу непогоды
Из своего ковчега. Там
Рассвет вставал, и по пятам
Шёл день, нащупывая броды.

Нам в непогоду путь ясней:
Всё обнаженной мысли-думы...
И мы, наверно, ближе к ней —
К природе, в этот час угрюмый.

К самим себе, и, может быть,
К тому, что теплится в глубинах...
Я понял, всех судьба любила,
Её — не все смогли любить.

УЛЬИ

С дальних пастбищ ветры дули,
Зрели вишенки в саду.
Я ломал пустые ульи
У хозяйки на виду.

Рассказала мне старуха:
Эти ульи делал дед.
Как почил, пошла разруха,
Почитай, уж восемь лет.

Жаль ломать, но так уж вышло,
Коли нет прилежных рук...
Взял я лом, ударил — слышу,
Застонали ульи вдруг.

Восемь лет они ветшали,
Сплошь малина заплела...
Вот и вздрогнул: не душа ли
Покидает их тела?

Пусть давно они пустые,
Пусть в них пчёлы не жужжат,
Может, в доски золотые
Влилась дедова душа?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Алексей Молчанов

Привал

Луна. Деревья. Полночь. Тишина.
Костер. Ночёвка. Впереди — дорога.
И эта незнакомая страна,
как новый путь от Родины до Бога.

В деревьях — тьма. Шуршание — в кустах.
Поток реки шумит за перелеском.
Костер горит, повсюду чернота,
и звёзды светятся осенним блеском.

Чужие, неизвестные места,
огромные пустынные пространства.
Здесь кажется, что с нового листа
возможно всё начать дорогой странствий.

Уж скоро утро, скоро рассветёт,
теперь бы только выспаться немного,
чтоб, зашагав назад, пойти вперёд —
на край земли, к началу, в лоно Бога.

Ночую я среди отвесных скал
на берегу реки в гористом крае.
Я здесь дорогу целый день искал,
какую Он от глаз моих скрывает.

Как ночь нужна, чтоб день лучи простёр,
так смерть нужна, чтоб заново родиться.
Я потушил свой гаснущий костёр.
Повсюду тьма. Кричит ночная птица.

Снег сыпался сегодня целый день —
укрыл собой все скверики и крыши,
осел на подоконниках и в нишах,
в геометрических пространствах площадей.

Явился снег прощеньем облаков,
прощаньем с поздней осенью, свободой
от темноты и плачущей природы
в минуту наступивших холодов.

Везде лежит пушистый мягкий снег.
И самая возможность им бросаться
вполне имеет право называться
одной из правд, что знает человек.
Тут видимость, наверно, метров сто.
Снежинки быстро тают на ладонях.
Такой мороз! Какой возьмет огонь их?
А пруд — как белый выглядит листок.

Здесь кажется светлее даже ночь,
хоть небо в тучи серые одето.
Быть может, тут не отражение света?
Быть может, снег — есть сам, как свет, точь-в-точь?

Рождество

Сегодня как будто чуть-чуть холодней,
все будто бы медленней ходят,
в пейзаже, в домах, даже в лицах людей
какой-то неведомый холод.

Сегодня заметней рука божества
в снегу и румяной рябине.
И в этом является суть Рождества,
что Он заповедал нам в Сыне.

Пусть наша жизнь — как листы словаря,
где слова живого не сыщем.
Но вера, в грядущее дверь отворя,
даёт настоящему пищу.

Поэтому есть тут чему воскресать,
что нам открывается новым,
поэтому бесполезно страдать
в венце, чем-то схожим с терновым.

Так дерево не забывает листву,
корней ощущая основу.
Так мы возвращаемся все к Рождеству,
а мир возвращается к Слову.

* * *

И.С.

Есть улочка с названием «Орбели»,
обычная, всем остальным под стать.
В стихах её поэты не воспели
и вряд ли воспоют. А я... как знать.

Восьмой этаж, куда я шёл с работы
на свет уютный в кухонном окне.
Мои шаги напоминали ноты
ноктюрна о любви и о луне.

Такие улицы оправдывают город
и помогают город расширять.
И трещины ползут домам за ворот
чуть медленней, чем к сердцу — благодать.

Донна Клара

Юрий Петрович стал получать пенсию, когда Металлический завод пережил пожар и потерял своё название — имени XX съезда. Но заслуженный инженер с завода не уволился — остался там начальником охраны.

Когда ему исполнилось шестьдесят восемь лет, жену свалил инсульт, одна половина тела у неё сначала совсем не действовала. За прикованной к постели женщиной надо было ухаживать, Юрий Петрович ушёл с работы, а потом больная встала на ноги.

Они снова жили друг для друга, как в юности, когда поженились после института. Жена увлеклась кулинарией. Он помогал ей, неспешно ремонтировал квартиру, много читал, а по воскресным вечерам уходил к друзьям. Возвращался он в приподнятом настроении, однако не в подпитии. Однажды жене показалось, что пиджак Юрия Петровича пахнет духами, но... показалось...

Ненамного пережил свою супругу Юрий Петрович. Он, ленинградец, блокадный ребёнок, хорошим здоровьем не отличался. Полежал месяц в больнице и скончался. Внук-студент смог только сообщить об этом отцу за границу, где работали врачами оба родителя, приехать те не успели бы. Выслали деньги.

Пришлось парню одному заниматься похоронами. Для начала он связался с Металлическим заводом: прийти на похороны никто не смог, но деньги обещали. Посмотрел записную книжку деда. На рассыпающихся страницах еле читались давние записи. Он нашёл несколько подходящих имён, из восьми человек живы оказались трое, и один из них придёт. Этот приятель, сосед с соседкой, внук Вадим со своей девушкой — вот и все, кто будет на похоронах. Надо ещё поискать телефоны.

Вадим стал осматривать книжный шкаф, письменный стол, шкапулку на тумбочке. Открыл её — сверху листок бумаги, на ней — почерком деда запись: «Прошу о моей смерти сообщить Донне Кларе по телефону: 551—32—48. Ю. П. Певцов».

Странно, подумал Вадим, нереальная какая-то Клара, отчества нет. Почему Донна? Явно — не фамилия. Как шифровка. Неужели у деда была любовь на стороне? Он же однолюб, очень бабушку любил. И притворяться не мог.

Вадим с волнением набрал номер. Женский голос ответил, что слушает.

— Юрий Петрович скончался, — сказал, никак не обращаясь, Вадим. — Отпевание в кладбищенской Никольской церкви на Большой Охте...

В трубке ахнули. Замолчали. Потом спросили, когда. И положили трубку.

Место на кладбище Юрию Петровичу приготовили рядом с любимой женой. Отпевание назначили в середине дня.

Света, невеста Вадима, нашла в шкафу у бабушки чёрный костюм, в который и обрядили покойного. Она удивилась качеству и состоянию этой импортной пары: совсем новая. А Вадим постарался вспомнить деда в костюме — и не вспомнил. Обычно тот носил свитер или куртку.

Небольшая церковь, построенная в начале девятнадцатого века, вся светилась от сплошь покрывающих её стены икон. Прихожане ушли, двери закрыли. Гроб украсили фиолетовыми и белыми гвоздиками. Дедушка Вадима в своём нарядном костюме выглядел в гробу очень хорошо, молодо. Вадим со Светланой и супруги-соседи приехали рано. Пришёл и старинный приятель Юрия Петровича — из записной книжки. А таинственная Клара не появилась, хотя вот-вот должен был выйти священник.

Внезапно раскрылась дверь, и ко гробу друг за другом стали подходить женщины, на вид — от пятидесяти до шестидесяти лет. Со слезами вглядывались они в лицо покойного, клали цветы, некоторые крестились. Вадим насчитал их — девять, все в трауре.

Последней вошла седая дама лет восьмидесяти, с палочкой, в красивой чёрной шляпе. Она сделала поклон перед гробом и приблизилась к Вадиму.

— Вы — внук Юрия Петровича? Очень похожи. Мы из воскресного клуба, в котором состоял ваш дедушка...

Начавшееся отпевание не позволило продолжить разговор. А Вадим с недоверием размышлял: что это за клуб, почему здесь одни женщины?

Когда пришла пора попрощаться с покойным, все представительницы клуба поцеловали деда в лоб, пошли за гробом.

— Уже не так сиротливо, не пять человек, — подумал Вадим. — И всё-таки, кто из них Клара? Эта седая, наверное?

Он не спросил её, показалось неудобным, только сказал, что приглашает всех домой, на поминки. А сам задумался, как столько народа разместить и чем накормить.

— Спасибо. Пойдём только мы вдвоём — я и наша пианистка, — кивнула дама на молодую на вид женщину. — Узнаем, как жил замечательный человек Юрий Петрович.

В квартире за столом пошли воспоминанья. Вадим припомнил, как ходил с дедом на салют и в музей артиллерии.

Настала очередь седой дамы.

— Мы с Юрой ровесники, тридцать четвёртого года рождения. После войны жили на одной улице. Я училась в 250-й, женской, Юра — в 149-й мужской школе. Наши школы дружили, устраивали танцевальные вечера. Мы с Юрой были влюблены...

Вадим настроженно взглянул: он же знал, что первая и единственная любовь деда — бабушка.

А дама продолжала:

— Влюблены в танец! Мы увлекались именно танго и были лучшей танцевальной парой в школе. Это все признавали. Но, окончив школу, я уехала в Москву — учиться в консерватории. Снова встретились десять лет назад. Вновь оказались соседями, теперь в этом, новом районе. Я уже не могла танцевать, но увлечение танго осталось. Организовала танго-клуб. Юра стал в клубе центральной фигурой. Он необыкновенно пластичен и музыкален, и молод душой. Остальные кавалеры в нашем клубе — совсем не то.

— А в семье мы ничего не знали, дедушка скрывал. Узнали бы, были бы против. У него ведь болело сердце!

— Да, сердце у него болело за каждого человека, он понимал всех. Наши женщины, чтобы с Юрием Петровичем танцевать, в очередь записывались. Вот женщина в возрасте, одинокая, со сломанной судьбой. А рядом — клуб танго и неподражаемый исполнитель, образец — Юрий Петрович Певцов.

Он движениями и глазами говорит с партнёршей. Видели бы вы! Пока она с ним танцует, проживает совсем иную, полную любви жизнь. И в память о танго с довоенной пластинки, под которую танцевали мы в десятом классе, называли мы клуб «Донна Клара».

— По вашему имени? В вашу честь? — спросил Вадим. — Вы ведь Клара...

— Кира Ивановна, — поправила его она. — А вы разве не слышали это чудесное танго «Донна Клара»?

И она пропела ему несильным, но приятным голосом: «O, donna Klaara!.. O, donna Kla-ara! Du bist wunderschön!»¹

Да, мелодия красивая, но этой музыки больше нет, и всё меньше остаётся любивших её романтиков, родившихся в тридцатые годы.

---

¹ «O, donna Klaara! Du bist wunderschön!» (нем.) — «O, донна Клара! Ты — прекрасна!»

Гимн любимому городу. Голоса поэтов петербурга

Городу на Неве в прошлом году исполнилось 315 лет. К этой дате в Санкт-Петербургском отделении Союза писателей России издан сборник стихов «Гимн любимому городу». Подобные сборники, посвящённые Петербургу-Ленинграду, издаются и вне зависимости от юбилеев — разные по объёму, по построению. Так издана книга, включающая стихи поэтов дореволюционных, в другом издании — собраны только советские авторы...

В новый сборник к 315-й годовщине вошли стихи поэтов-современников, членов Петербургского отделения Союза писателей России, написанные с конца XX века по настоящее время. Книгу предваряет небольшая статья «С гордостью и любовью», написанная редактором-составителем книги поэтессой Ирэнной Сергеевой. Она пишет, что поэты не могут не любить свой город, не гордиться им, если вложили в него свой труд и часть жизни... Город на Неве особым образом воздействует на человека, вызывает вдохновение, диктует поэтические строки.

В этом городе бродят в ночи
Все поэты бессонных эпох.
Ты пройдишь по мостам, помолчи —
И услышишь рифмованный вздох.

Цитированные строки Марины Толчельниковой входят в раздел «Мой лирический город».

Всего разделов — семь, в каждом есть яркие, точные, стихи и строки.

Самый главный по значению для города-героя раздел — «Подвиг Ленинграда». Вот как пишут авторы, родившиеся после войны, nasledующие память о блокаде от старшего поколения: «*До рожденья в мирном Ленинграде я жила в аду блокадных лет*» (Валентина Ефимовская).

«*Четыреста тысяч, а может, пятьсот, укрыла земля, как ладонь*» (Мария Борисова).

Поэты, дети и внуки погибших в блокаду приходят к мемориалу, чтобы «*навестить родных на Пискарёвке*» (Владимир Морозов).

Долгое время не был известен факт, что не все умершие упокоились в земле, печи завода стали в блокаду крематорием, там *«нынче парк, где когда-то кирпичный завод исходил сладковатым дымком похоронным...»* (Валентин Голубев).

Поэт Лаэрт Добровольский все 900 дней блокады находился в городе, он с полным правом пишет: *«детства блокадного эхо убежать от себя не даёт».*

Названия всех разделов красноречивы: «Морская столица», «Прогулки по Петербургу», «Город воспоминаний», «Не парадный Петербург».

Тяжёлое военное прошлое не забывается, но жизнь побеждает. Красота города восхищает, поэты, как художники, пишут и широкоформатные панорамы, и небольшие этюды.

Встают из балтийских туманов
звучащие камни дворцов.
В них — что-то от мощи органной,
от голоса павших борцов.

Торжественны, чеканны эти строки Глеба Горбовского, это, действительно, гимн.

В унисон звучат стихи Бориса Орлова в разделе «Морская столица».

Маршируют учебные роты,
и труба над заливом поёт.
Колыбель океанского флота
этот город, растающий в лёд.

Теперь приведём стихотворные зарисовки известных достопримечательностей города, каждая — со своими оригинальными метафорами.

И плавится в ночном канале город,
Изнемогая от дождей и смут...
Объятия Казанского собора
Ещё распахнуты, ещё кого-то ждут.

Таков взгляд Екатерины Полянской.

Нестандартно воспринимает привычный петербургский пейзаж и Валерий Филимонов.

Зачем, гоним внезапною тоскою,
Я прихожу в минувший Летний сад?
Чтоб ангела увидеть над рекою,
Что в венах невских отражён стократ.

Вода — главный природный герой города, берега соединены мостами, поэт хотя бы один мост — да изобразит.

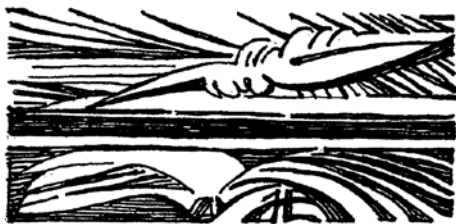
Вот как Наталья Апрельская воспринимает канал Грибоедова: *«На Банковский мост прилетают грифоны. В канале вода забурлит, закружится...»*

А Николай Наливайко по-своему изображает реку Мойку: *«под Синим мостом тихо плещется Время...»*

Максим Грановский предпочитает другую реку: *«Я монетку на счастье бросаю — и себе, и Фонтанке-реке».*

До сих пор ни в одном сборнике стихов о Петербурге нет такого «приложения», как в этом издании. «Указатель упоминаний названий улиц...» поможет найти многие памятники, мосты, даже районы города, от А до Ю — от Адмиралтейства до района Юго-Запад, которые здесь воспеты. Хотелось бы поделиться многими интересными, красивыми строками, но они — на каждой странице. Надо просто читать подряд всю книгу.

«Гимн любимому городу. Стихи петербуржцев о Петербурге». С-Пб., 2018.—232с. (Серия «История моей улицы»)

О хрестоматии с любовью

Насколько себя помню, в доме у нас всегда звучали стихи, вернее отдельные, особенно полюбившиеся строфы. Некоторые из них были явно дореволюционного происхождения, родители усвоили их в раннем детстве и как фольклор донесли до меня. Имя автора в потоке времени забылось, но стихи от этого не потеряли свою прелесть. Особенно мне нравился папин пересказ «Собачки Бум»: *«У бабушки — Забавушки, собачка Бум жила, однажды Буму Бабушка пирожных напекла... Глядят, а мышки съели всё, пирожных больше нет»*. Кончалась история тем, что бабушка собралась в чужой далёкий край: *«Ну, Бум, прощайся с детками и шапочку снимай»*. Намёк на вынужденную эмиграцию. Чьи эти строки? А вот из маминого детства: *«Я — Стёпка-растрёпка-хрю, я свиньям похлёбку варю. Нет в мире похлёбки вкусней, не веришь — спроси у свиней»*. Саша Чёрный?

В дремучий лес русской сказки погружала папина присказка, неведомо откуда им почерпнутая, возможно, от его отца — уроженца Мещёрского края: *«В камышах шишикает шишига. Не купайся, сгинешь за копейку. Дал шишиге хлеба я ковригу. А она дулейку»*. Только теперь, благодаря компьютеру, я узнала, что строки эти принадлежат, расстрелянному в 1938 году, незаслуженно забытому в наше время, крестьянскому поэту Петру Орешину.

Зима. Ночь. Ледяные узоры на стекле. Я лежу с температурой. Мама обкладывает меня горчичниками и велит терпеть. Она открывает тонкую изящную книжицу с отметкой «Детгиз»: *«Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?»* Я уже не чувствую жжения горчичников. Я вижу только дорогу через лес, удивительно знакомую, спускающуюся к реке, сплетённые кроны деревьев и всадника, прижимающего к себе ребёнка... Чудесный перевод Жуковского «Лесного царя» Гёте буквально врос в русскую почву, пополнил нашу хрестоматию.

Первое лирическое стихотворение, вызвавшее одновременно восторг и слёзы было знаменитое *«Колокольчики мои, цветики степные...»* А. К. Толстого. Я впервые ощутила, что душа буквально в плену этих неизъяснимо прекрасных строк, создающих иллюзию полёта, так гармонично легших в основу бессмертного романса. Вообще у нас дома очень любили этого непопулярного в советское время поэта. Первое впечатление о народовольцах (сатирическое: *«они ж — и демагоги, они ж — и анархисты»*) я почерпнула из поле-

мической баллады А. К. Толстого «Порой весёлой мая», написанной в псевдо-народном стиле.

В классе шестом учительница пения хотела подготовить со мной мелодекламацию его же стихотворения «*Осень, осыпается весь наш бедный сад*». Стихотворение мне безумно нравилось, я чувствовала его необычайную музыкальность, но к моему стыду, у меня не получалось следовать за аккомпанементом. Пришлось расстаться с этой затеей.

Теперь спустя полвека я с благодарностью вспоминаю «Родную речь» — свой первый учебник по литературе.

С какой любовью к поэзии и маленькому читателю составлялись хрестоматии для начальной школы. Какой строгий отбор прошли знаменитые авторы. Их строки должны были завоевать неискوشённое сердце, привить ему чувство добра и красоты. Каждое стихотворение было открытием, вызывавшим радость узнавания. Именно с этих прозрачных гармоничных строк, посвящённых временам года, начиналась любовь к родной земле, и формировалось национальное самосознание. Если «Солнце нашей поэзии» можно уподобить верховному божеству, то остальные во всём их множестве и разнообразии, духи природы. Среди них и крестьянские поэты, и поборники «Чистого искусства»: Мей, Майков, Тютчев, Алексей Толстой, Плещеев, Фет (всех не перечислить) — драгоценная россыпь Золотого века, бережно передаваемая, от поколения к поколению. В трудные моменты жизни как формула надежды само собой приходит: «Из царства вьюг и снега, так свеж и чист, твой вылетает май» или «*Повисли перлы дождевые и солнце нити золотит*». Настоящая поэзия, как музыка Моцарта, вне времени... Врадует и утешает. «Печаль моя светла», если вспомнить пушкинское всеобъемлющее определение состояния души.

Хочется признаться в горячей детской любви ещё к одному хрестоматийному стихотворению.

Я имею в виду «Детство» И. Сурикова. Магия притяжения, явленная в незамысловатых строчках: «*Ветхую шубейку скинешь с плеч долой...*» и дальше «*И начну у бабки сказки я просить, и начнёт мне бабка сказки говорить*» одинаково завораживает взрослого и ребёнка. Мне кажется, что память о прошлом, о земле, где мы появились на свет, о патриархальном укладе и национальном характере даётся с рождения. В суете мы этого не помним, но есть мелодии и строки, способные её пробудить. Никто не скажет наверняка, что такое поэзия, из чего она растёт, перефразируя Анну Ахматову. Но мы чувствуем, что она здесь, в самом дыхании нашей «*тленной-тленной и прекрасной жизни*», стоит лишь упасть «завесе обыденности», как сказал ещё один замечательный поэт первой половины двадцатого века — Николай Заболоцкий.

МАЛЬЧИК МОТЛ

(Инсценировка повести Шолома-Алейхема)

Написана по дружескому актёрскому заказу. Привлекла задача соединения своих стихов с высокой классикой.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МОТЛ

ЭЛЯ — его брат

МАТЬ | Мотла и

ОТЕЦ | Эли

СТАРЬЁВЩИК

ПЕСЯ — СОСЕДКА

ДОКТОР

ВОДОВОЗ

ЛЕКАРИХА

БРОХА

ЧЕЛОВЕК, ПОКУПАТЕЛЬ «ЯДА»

СОСЕДИ

(Предпасхальный день. Слышны церковные молитвы, пение, максимально — все звуковые атрибуты еврейского религиозного праздника) На сцену вырывается Мотл (он убегает от телёнка). (Трюки, радость, всякие антраша). Мычание телёнка.

Мотл *(не может отдышаться)*:

— Я, Мотл, сын кантора Пейси, вылез из ямы, из холодного сырого подвала, пропахшего кислым тестом и аптекой.

А Мени, соседского телёнка, выпустили из ещё более зловонного места: из маленького, тёмного, грязного, загаженного хлева с искривленными полуразрушенными стенами, сквозь которые зимой врывается ветер и снег, а летом хлещет дождь!

(Дикое мычание. Вскрикивает. Играет с невидимым телёнком, подражает ему. Тот убегает. Во время передышки песня Мотла).

ПЕСНЯ МОТЛА

Мне лет пока что мало
И денег тоже нет.
Я вышел из подвала
На вольный Божий свет.
Любуюсь птичкой звонкой
И жить мне хорошо,
Соседского телёнка
Люблю я всей душой!
А солнце так и льётся,
И тянет прямо вверх,
Мне хорошо живётся!
— Пожалуй, лучше всех!
От этой жизни вскоре
Пора пуститься в пляс,
И, с кем угодно спорю,
Что рад я больше ВАС!

*(приближается мычание телёнка, Мотл опять делает антраша)
(Через сцену проходит Эля, на ходу влепляет ему пощёчину).*

Эля: Провались ты сквозь землю! Парню уже почти 9 лет, а он пускается в пляс с телёнком! Домой пошёл, паршивец ты этакий! Погоди, отец тебе задаст! *(Скрывается).*

Мотл: Вздор! Ничего мне отец не задаст! Отец болен. Он не молится у амвона уже с того праздника! Ночи напролет кашляет. К нам ходит доктор, чёрный, толстый, с чёрными усами и смеющимися глазами — весёлый доктор. Меня он называет «пузырь» и щёлкает пальцами по животу. Он всякий раз наказывает матери, чтобы меня не перекармливали картошкой, а больному велит давать лишь бульон и молоко, молоко и бульон. Мать внимательно выслушивает его, а когда доктор уходит, она прячет лицо в передник, и плечи ее вздрагивают... Затем она... *(Мотл смотрит на другую часть сцены, где мать, вытирая глаза, шепчется с Элей).*

Мотл: О чём они говорят, я не знаю. Но мне кажется, что они ссорятся. Мать его куда-то посылает, а он не хочет идти *(остаётся наблюдать).*

Эля: Чем у них просить, лучше в могилу! Лучше помереть мне, не сходя с места!

Мать: Откуси себе язык, нечестивец этакий! Что ты говоришь? Что же мне делать, сын мой? Жалко отца... Надо же его спасти...

Эля: Продай что-нибудь!

Мать: Что продать? Душу? Нечего уже продавать. Разве что пустой шкаф? Где ещё чуть-чуть книг?

Эля: А почему нет?

Мать: Разбойник! Откуда только у меня дети такие разбойники!?

Крик на улице: Старье берём! Старье бере-ём! *(мать зазывает)*.

Входит старьёвщик-книгоноша.

Старьёвщик: Ну-ка покажите, что у вас там такое?

(мать кивает (или зовет Мотла) Мотлу, он летит к ним, достаёт книги 2 штучки).

Старьёвщик: Полное собрание я бы, пожалуй, купил.

Эля *(орёт)*: Что же вы не могли сразу сказать, что покупаете только полное собрание! Чего же вы пришли голову морочить и время отнимать?

(Голос отца: Кто там?) — (колокольный небесный звон. Лейтмотив неба).

Мать: Никого нет! *(отсылает Элю к больному для отвлечения, а сама шёпотом торгуется с книгоношей. Расплачивается. Тот уносит книги)*.

(Возвращается Эля).

Эля: Сколько?

Мать: Не твоё дело.

Мотл: *(зрителям)* Видно, мало!

Эля *(зрителям)*: Купили — пропало! *(мать и Эля уходят) (может уйти одна мать, считая деньги)*.

Мотл *(оглядывается)*: Всё продали! Места теперь, слава Богу, вдоль! Раздолье! Простор! *(катается по полу)*. Рай земной!!!

(Входит мать с Элей).

Мать: Как дальше-то быть? (они оглядывают голые стены).

Эля *(Мотлу)*: Ступай во двор! Нам нужно кое о чём посоветоваться.

(Мотл убегает, пристраивается подслушать).

Мать: Отведи его к кантору Берш—Геру. Во-первых, его там будут кормить. И кантор Берш—Геру знает толк в пении.

У мальчика хороший голос, не слазить бы. Будет певчим.

У него сопрано...

Эля: Не просто сопрано, а всем сопрано сопрано!!!

(выходит к Мотлу, берёт его за руку, уводит. Мать плачет. Тоже уходит). *(Раздается ангельское пение ребёнка)*. Пауза.

(за сценой плач маленького ребёнка, очень противный, настёрный).

Выходит, согнувшись под тяжестью кулька-ребёнка, Мотл.

Качает его, играет с ним. Обливается потом, сгибаясь под тяжестью, но полон в то же время желания общения).

Мотл: Вот уже скоро 8 недель, как я живу у кантора Берш—Гера, но петь мне почти не приходится. У меня другая забота. Я по целым дням таскаю на руках его дочку Добцу. Она горбатая. Ей ещё и двух лет не исполнилось, но она тяжёленькая, — пожалуй, тяжелее меня. Это просто видно. Добця меня любит! — Не даёт мне спать ночи напролёт: «Кико, ки!» Это значит: укачивай её. Добца меня любит! — когда я ем, она вырывает у меня кусок изо рта: «Кико, пи!» Это значит: «Отдай мне». Я отдаю.

Но меня тянет домой. Кормят здесь тоже не ахти как.

Нынче праздник. Хочется выйти из дому, посмотреть, как небо раскалывается. Но Добця не пускает. Добця меня любит!

«Кико, ки!» *(плач ребёнка)* — Качает её *(с остервенением и дикой самоотдачей качает)*.

Входит быстро Эля. Толкает его, опять оплеухой.

Эля: Пойдём! Отнесём Добцю, и — домой. С отцом повидаться!

Мотл: *(испускает вопль счастья, подкидывает вверх тормашками Добцю, она орёт, он бежит)*.

Эля: Погоди, куда ты летишь? ... Знаешь ... Отец болен... Очень, очень, очень болен. Бог знает, что с ним будет. Надо его спасать, а спасать нечем. Никто не хочет помочь... А в больницу мать ни за что не отдаёт *(медленно уходит)*.

Она лучше умрёт, говорит, чем отдаст его в больницу.

(уходят совсем).

Музыка — небесная — лейтмотив несчастья и судьбы.

Плачущая мать, окружённая соседками, подходят Эля с Мотлом.

Встреча.

Соседи: У вас гость к празднику? С гостем вас!

Мать *(опускает опухшие глаза)* — Да! Гость, гость. Ребёнок! Пришёл проведать больного отца... Как-никак, дитя родное. *(обращаясь к Песе)*: Ну и город! Хотя бы кто-нибудь обратил внимание... Двадцать три года отбарабанил у амвона... Здоровье загубил... Я бы, может быть, и спасла его, да нечем... Всё, с Божьей помощью, продала... До последней подушки... Сына в певчие к кантору отдала... Всё ради него... Всё ради больного.

Мать *(Мотлу)*: Кого ищешь?

Песя: Кого ему, шалуну искать? Телёнка, верно...

— Эх, мальчик! Нет уже телёнка! Пришлось продать мяснику. Ничего не поделаешь. *(к матери)* А есть у вас к празднику молочная трапеза?

Мать: Это вы к чему?

Песя: Просто так! *(достаёт из-под шали горшок со сметаной, съёт его матери)*.

Мать: Господь с вами, Песя! Что вы делаете? Что вы? Разве мы бог весть кто? Вы меня разве не знаете?

Песя: Вот именно, потому что я вас знаю. Одна-то коровка, не сглазить бы, ещё осталась, даже поправилась за последнее время. Есть, слава Богу, и сыр и масло. Я вам даю займы. Вы мне, даст Бог, вернете.

Песя (*в окружении соседей*) поёт:

ПЕСНЯ ПЕСИ

Коль счастье в домик прилетит,
К тебе соседушка спешит
— Соседка Песя.
Такая толстая на вид,
Но добротой удивит —
Ты с ней посмейся.
А горе в дом твой забредёт,
К тебе соседушка придёт —
Всё та же Песя.
Ты с ней поплачь и покричи,
А если хочешь, — помолчи,
Окно завесья.
Всю жизнь живёт своим трудом,
Но подняла сама свой дом
Соседка Песя.
У ней детишек полный стол,
Садись любой, кто подошёл,
Садись! — Погрейся!

(входит доктор):

Доктор: У вас гость к празднику? С гостем вас!

(мать провожает его к больному) — лейтмотив «небес», все затихают, говорят шёпотом.

Мать (*Мотлу, возвратясь*): Если отец будет тебя о чём-нибудь спрашивать, говори: «Слава Богу».

Эля (*Мотлу*): Ты не вздумай жаловаться, басни рассказывать, выдумки разные! Отвечай только: «слава Богу». Слышишь, что тебе говорят?

(Выходит доктор, мать и Эля, и все подводят мальчика Мотла до двери, он один входит к отцу. Соседки и мать окружили доктора, он им что-то тихо говорит, от отца раздаётся голос Мотла, заученно говорящий «Слава Богу!». Звучит музыка «небес». Люди сочувственно кивают головами (раза 3—4).

Доктор может показывать матери, как и сколько давать таблеток, соседи угощают доктора, благодарят, кто-то несёт курочку. Доктор

берёт курочку, очень доволен курочкой, но сознаёт тяжесть положения).

Выходит бледный Мотл, он растерян.

Соседи провожают до двери мать. Она входит туда.

ЕЁ СТРАШНЫЙ КРИК. Все бросаются туда. Музыка. Её выводят под руки. На ней нет лица, она в полусознании, плачет.

Эля: Сегодня праздник, мама! Сегодня праздник! Мама, нельзя плакать, мама!

Мотл: Mam! Сегодня праздник! Мама! — Сегодня «швуэс» — праздник! Мама! Нельзя плакать, мама!..

(издалека тихо и всё громче начинает звучать музыка танца, танца отчаяния и надежды. Танец).

Все уходят. Танец должен иметь смысл и поминок и дальнейшего продолжения жизни.

Вбегает Мотл, за ним гонится водовоз с криком.

Водовоз: Отдай затычку от бочки, вся вода выльется!!!

(ловит его, отнимает затычку). Счастье твоё, что ты сирота! Не то я бы тебе руки и ноги перебил! Можешь мне поверить на слово! *(уходит).*

Мотл: я ему верю на слово. Я знаю, что сейчас он меня не тронет, потому что я сирота. Мне хорошо! Я сирота!

(Входит Эля).

Эля: Если бы отец воскрес и увидел, какой у него сын!

Мотл: Мне тогда не нужно было бы учить с тобой молитву.

(Эля дает ему оплеуху, Мотл вопит, вбегает мать).

Мать: Господь с тобой! Что ты делаешь? Кого бьёшь? Ты забыл, видно, что он сирота? *(уходит, мать толкает перед собой Элю).*

Мотл *(зрителям)*: Ну-ка, отгадайте, где находится Рай? Вам не отгадать. А знаете, почему? Потому что для каждого он в другом месте. Например, мама уверяет, что рай — там, где находится мой отец, кантор Пейся. Там, говорит она, пребывают все праведные души, страдавшие на земле. За то, что у них не было радости на земле, им полагается райское блаженство. Это же ясно, как день. Лучшим доказательством может служить мой отец. Ибо где же ему быть, как не в раю? Мало он настрадался при жизни...

Так говорит мать, вытирая при этом глаза, как всегда. Но спросите моих товарищей, — они вам наговорят с три короба: рай находится где-то на горе из чистого хрустала *(включается музыка «небес»)*, высокой, до самого неба. Мальчишки там свободны, как ветер, ничего не делают, не учатся, купаются по целым дням в молоке и едят мёд пригоршнями! А вот переплётчик заявляет, что рай — в бане, в пятницу! Если бы меня спросили, я бы сказал, что рай — это сад лекаря Менате и его жены. Никогда в жизни вы такого сада не ви-

дали! Это единственный сад не только на нашей улице, не только у нас в городе, — пожалуй, на всём свете нет другого такого сада. Но такой ведьмы как лекариха, вы ещё не видели! Упадёт какое-нибудь червивое яблоко, она не поленится, нагнётся, подымет его и унесёт. Куда она их таскает? Наверное, на чердак, а может быть, в погреб. Скорее, в погреб. Я слышал, что в прошлом году у неё сгнил полный погреб яблок. Ну, разве не сам Бог велел рвать у неё в саду яблоки?! Да, но как их рвать? Забраться в сад ночью, когда все спят, и набить полные карманы было бы, конечно, самым разумным делом. Но что скажет пёс? А яблоки нынешним летом, как назло, один к одному. Так и просят, умоляют, чтобы их сорвали! Что делать?

(показывает палку-шест с гвоздём на конце). Лишь бы попасть гвоздём в яблоко у самого хвостика и потянуть к себе — яблоко ваше! Я знаю, как держать шест, когда рвёшь яблоки. Главное — не торопиться. Куда вам спешить? Сейчас я вам покажу, как я это делаю. *(Залезает на возвышение у соседского забора, спиной к зрителю. Орудует палкой. Лай собаки).*

Со стороны зрителя подходит лекариха, моментально убегает, возвращается с матерью Мотла, Элей, Песей, хватают его.

Лекариха *(орёт)*: Ну, что вы скажите? Хорошо сокровище? Теперь верите?

Мать: Горе мне! Горе мне! До чего я дожила! Я думала, мой сиротинушка ходит в синагогу, а он, оказывается, рвёт чужие яблоки.

Лекариха *(басом)*: Пороть его надо озорника эдакого! Полосовать до крови! Чтобы мальчишке неповадно было, как ворю...

Мать *(не давая договорить слово «воровать», накидывается на неё, зажимает ей рот)*: Он сирота! Несчастный!

(Она начинает целовать лекарихе руки, в ужасе): Простите его, простите. Больше этого никогда не будет! Это в последний, может быть раз, как бы не сглазить! Не то умереть мне самой или его, сохрани Бог, похоронить!

Лекариха: Пусть поклянётся, что никогда даже не взглянет на мой сад! *(Рвут его на части).*

Мотл *(вырываясь)*: Чтоб у меня руки отсохли! Чтоб у меня глаза вылезли! *(все дико ахают после каждой его фразы, мать плачет).*

Мать *(уводя Мотла)*: Скажи мне только, что из тебя выйдет?

Эля *(даёт оплеуху)*.

Мать: Не трогай его, он сирота!

Эля: Кто говорит, что я его трогаю? *(даёт ещё оплеуху)*. Я только хотел бы знать, что из него выйдет?

Все: Что из него выйдет?!

Мотл: А я знаю?! *(зрителям)*: Может, вы знаете, что из меня выйдет?! *(уходят)*

ПЕСНЯ

Радость, гори — не сгорай,
Горе, меня не трогай,
А кто его знает, где рай?
— Но яблок там точно много!
В раю красота, молоко и мёд!
А сытый голодного — не поймёт!
Яблочный сад в огне
Будто в волшебной книжке,
А кто виноват, что мне
Хочется есть, мальчишке?
В раю красота, молоко и мёд!
А сытый голодного — не поймёт!

(с огромным пирогом свадебным идёт Песя, сама не своя от счастья).

Песя: Сейчас будет светопреставление!

(навстречу ей мать, плачет от радости, они обнимаются).

Песя: Поздравляю!!

Мать: Какое счастье, не слгазить бы! Очень удачно! Попал человек, можно сказать, прямо в денежный ящик! Беда только, что тесть — человек грубый. Пекарь — что с него возьмешь?!

Мотл *(вбегая, одетый к свадьбе, зрителям)*: Поздравляю вас! Знаете? Мой брат Эля женится!

Мать: Где ты был? Гром меня разрази! Если ты и эти штанишки порвёшь, тогда уж свету конец...

Мотл: Я и сам так думаю.

(Он в огромном новом картузе, все время плюёт на козырек и вытирает об штаны) — Чтобы не тускнел *(сообщает он зрителю)*.

Входит Эля, другие, свадебная музыка, невеста, все идут на свадьбу.

Мать: Эля! Как ты думаешь? Мне как будто не придётся краснеть за него? Мальчик одет, не слгазить бы, как принц! *(уходит)*.

(Свадебная музыка).

(Мотл врывается, пряча сворованные бублики за пазуху, за ним бежит Эля в бешенстве, дает оплеухи).

Эля: Позор! И это называется мой брат, не успел человек удачно жениться, а его брат ворует бублики! Ведь мы же на свадьбе, на столе всего полно? Зачем ты взял бублики прямо из печи у тестя?!

Мотл: В запас, не слгазить бы.

Эля: ВОР!

(Мать, вбегая, плача)

Мать: Потише, потише!

Эля: Нарочно буду говорить громко! Пускай все знают, что он вор!

Мать: Тебе его не жалко, тебя не трогает, что ребёнок сирота.

Эля: Можно быть сиротой, а хватать бублики из чужой печи — нельзя!

Мать: А ты не забывай, что есть Бог на свете. С Богом не шутят! Бог не молчит! Он покровитель сирот! БОГ ВЕЛИК! Он всё может. Если Бог захочет, то у пекаря не останется и того, что бублик стоит.

(Входит Песя, плача)

Песя *(матери)*: Соседка! Вы свадьбу справляете, а весь город говорит, что пекарь, ваш новый родственник, завтра будет разорён: у него в бубликах люди нашли нитки, тараканов, тесёмки, иглы, куски стекла и один клочок рыжих волос!!!

(Мотл в ужасе бросает бублики). Мать с криком и плачем причитает.

Мотл: Батюшки! Что тут будет!!!

Эля: Мама, мы еле живы остались!

(Входит Броха): Свекровь, мы будем жить у вас!

Мотл: Не плачь, мама! Поделом, так пекарю и надо! *(поддаёт ногой бублики)*.

Мать: Горе мне! Куда же девались его деньги? Ведь он был так богат!

Эля: Может, он и не был таким богачом...

Броха: Был! Он в самом деле был богат! Иметь бы мне хоть половину! Не только в бубликах дело! Моя свадьба стоила отцу всего состояния!! Такого печенья, такого жаркого, таких тортов и таких пряников, таких штруделей и царских хлебцев, таких варений и таких дорогих гостей! — нигде ни на каких свадьбах не было!

Мать: Денежного ящика мне захотелось! Деньги уплыли, а ящик остался. *(Плачет)*.

Эля, Мотл: Всё время плачет! Не плачь, мама!

ПЕСНЯ МАТЕРИ

Я очень часто плачу,
А как же мне иначе,
Наш поясок всё туже.
Ну, как же не грустить
Без денег и без мужа —
Что в нашей жизни хуже?
Ведь это просто ужас,

— А как детей растить?
Мой Мотл, бедный мальчик,
И по тебе я плачу,
А как же мне иначе,
И вот — глаза болят...
Мне надо бы смеяться
И жизни не бояться,
А я всё время плачу,
Хоть мне и не велят.
Но я же не святая,
Я женщина простая,
Без мужа я осталась
И всё-таки — я мать.
Теперь всю жизнь придётся
Мне за детей бороться,
Но жить мне очень страшно
И — страшно умирать.

Мотл: Вы не знаете, перестанет она когда-нибудь плакать?!

Музыка. Танец надежды и отчаяния.

(Танцуют все, кроме матери).

Входит Мотл в прекрасном настроении.

Мотл: Вы знаете, мы всё время выходим из положения. Я тут продавал немножко нехороший квас, я его случайно разбавил мыльной водой. А некоторые другие могут продавать свечное сало вместо гусяного? — а — а!

Зато я люблю своего брата Элю!

Эля никогда не унывает! Он купил книгу за рубль. Книга называется: «За один рубль — 100 рублей!» Мы её учим наизусть. В ней бесконечное количество рецептов добывания денег! Как делать чернила, ваксу, как выводить мышей, тараканов и прочую нечисть.

Эля: Знаете, что у нас теперь на очереди? Мыши! Вот порошок. Пусть только меня куда-нибудь пустят с этим порошком! Ни одной мыши не останется! Они удирают! Они дохнут! Нет больше мышей!

(Показывает порошок) — ШЕМЕРИЦА!

Мотл: Что это значит «ШЕМЕРИЦА»?

Эля: Турецкий перец.

Мотл: А что значит «турецкий перец»?

Эля: Я тебе сейчас такое «что значит» задам, что ты у меня головой двери откроешь!

Мотл: А что вот это за порошок?

(Вытаскивает у Эли из кармана).

Эля (*кричит*): Тоже от мышей! Смертельный яд! ЯД! С этим нужно быть осторожным! Смотри! Вот здесь — целый мешок! Близо не подходи!

(*Стук в дверь*).

Голос: Здесь выводят мышей?

Эля: Здесь! Войдите!

(*Входит человек*): Сколько это будет стоить? — Хорошо! Вы представляете, у меня крысы съели пару новых сапог, выползли из своих нор и у меня на глазах съели пару новых сапог. Это было ночью. Крысы огромные, как телята! Издали я их гнал, топал ногами, кричал КШ — Ш!!! Крысы только взглянули на меня. Тогда я бросил прямо на них кошку. Но они и на неё налетели. СЛОПАЛИ!

Мотл: Прямо мороз по коже дерёт!

Эля: Пошли! (*решиительно берёт яд из мешка*) и уходит, показав кулак Мотлу).

Мотл моментально седлает мешок со смертельным ядом, катает на нём. Мешок распарывается. Мотл дико чихает. Вбегает мать.

Мать: Горе мне! Где это ты схватил такой насморк?

(*Мотл, чихая, указывает ей на мешок, она подходит, начинает дико чихать*).

Вбегает Песя: Что это вы рас... ЧХИ! Что это вы такое сде... ЧХИ!

Вбегает Броха: Чего это вы вдруг расчи... ЧХИ! ЧХИ!

Вбегает Эля: Ты что здесь наделал? (*Мечется, бежит к мешку. С диким чиханием бежит за чихающим Мотлом, хочет бить. Все чихают*).

Броха: Эля! — Что я тебе (чхи, чхи!) говори... рила! хватает книгу, разрывает её, выбрасывает в печь (*или окно*).

Мотл, бежит за книгой, впереди Эля, за ним остальные, возвращается один растерянный Мотл, держа один обрывок книги, читая на нём по слогам:

ЧЕ — МЕ — РИ — ЦА.

(*Уходит*) напоследок чихает.

(*Танец*).

(*Сидит семья Мотла*)

Эля, Броха, мать, Мотл.

Эля: Что мы тут высидим?

Броха: Я то же самое говорю.

Эля: Вот я читал, что один поехал туда с голыми руками, полгода ночевал под открытым небом, улицы подметал за кусок хлеба.

Броха: Ну, а теперь?

Эля: Дай Бог нам обоим не хуже.

Мать: Серьёзно?

Эля: Серьёзно, серьёзно! Что ж я обманывать тебя стану? Я уже говорил об этом своему другу Пине.

Броха: Ну, и что же он?

Эля: Что — он? ЕДЕТ! мать: Едет? А семья?

Эля: Что семья? Тоже едет! Если я уеду один, вам лучше будет? Ничего здесь не выходит, не могу я тут оставаться!

Мотл: А я думаешь, могу здесь оставаться?

Эля: Так давайте вместе поднимемся и поедем.

Мать: Подняться и поехать? А С ЧЕМ?

Эля: Шифскарты ведь нам дают бесплатно.

Броха: Что значит бесплатно?

Эля: На выплату. Когда-нибудь выплатим. А пока что мы получаем их бесплатно.

Мать: Ну, а до парохода? Расходы? А билеты? Железная дорога? Еда?

Эля: Сколько нам нужно билетов, чудачка?

Броха: А ну-ка, скажи сам, сколько?

Эля: Считаю — я, да ты, да мама, да мой друг Пиня...

Мотл: А Я!?!?

Мать: А МОТЛ?!!

Эля: С него хватит полбилета. А, может быть и того меньше.

Скажем, что ему 2 года!

Мать: Ты с ума сошел! Нет, надо всё точно подсчитать, обсудить, посмотреть, что у нас есть из еды немножко в погребе, что придется занять у Песи...

Эля: Пошли, посмотрим.

(Все уходят, кроме Мотла, он вне себя от счастья, антраша).

Мотл: ПАРХОД! ПОЕЗД! БИЛЕТ! ПОЛБИЛЕТА!

Куда, собственно, мы едем? — А мне какое дело? Не всё ли равно куда? Я — еду, этого достаточно!

Знаете, что я вам скажу? — Если подсчитать хорошенько, то я ещё в своей жизни никуда ни разу не ездил. Однажды, правда, я проехался верхом на козе нашего соседа. Правда, без билета.

АМЕРИКА?.. Где она, эта АМЕРИКА? — Не знаю. Знаю только, что это ужасно далеко. Туда нужно ехать и ехать до тех пор, пока не приедешь.

(Входят мать, Эля, Песя с подушками).

Песя *(причитает)*: Едете, стало быть, в АМЕРИКУ? Дай вам Бог приехать благополучно и счастливо устроиться. Бывает, конечно, если Богу угодно. Вот в прошлом году уехала одна моя родственница, её зовут Ривл со своим мужем Гиле. Пишет, что мучаются, но всё-таки, налаживают жизнь... И сколько не просишь их, чтобы написали по-человечески: что, и как, и каким образом? А они отвеча-

ют: Америка — страна для всех. Каждый мучается и кое-как устраивает свою жизнь. Вот и пойми, как хочешь. Мучаются и «делают жизнь»! Что и говорить, очень стоит всю эту кутерьму, ломать свою жизнь, подсчитывать, пересчитывать, пересыпать подушки и ехать по морю!!!

Эля (*налетая на неё*): Скажите на милость, может быть, вы перестанете, наконец, донимать нас своими причитаниями?

Песя: ДОНИМАТЬ!? Смотри, пожалуйста, какой умник выискался! ОН ЕДЕТ В АМЕРИКУ мучиться и делать жизнь! А давно ли я тебя на руках таскала, нянчилась с тобой, возилась?

(*Наступает на него с подушкой*). А ну-ка, спроси свою мамашу, сколько я натерпелась с косточкой!

Эля: С косточкой?

Песя: Которую ты проглотил в пятницу вечером! Когда кушал рыбу! Если бы я тебя не хватила сзади раза 2—3, ты бы сейчас не ехал в Америку мучиться и делать жизнь!

(*Как и тогда, колотит его по спине*).

Мать (*плача*): Умоляю вас Песинька, душенька, сердце, любочка, дай вам Бог здоровья!..

Эля (*орёт*): Провались всё это сквозь землю!!!

(Убегает с проклятиями, мать с плачем за ним, Песя с подушкой и сметаной — за ними. Последний Мотл с радостным криком: ПОТАСОВКА!!!)

ЭПИЛОГ

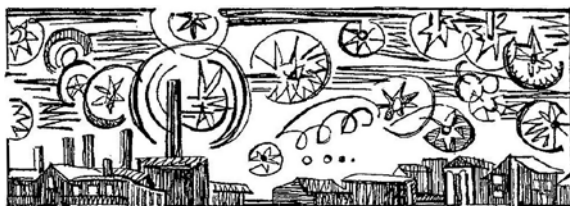
Музыка, танец «надежды», все герои с атрибутами «на отъезд» нагружают телегу, садятся, за сценой крики всего местечка, прощание:

Голоса: Будьте здоровы!
Счастливого пути!
Пишите о своем здоровье!
Будьте счастливы!
Не забывайте нас!
Пишите каждую неделю!
Ради Бога — каждую неделю!
Мотл: Я готов поклясться, что мы уже едем!
(*Музыка, песня, финал*).

Немало ты работал,
Весёлый мальчик Мотл,
Работал, что есть силы
За палку и за грош!
Ты не учился в школе,

Но ищешь лучшей доли,
В Америку ты едешь —
Авось не пропадёшь!
Мальчишка шаловливый,
Весёлый и голодный,
Ты крал чужие сливы
У богачей в садах...
Но станет тот свободный,
Кто веры не теряет,
Тебя благословляет
Отец на небесах!!!

ПАРАДОКСЫ АЗИМОВА

Создатель законов

Американский фантаст Айзек Азимов (1920—1992) — всемирно признанный классик жанра.

Писатель изобрёл научные термины: роботехника, позитронный, психоистория.

Он обладал даром предвидения: предсказал глобальную компьютеризацию, исчезновение многих профессий, дистанционное обучение, экологические проблемы, широкое освоение космоса.

Но самый главный его вклад — создание законов роботехники, ставших для фантастики столь же фундаментальными, как законы Ньютона для физики. Вот они:

1. Робот не может причинить человеку вреда или своим бездействием допустить, чтобы человеку был нанесён вред.

2. Робот должен подчиняться приказам человека, исключая приказы, которые вступают в конфликт с Первым законом.

3. Робот должен защищать себя и своё существование, пока это не противоречит Первому или Второму законам.

В мировой фантастике законы эти имеют огромное значение. Они избавили творца от страха перед собственным творением («комплекс Франкенштейна» по Азимову) и подчинили создания человека его разуму.

Азимов писал очень быстро и был необыкновенно плодовит, его самого называли «роботом со словарём вместо мозга». Это была подлинная страсть к писательству.

Американский фантаст из России

Но жизнь создателя чётких законов была полна парадоксов и противоречий. Начать с того, что американский классик вполне мог бы стать российским писателем. Ведь Азимов родился в России — в селе Петровичи Смоленской области. Отец его служил бухгалтером и играл в клубной самодеятельности. До трёх лет маленький Изька бегал босиком по пыльной сельской улице. Писатель говорил, что если бы остался в России, то поступил бы в университет и безусловно стал бы писать фантастику. И тогда у нас наряду с Беляевым, Ефремовым и Стругацкими был бы ещё российский фантаст Азимов.

Но судьба распорядилась иначе. Причиной отъезда его семьи в Америку стали не гонения или репрессии, а житейские нелады его матери с роднёй мужа. А в Нью-Йорке жил её старший брат, пригласивший сестру к себе. Так родители увезли будущую знаменитость «в чемодане» за океан.

Важную роль в начале творческого пути писателя сыграл его отец. Азимов старший открыл кондитерскую лавочку в Бруклине. Ну, чем не рай для ребёнка? Но ребёнок был особенный, и не «сладкая жизнь» манила его, а запретный плод. А запретным плодом были журналы фантастики, которые также продавались в лавке. Суровый отец считал их пустым чтивом. Он хотел, чтобы его сын читал серьёзные научные книги. В школу Айзек (так стали звать его на американский манер) пошёл с пяти лет. В честь шестилетия отец подарил ему абонемент в библиотеку. Но поставил условие — одна из взятых книг обязательно должна быть научной. А маленького мечтателя неудержимо влекли красочные фантастические издания с инопланетянами и звездолётами. И смыслённый мальчуган нашёл выход. Он убедил отца, что журнал «Удивительные научные истории» — это солидное научное издание. Отец слабо владел английским языком, поэтому поверил. И Айзек получил разрешение читать журналы! Не помня себя от счастья, мальчик погрузился в увлекательный фантастический мир. Но уже к одиннадцати годам книг ему стало не хватать катастрофически. Отец старался контролировать его чтение, в библиотеке всё было перечитано, а на покупку новых книжек денег не было. И тогда юный фантазёр решил, что может писать книги сам, ведь в голове его постоянно рождались разные истории. В обычной школьной тетрадке начал он свою пер-

вую книгу. Так «дитя бруклинских трущоб» вступил на тернистую стезю писательства. И тут поддержку мальчику оказал отец. Строгий папа литературную деятельность весьма уважал. Заметив, что сын упоённо пишет, он подарил ему пишущую машинку (по тем временам предмет роскоши вроде норковой шубы). Ему повезло достать по случаю подержанную модель за гроши. И начинающий писатель, научившись виртуозно печатать, стал рассылать свои рассказы в периодику. Признание пришло далеко не сразу, сначала его опусы возвращались с пожеланиями совершенствоваться. Но отец побуждал сына не отступать, убеждая, что честолюбие и настойчивость важнее славы и денег. Он даже купил ему новую портативную машинку.

И вот, наконец, девятнадцатилетний студент увидел свою первую публикацию. А в двадцать один год совершенно неожиданно для себя оказался широко известным. Его рассказ «Приход ночи» приобрёл огромную популярность и был признан в Америке лучшим из когда-либо написанных. Парадоксально, но самому автору рассказ не так уж и нравился. Так Азимов осуществил свою мечту стать профессиональным писателем. За свою творческую жизнь он опубликовал 467 книг, сотни рассказов, статей и научных эссе, стал лауреатом престижных литературных премий, его произведения экранизировались. Его именем назван популярнейший журнал американской фантастики.

Добрый Доктор

Внешность и образ жизни Азимова тоже были противоречивы: устремлённый в дали грядущего футуролог больше походил на консервативного викторианского джентльмена. Пышные бакенбарды, близорукие голубые глаза за толстыми стёклами очков, скромная одежда. Жил писатель замкнуто, выбирался из дома лишь в издательства да на короткие прогулки. Этот космический странник не мог совершать путешествий на самолёте из-за акрофобии — страха высоты, даже на балкон не выходил. Поэтому он не принимал участия в зарубежных конференциях. Получив за свою жизнь 249 почётных званий, не мог присутствовать на церемониях их присуждения. Так что писательство стало для Азимова не только призванием и страстью, но и развлечением, и приключением, и путешествием, словом, всей жизнью.

Ещё один парадокс. В детстве писатель рвался к фантастике от научных книг, а в зрелости написал массу научно-популярной литературы. Он окончил Колумбийский университет, стал биохимиком, но всё же не мог достойно обеспечить семью с двумя детьми. Тогда

Азимов занялся популяризацией науки. Писал он живо, доступно, оригинально, кроме естественных наук объяснял мифологию, историю и литературу. И стал самым известным популяризатором в Америке.

Конец жизни писателя был трагическим. Он находился в зените славы и счастья. Вторая жена, психиатр Джанет Джеппсон, была его другом и единомышленником. Она писала фантастику для детей, воплощая идеи мужа, часто в соавторстве с ним. Азимов стал обеспеченным человеком, однако (опять парадокс) кроме писания ему ничего не было нужно.

Из-за проблем с сердцем ему сделали операцию по шунтированию. В те годы кровь для переливания ещё не проверяли на СПИД, и писатель стал одной из невинных жертв новой страшной болезни. Как у героя романа Томаса Манна «Доктор Фаустус», болезнь сначала вызвала у него необычайный творческий подъём, но потом здоровье резко ухудшилось. При подготовке к следующей операции ему уже был сделан анализ, и он узнал свой смертельный приговор. Но Азимов встретил беду мужественно: никого не обвинял, не обращался в суд, а продолжал работать. Парадоксальным образом даже неизлечимая болезнь стала для него испытанием неизведанного. Врачи посоветовали скрыть диагноз из-за негативного отношения, тогда считалось, что СПИДом заболевают лишь распущенные люди. Опять ирония судьбы, Айзек был любящим и верным мужем. Когда писатель умер, произошло мистическое совпадение: его однофамилец, известный теннисист Артур Азимов заявил, что стал жертвой СПИДа в результате переливания крови. Джанет раскрыла тайну только через десять лет.

«Я прожил хорошую жизнь» называется автобиография писателя. Корифей фантастики ни о чём не жалел: в своих книгах он прожил множество жизней, создал множество миров, далеко заглянул в прошлое и в будущее. Коллеги называли Азимова «Добрый Доктором», и это был самый высоко ценимый им титул.

На ходу

В московском метро, в переходе,
Похоже, с невидимой ношей
Стоит, ссутулившись вроде,
Задумчивый Пешков Алёша.

Бежим мы, спешим куда-то,
Не глядя в глаза гиганта,—
Нам стыдно ему сказать,
Что страна повернула вспять.

Кто-то тихо бормочет устало:
«Сокол разбился о скалы,
И на вековом рубеже
Наступило время ужей».

Прошмыгнём, виноватые, мимо,
Поскорей соскребём его имя
С парков, проспектов и стен,
Чтоб не видеть позор перемен.

Ты прости нам, прости, Максим Горький,
Твои осквернённые Горки!
Вглядись в нас, ссутулясь пониже,—
Не горд Человек. Он унижен!

Братья

Были у нас два брата, были давно когда-то.
Совсем непохожие братья, ни цветом волос, ни статью.
Один был громадного роста, ну, может, высоким был просто,
Другой брат ростом не вышел, но — с чубом пшеничным и пышным.
Но в главном они совпадали — большими поэтами стали.
Несхожими,

неподражаемыми,
незабываемыми.

Тот потомкам с трибуны горланил,
Как прекрасен труд в родной стране,
А другой «весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне».
На высоком пьедестале им завидовали, их обожали,
Или спаивали, или травили. Любимые их не любили.
А они в суматохе буден дарили себя людям
И не думали, не гадали, что уже в бессмертье попали.
Вот бы мне тогда к братьям отсюда перебраться. Бывает же чудо.
Нашла б их в толпе друзей мнимых, любимыми не любимых,
И шепнула сердечно братцам: «Вам надо друг друга держаться,
Тогда в этом водовороте подольше вы проживёте».
А старший сказал бы прилюдно, раньше, а не после горьких дней:
«В этой жизни

помереть
не трудно.

Сделать жизнь
значительно трудней».
Видать, нету чудес. Где брать их?
Не добралась я до братьев.
Так и сгинули оба брата.
Всё кажется — я виновата.

Чайка над морем

* * *

Возможно ли
Ко мне
Приходит
Стих
Рассветный
Стих
Связующий
Навеки
Любовь
Твоя
Твой
Разноликий
Ветер
Июльский
Ветер
Негасимый
Стих

* * *

Звездопад
Листопад
Сном
Рассветным
Объят
Негасимый
Твой
Взгляд
Снегопад
Звездопад

* * *

Рассвет
Чайка
Над Морем

* * *

Я
Всё
Тебе
Сказала
Дорогой
Любимый
Мною
И Земной
И Млечный
Ты
Будешь
Счастлив
Только лишь
Со мной
Когда
Минует
Жизни
Быстротечность

* * *

Звон
Колокола
Гаснет
В Вышине
Рассветом
Заволакивает
Строки
За Облаками
Небосвод
Высокий
И Бабочка
На солнечном
Огне

Эоловы струны

* * *

Подснежники
Звещающею
Толпой
Выходят
Из-за дымки
Голубой
Написанные
Звёздною
Рукой
Они
Пройдут
Прошелестев
Листвой
Подснежника
Строкою
Роковой

* * *

Синий
День
И волна
На реке
Словно
Сон
Белый
Стих
Вдалеке
На ветру
Этот
Стих
На крыле
Спящей
Птицы
На звёздной
Горе

* * *

Колокольчик
Лесной
Расцветает
Весной
И уходит
В туман
Голубой
Океан
И пьянящей
Волной
Всё
Звенит
Надо мной
Расцветает
Весной
Колокольчик
Лесной

* * *

Над Облаками
Воссиял
Христос
И Благодать
Небесную
Принёс
Рассветным
Морем
Полным
Вешних
Звёзд
Над Облаками
Воссиял
Христос

* * *

Рассвет
Весны
Сверкнёт
Твоей
Снежинкой
Звездю
Пробудившейся
От сна
Весенний
День
Размытою
Картинкой
Твоя
Любовь
Мечта
И Красота

***

Верхушки
Деревьев
Прощаются
С нами
Воздушные
Шарики
К Небу
Летят
Природа
Восходит
И гаснет
Стихами
Роняя
На Землю
Единственный
Взгляд

***

Мои
Стихи
К Тебе
Весенние
Стихи
Они
Неувядаемы
И юны
Эоловы
Серебряные
Струны
Колблемые
Ветром
У реки

***

Люблю
Тебя
Пишу
Тебе
Стихи
Которые
Парят
Как мотыльки
Стихи
Приходят
Рифмами
Звенья
Июльским
Ветром
На закате
Дня

***

Не торопись
Читать
Мои
Стихи
Любовь
И Кровь
Соперники
Друг
Другу
Проходит
Ветер
По земному
Кругу
Небесному
Надзвёздному
Пути

Цветком хризантемы

* * *

Стихом
Жива
Любовь
Моя
К Тебе
Тем
Сумрачным
Надзвёздным
Океаном
Пьянящим
Ветром
И лесным
Дурманом
И Родником
На солнечной
Земле

* * *

Твой
Аромат
Проникает
В моё
Сердце
Полное
Печали

* * *

Любовь
К Тебе
Благословенной
Болью
Тем
Колоском
Затерянным
В траве
Сентябрьским
Ветром
Обагрённым
Кровью
Стихом
Любви
В рассветной
Синеве

* * *

Свет
Твоих
Глаз
Не погаснет
Когда
Погаснут
Рифмы
Рассветом
В Сердце
Свет
Твоих
Глаз

* * *

На тропе
Нашей
Встречи
Расцветает
Рифма
Цветком
Хризантемы

* * *

В Тебе
Одном
Рассвет
И ветра
Мгла
Простор
Полей
Родные
Облака
Твой
Родниковый
Взгляд
Издалика
И Красота
Молитвы
И Стиха

* * *

Вгляни
И Ты
Прочтёшь
Мои
Стихи
Написанные
Радостью
И болью
Нетленной
И Божественной
Любовью
Плывущие
Над Облаком
Вдали

* * *

Брату Владимиру

Рассветом
Песня
Оборвётся
Захлопнется
Твоё
Окно
Строка
Твоя
Ко мне
Вернётся
Написана
Тобой
Давно
У изголовья
Голубь
Вьётся
Огнём
Крыло
Опалено
Рассветом
Песня
Обернётся
Написана
Тобой
Давно
октябрь 2018

* * *

Звёзды
В ладонях
Сентябрьским
Закатом
Октябрьским
Рассветом
Ветром
Переходящим
В Вечность

ОТВЕРЖЕННЫЕ И ОТВЕРГШИЕ

Философско-социальное эссе

Братство Рыцарей Сумы

Не только в Древней, но и в современной Индии отшельник, выходящий из джунглей, всегда почитался выше раджи, или другого «сильного мира сего». То же было и на Западе, где какой-нибудь пастишок Этьен мог увлечь в детский крестовый поход десятки тысяч детей, делая из них святых бродяжек. И в России, когда юродивый Вася глядел прямо в глаза Ивану Грозному и говорил: «Эх, Ивашка, что же у тебя козлиные рога на голове-то?» И царь смиренно опускал эту самую голову, потому что менталитет его запуганного донельзя народа всё равно делал блаженного неприкосновенным.

Люди, перед которыми трепетали правители! Трепетали хотя бы потому, что они ничего не хотели от жизни этой и хотели всего от жизни той. Той, где только один Бог да ангелы озаряли угодников своих светом Бессмертия.

Во всем мире их было очень мало. Не желавших иметь постоянный кров над головой. Не имевших за душой ни гроша. Но имевших чистейшую душу!

Они не боялись поговорки: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». И верили, что бездомье и гонения — лучшие испытания на пути того, кто жаждет узреть Истину. Они сами ушли из дома. Порой из очень богатого дома. А то и из дворца, как, например, Будда...

Они стали Братством Рыцарей Сумы. Мировым Братством. Особым типом человеческого сообщества. Исключительно стойким духовно и телесно. Наиболее умные из власть предержавших им завидовали, понимая, что Рыцари Сумы самые свободные люди на свете.

И наше время знает их. Хотя часто не имеет представления об их именах. И только иногда, как малая часть айсберга, выплывает среди океана мировой цивилизации имя. Как, например, Матушки Матроны, русской святой двадцатого века.

Но это добровольцы. Идущие за идеей и ради идеи. Однако, существуют ещё тьмы и тьмы тех, кто не имеет дома. Они-то не хотели ходить с сумой и каждый день бояться тюрьмы. Не желали жить по кодексу чести цивилизации, частью которой им пришлось стать.

Полёт с социальной лестницы

Оказаться в положении бродяги или бомжа практически может каждый. Независимо от того, какую ступень на социальной лестнице он занимал. Так, зрителям ТВ периодически показывают то профессора, не имеющего дома, то скитающегося ветерана одной из наших многочисленных войн, а то и подростка, давно привыкшего к сырому запаху чердака или подвала.

У каждого были свои причины для такого полёта. Скажем, у профессора была коварная жена. Она воспользовалась общей неразберихой середины девяностых годов. Муж был в долгой геологической командировке. За это время она с любовником за нужную взятку выписала своего законного супруга из приватизированной квартиры. И пошло-поехало. Профессор поменял тайгу на помойки. Ветеран тоже стал жертвой чудовищного плана «ближних своих». И пока он воевал в горячих точках, за его жилье тоже воевали. Ну, а мальчик просто сбежал из дома, где мачеха давно раздавила своим изящным каблучком отца. Оказался членом сего сообщества и крупный предприниматель. Он слишком много пил, а потому не заметил, как его тихо окружили со всех сторон конкуренты. И помогли мягко спланировать вниз с очень высокой ступени социальной лестницы.

Как показывают исследования психологов, все эти люди быстро забывают о своем прежнем положении и становятся равноправными членами общества, стоящего вне общества! Впрочем, что касается равноправия, то его нужно понимать правильно. Равноправие в самоощущении. Но не в положении. Потому что в обществе насильно лишенных дома есть строгая иерархия, на которую нельзя махнуть рукой. Иначе можно быстро переселиться на небеса. Ведь общество это так опасно граничит с великим миром криминала!

Три выразительных приметы

Любая цивилизация имеет свои характерные особенности, которые и позволяют ей называться цивилизацией. Есть такие особенности и у сообщества бомжей и бродяг.

Прежде всего, объединим эти два слова в одно понятие. Просто в наше время слово «бомж» заменило собой более архаичное слово «бродяга». А потому можно свободно пользоваться любым из них. А можно и тем и другим одновременно.

Что же касается святых бродяг, искателей Истины, то мы уже сказали о них в самом начале. Будем считать, что это небожители того Олимпа, на который никто из бродяг обычных восходить не соби-

рается. Но всегда с удовольствием скажет о них, как о своих великих предшественниках.

Насколько бродяги и бомжи мучительно переживают своё новое положение сразу после падения, настолько они не хотят потом возвращаться к прежней жизни. Во всяком случае, подавляющее большинство из них.

И если такого помещают в нормальные условия жизни, то он начинает тосковать по той жизни, где его не заставляли каждый день мыться, выполнять кучу мелких правил и предписаний нашего обывательского быта.

Попытки пристроить бомжей в какие-то постоянные дома проживания часто заканчивались их бегством оттуда. Так что можно твёрдо говорить о философии бездомья, которая становится главной приметой идеологии нищенского сообщества.

Второй яркой приметой подобного рода цивилизации является желание её членов не работать. Но при этом есть. Иногда за счёт подаяния. Иногда за счёт находок целых складов продуктов. Иногда за счёт воровства, грабежа, а то и убийства. Памятен случай, когда центральные газеты писали о бомже, пригетом сердобольным обывателем. Он увидел бродягу на помойке в канун Рождества. Пригласил к себе домой, чтобы отметить подобающим образом такое событие. Бомж предложение принял. И в разгар пира, облачённый в хорошую чистую одежду, выпивший хорошего вина, убил благодетеля! И здесь была не зависть, а отношение человека иной цивилизации к чужаку. Это можно сравнить с ненавистью, которую испытывали древние кочевники к оседлым народам. Они считали, что оседлые люди созданы для того, чтобы люди кочевые могли питаться плодами их труда, а то и охотиться на них, словно на диких зверей. Потому мораль кочевников не только не осуждала такое отношение к оседлым, а, напротив, поощряла его.

Раз бомжи стали отверженными, то они стали и отвергшими. Отвергшими мораль общества, столкнувшего их с социальной лестницы, отправившего в неожиданный полёт.

Сколько раз в вагоне метро мы отодвигались от человека с мешком, отравлявшего нас своим ужасным запахом. Никакая дорогая туалетная вода не в силах перебить такое зловонье. Но бомж этого запаха не чувствует, потому что он привык вдыхать его каждый день среди себе подобных. Вспомним всё тех же кочевников, привыкших не мыться месяцами, а то и годами. Так что второй основной приметой цивилизации бомжей можно назвать полное презрение к нашим нормам бытия и быта. Ведь по большому счёту бомж может достать носильные вещи, которые вполне в состоянии стать костюмом, и даже приличным. Но ему этого не нужно. Уже не нужно...

И, конечно, третьей приметой сообщества бродяг можно назвать устройство их жизни, принципиально отличное от нашей. У них странный, особый смешанный социальный строй. В нем присутствуют элементы и общины, и рабовладения, и феодализма.

С одной стороны, бомж полностью подчинен своей иерархии. С другой, если он выполняет законы, данные ему этой иерархией, он пользуется полной свободой действий. И, прежде всего, правом ничего не делать в нашем понимании этого слова!

Патроны и клиенты

И тут напрашивается сравнение с плебеями Древнего Рима. Чего хотел свободный гражданин рабовладельческого общества? Хлеба и зрелищ! Он жил в убогом помещении, но знал, что, встав утром, пойдёт к своему знатному благодетелю. К патрону, как он назывался в Риме. И получит от него свою подачку. За это на любых римских выборах он будет кричать на весь форум о том, что его патрон самый лучший. А уж если такой патрон щедро даёт деньги на развлечения, то он совсем хороший. Надо же чем-то занимать своё свободное время! И уж, конечно, зрелища должен устраивать цезарь. Если он хочет подольше удержаться на троне.

В мировой цивилизации бомжей иерархия как раз сравнима с иерархией Древнего Рима. Только схема более упрощённая. Да и патроны не живут во дворцах, и от них не пахнет утончёнными благовониями. Например, в огромном подземном мире Москвы, который существует и существует давно и прочно, есть, а может быть, уже был некий Культия. Человек, пользующийся огромным авторитетом среди своих. И пользующейся такой же неограниченной властью. У него есть всё для хлеба и зрелищ. Потому что на заброшенных станциях метро и в других лабиринтах «московского инобытия» полно всяких запасов и питья, и одежды и обуви. Они хранятся здесь с тридцатых годов, а то раньше. И они всё время пополнялись, потому что в случае чрезвычайных ситуаций должны были удовлетворять нужды самых высоких иерархов Страны Советов. Есть такие же подземные города и в других крупных столицах мира.

Поэтому глава подземного сообщества вполне может быть назван «цезарем», главным патроном своих подданных, свободных от нашей морали и от нашего благополучия. У него есть всё, чтобы поощрить лучших из лучших. Вплоть до самых изысканных напитков. Приближённые к нему люди образуют класс «патрициев» цивилизации бомжей, они тоже способны быть патронами своих клиентов.

Естественно, что такие «цезари» и «патроны» есть во всех городах и весях Руси Великой, а также за её пределами.

Любопытное наблюдение было сделано во время недавней переписи населения. Бомжи очень охотно шли на контакт с переписчиками, но все в один голос заявляли о том, что не хотели бы жить где-то постоянно. А чего бы и хотели, то это передвижного медицинского обслуживания и раздачи нормального питания. Кстати, это часто и делается в богатых странах. Там такие бездомные просто получают талоны на питание и всегда знают, что есть места, где они могут переночевать.

Клошары не бомжи!

Не только постоянными талонами на питание отличаются западные бродяги от русских бомжей. Клошары, как принято именовать бездомных за рубежом, вовсе даже не так неопрятны, как наши люди. Они не пахнут! Так что все мрачные шутки по поводу того, что «вошёл в вагон бомж и всех уравнил в запахе», там просто не будут поняты.

Клошары Парижа и клошары Берлина предпочитают тянуть за собой нити старых «буржуазных» привычек. Поэтому они способны поразить воображение корреспондента какой-нибудь нашей газеты тем, что пригласят его за аккуратный столик, где будут знаменитые пиво и сосиски!

Более того, в клошары порой идут добровольно, а не слетают со ступеней социальной лестницы.

Кстати, в Париже произошёл забавный случай. Один известный французский режиссёр решил поставить горьковскую пьесу «На дне». Он пригласил для игры клошаров настоящих. И потом в интервью парижской газете признался: «Я не просто совершил ошибку, а даже некий нехороший поступок в отношении их. Многие хотели через этот эксперимент интегрироваться в нормальное общество. А потому потом они испытали шок. Они не могли привыкнуть и к новой жизни, и старой уже не хотели!»

Однако, невзирая на все внешнее «чистоплюйство», и клошары являются частью цивилизации бомжей. Потому что имеют ту же иерархию, что и их «русские братья». Ведь без этой иерархии, без строго организованной жизни тех, кто в принципе отрицает любые наши правила, выжить просто невозможно.

Генералы песчаных карьеров

Особой общностью внутри цивилизации бомжей являются бездомные дети. Они-то как раз вполне могут вернуться в общество наше, зажить с нами одной жизнью. И во многом это зависит от той политики, которую проводит по отношению к ним государство.

Но когда они находятся вне наших забот, то становятся, быть может, самой агрессивной частью цивилизации бродяг. Воистину генералами песчаных карьеров. И не только их. Именно из среды таких «генералов» и пополняется армия криминала во всем мире.

Детское сознание, в отличие от сознания взрослых бомжей, не отвергает мир. Напротив, оно открыто навстречу любому, даже самому маленькому празднику жизни. Даже одному мгновению. Ребёнок всегда готов крикнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» В этом суть детского максимализма, непосредственности, давшим возможность Спасителю сказать Апостолам: «Будьте, как дети!»

Но все эти качества очень легко могут сменить знак «плюс» на знак «минус». И если мир поворачивается к детям не ликом, не лицом даже, а мерзкой сатанинской личиной, то они превращаются в воистину падших ангелов. И тогда способны отместить всякую мораль «нормального» общества, созданного по их мнению исключительно взрослыми. И исключительно для того, чтобы унижить детей.

Тут неприязнь и отрицание переходят в более сильное чувство. В месть. И такие мстители не остановятся ни перед чем. И если они увидят старушку, несущую убогую сумку с продуктами, то для них не будет существовать возраста и человека, а только объект добычи. Главное — сумка! Волка, как известно, ноги кормят.

Именно беспризорные дети больше всех крадут и металл с надгробных памятников, и цветы с надгробий, и другие священные для нас предметы. Для них они товар, который можно продать, чтобы купить хлеб. А ритуальное значение украденного для них просто не имеет никакого значения. Ведь это же символы не их цивилизации.

Между прочим, детская иерархия бывает особенно строгой и жесткой. Потому что у детей развито обострённое чувство справедливости. И они ждут от своего вожака и его ближайшего окружения таких поступков, которые заставят его заботиться за принципиальность. За умение не взять себе больше, чем положено неписаным законом этого сообщества. А ещё за умение защитить бомжей-детей от бомжей-взрослых. И от взрослых преступников. Так что предводитель подобного сообщества должен быть отважен, как вожак

волчьей стаи у Киплинга, и хитер, как Багира. И вырвать ребёнка из гипнотизирующего поля такого вожака крайне трудно. Люди, в том числе и дети из общества добропорядочных обывателей, будут казаться ему ничтожными и слабыми. Поэтому «давать путевку в жизнь» беспризорникам может только сильная личность. Не просто сильная, а более сильная, чем та, что заворожила маленького бездомного.

К тому же дети способны чутко отзываться на какие-то патристические призывы. В отличие от взрослых бомжей, абсолютно глухих к распрям остального человечества, беспризорные дети могут стать добровольцами. Добровольцами армии страны, если на неё нападет враг. Добровольцами мирных дел, если они подаются с пафосом и налётом общенационального идеализма. Добровольцами радикальных и экстремистских организаций, потому что там тоже есть пафос! И вот это последнее обстоятельство особенно не даёт нам права проходить мимо детских островов огромного архипелага цивилизации бомжей.

Продолжение без размножения

Но можно ли считать самостоятельной цивилизацией сообщество, где люди практически не вступают в браки и крайне редко рожают? Ведь такая цивилизация не в состоянии продолжить себя в потомках. А значит... Да ничего это не значит!

Цивилизация бомжей продолжается без размножения, потому что социальные и духовные пороки человеческого общества на протяжении тысячелетий вливают в неё свежую кровь. Умирают одни бродяги, но приходят другие. И заменяют этим акт слияния Двух Начал, Мужского и Женского.

При этом общество «добропорядочных людей» меняет свои социальные институты, устраивает революции и перевороты, разрабатывает какие-то программы своего развития, а цивилизация бродяг живёт всё по тем же принципам. По тем, которые она унаследовала ещё от времен Древнего Рима, а может быть, и значительно раньше.

Следовательно, в случае глобальных мировых катаклизмов у такой цивилизации больше шансов выжить, потому что у неё меньше требований к жизни. Как у тех самых древних кочевников, о которых уже был разговор. Но, между прочим, те самые кочевники иногда завоевывали мир. Как во времена Атиллы. Как в эпоху Чингисхана. И к ужасу пропитанных благовониями патрициев въезжали на своих конях в их дворцы. И надевали на немывтое тело роскошные одежды ограбленных владельцев этих дворцов.

Цивилизация без культуры

Когда-то выдающийся русский художник и мыслитель Николай Рерих написал книгу «Цивилизация и культура». В ней он чётко разделил два понятия. Ведь могут быть и цивилизации, не любящие культуру! Не создающие её. Для создания настоящих шедевров культуры нужно определённое мироощущение. Но если душа не желает трудиться, вступая в противоречие с известной фразой другого Николая, Заболоцкого: «Не позволяй душе лениться», культуры не будет.

Цивилизация бомжей не может создавать памятников своей культуры, потому что сама философия её направлена на отвержение того, что принято у обычных людей. Тем не менее, у неё иногда встречаются свои певцы. Как, например, гениальный поэт и бродяга Франсуа Вийон! Но это исключение. А по большей части мы знаем о цивилизации бомжей по произведениям писателей и художников из «классического» людского общества.

Самое большее, что могут создать бомжи, это свои «картонные города» на пустырях или обставить убогой мебелью пустые подвалы и пещеры. И при всем при этом они идут по истории параллельно с другими цивилизациями, созданными другими людьми. И не отстают от них.

Возможна ли гибель?

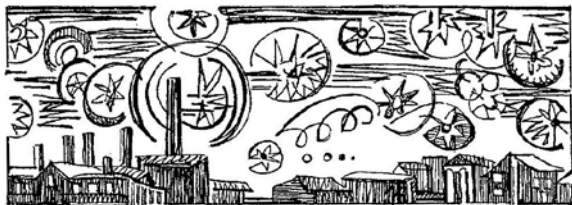
Возможна. Как и любой другой цивилизации. Основной причиной гибели может стать какой-то совершенно гигантский катаклизм планеты, который уничтожит на ней все живое, в том числе и цивилизацию бомжей. Но наверняка она погибнет в последнюю очередь.

Другой причиной исчезновения сообщества бродяг было бы глобальное изменение в сознании и социальной жизни всех современных человеческих обществ. Такое, при котором полёт с социальной лестницы будет невозможен. Тут нужно прежде всего обновление духовное, не терпящее того, что рядом кого-то могут «столкнуть» вниз. Общественное сознание, дающее не талоны на питание, а не позволяющее доходить «до жизни такой» с этими талонами!

Но здесь работы на сотни лет вперед. Не исключено, что до принципиально новой человеческой расы. Потому что любые попытки решить вопрос грубыми социальными методами приводили только к уравниловке и репрессиям. И временное «равенство» порождало потом ещё большее социальное неравенство.

Но даже если на Земле появится совершенно новая человеческая

раса с абсолютным изобилием всего и с высочайшей духовностью, всё равно и при ней будет Братство Рыцарей Сумы. Потому что должны быть люди, не привязанные к дому и бренным материальным благам. Но это уже совсем другая история. История продолжения вечной жизни цивилизации Божьих людей. А уж они-то творят культуру. Культуру нерукотворную. Культуру куда более высокую, чем самая блистательная наша культура. Ибо без голоса их, Небом услышанного, невозможно само существование наше.

РУССКАЯ ДОЛЯ

Обогревая небо

Костры свои прошли насквозь:
безвременья, безверья.
Но белым дымом и в мороз
деревни греют небо.

Историю дней расскажет ось
колёс державным скрипом.
но трав живую жаль мне ость,
что мается без вскриков.

А станет сердцу посветлей,
отстанет морок давний —
все окна светятся живею
и смотрят благодарней.

И белым дымом и в мороз
стоят деревья немо
и, пламеня жаром слёз,
обогревают небо.

Русская доля

А. Шестовой-Колпаковой

Ни в какие рецепты не веря,
всё болит и болит голова.
Помогают открытые двери
во луга, где растёт трын-трава.

Где поёт сладкогласая птица
над тобою, забвенья трава.
Я ведь тоже хочу научиться
уверять: всё — слова, и... слова...

Что ж болит моя шкура воловья?
А душа? Из полЫмя* в огонь!
Там, где русская доля Сцеволой,
положила огонь на ладонь...

* вольность в употреблении ударения

Серая в яблоках

Серая.
И в яблоках. Седая...
Потускнела: время не щадит.
Но ещё на задних приседая,
перепрыгнуть горку норовит.

В кляче же не одурь удалая,
(нынче жизнь её — один загон),
но копытом стенку разбивая,
вспоминает молодой огонь.

Так давай же, удиви округу,
просверкай на зяблую зарю!
Рвись и мчи, сыпь яблоки по лугу...
По осеннему жнивью...

Мне бы тоже встать бы по-над явью,
пламенея радостью огня,
мне бы тоже ярости добавив,
в миг последний время перегнать!..

* * *

А держава, взяв славу за стремя,
как к Полтаве, идёт через брод.
Закоренило кормчее время
Мою землю и кремень-народ.

Всё равнины, равнины, равнины —
что сводили всех немцев с ума.
Что земных всех путей середины,
где в России сума иль тюрьма?

Всё равнины, равнины — едины
всё равнины — и нет им конца!
Но в пределе: вершины, вершины
в ореоле небес как венца.

Оттого, что бывало так древле,
и так будет вовек наперёд —
закоренило кормчее время
навсегда моё племя-народ.

* * *

*Памяти
Натальи Медведевой*

Ещё одна загубленная жизнь —
всем попусцием людей и Бога.
Ещё одна возлюбленная жизнь
жестокая для возлюбивших много.

Её не оправдают наши люди.
Как всякого, кто одарён с лихвой...
Но кто же снизойдет и не осудит?
Ведь Бог НЕ судит — ЛЮБИТ нелегко!

...Идут дожди — слезами. Оглянись:
любовь тоскою льётся и печалью.
Идут дожди, ручьём стекая в Стикс,
притоком по прозванию «НАТАЛЬЯ».

* * *

Нам за тернии Он воздаст,
не уйдёт никто обижен!..
В час вечерний едешь тише
мимо правд, Экклезиаст.

Мимо помыслов благих,
ведь от них лишь прах да пепел...
Нет эпох во всем плохих:
мир — всегда — любовью светел!..

Где же тот, кто милосерд,
От плевел зерно отсеет?..
Ойкумена жнёт рассвет
Апокалипсиса серый...

Но красна весною весь,
зелена, ко благу склонна
и глядит на всех влюблённо,
и хранит Благою весть.

Взор небесный, голубой,
взгляд небес на пир зелёный...
Сад — невеста под фатой,
мир — звезда в ладони клёна...

* * *

Серое небо.
Но даль непуста.
Птиц боровых — разлеталось!..
В сердце сегодня лесов лепота
переборол усталость.

Сердце — как скрипка — болит под смычком.
(С музыкой вечная смычка)...
Как под наркозом, бредёт голяком,
тычется в жизнь по привычке...

Чем утолить жизни малость и плач?..
Шествие лет?.. побежалость?..
Дёргает ниточку сердца дергач —
пестует в скрипочке жалость!..

Звёздами, как невод, забит Млечный Путь.
Стих птичий несноснейший гомон.
И звёздное небо мешает уснуть
и смотрит в глаза незнакомо

Быть гением трудно — ведь легче прослыть!
Проделки за гений считая,
ты скажешь, не мучась, забыть и простить,
но лучше любить, не прощая.

Мелодия жизни уйдёт без следа
и ноты возьмёт все с собою...
Дорожка давно коротка до креста,
а крест называют судьбою.

Но в узком кругу сверх нужнейшим побыть —
и, просто прослав сумасшедшим,
столетия жизни бессмертья добыть —
миг только с креста лишь сошедшим!

Есть много престранных сближений, мой друг,
но это ведь не прегрешенье?
Жизнь требует флейты и голоса труб
для шоу.
Его продолженья.

* * *

Пусто. Сине. Голо
там, где волчий лог.
В поле — ни глагола.
Пустошь как намёк.

Глушь. Морозец колет.
Греет «посошок»!
Белка на Заполье
прыгает ещё.

Тишина. Ни вскрика.
Где-то огоньки.
Первородно. Дико.
Тихо у реки.

Голо. Дико. Сине.
Птаха: порх и в стог.
Это все Россия,—
цапнет коготок.

...Вечер тёмно-синий,
на поля налёт.
Тихое предзимье —
холодов залог.

Вдаль гонит тоска непроломная

Где солнце стоит невысокое,
поля озирая с холма,
там клёкоты грустные сокола
нейдут отчего-то с ума.

Вдаль гонит тоска непроломная
Россию постигнуть умом,
и волюшка полюшка огромного
всё манит пошляться пешком.

Просторы там учат терпению
в тенётах житейских забот,
где птица вздохнет перед пением,
но, как перед смертью, споёт...

Сорока стрекочет нелестное,
свои охраняя места,
но та же дорога Смоленская
не даст помереть без креста.

...Вновь птица споёт одинокая,
слетевши в зерно на копну,
где солнце давно невысокое,
заходит, задев за сосну.

...Поманят ли дали-далёкие,
валяться в траве где-нибудь,
чтоб в небо глядеться глубокое
и взглядом в той глубине тонуть?..

Туман осенний в речке моет кудри

Туман осенний в речке моет кудри,
он ночевал сегодня за рекой...
А быть хоть кем-то никому нетрудно,
труднее в мире быть самим собой.

Где журавли бегут на тонких спицах
и целят ввысь на влажной полосе,
там, знаешь, об Икаре помнят птицы.
Быть трудно птицей — не такой, как все.

Как трудно быть — не слыть — на этом свете!..
С покоса скоро я уйду домой...
Но песенка твоя ещё не спета,—
мне прошептали ветры за спиной.

...Туман осенний в речке моет кудри,
ночь улетела призрачной совой.
Ты не жалея, что не бывала мудрой,—
шепнул мне путь, завещанный Тобой...

Быть Моцартом однажды на земле

Быть Моцартом однажды на Земле.
Поэтом божьей милостью, чтоб странно
взять умереть и сгинуть в страшной мгле
на кладбище в могиле безымянной.

Забывать завистников былую месть,
счастливую свершая одиссею
по зыбям музыки и слать живую весть:
мелодия, чем старе, тем сильнее.

Быть Моцартом и в жизни, и в судьбе,
слыть божеством, быть может, над мирами
и вещей реквием сыграть себе,
к себе судьбу беспечно примеряя!

Или не трудно умереть, зане,*
Быв Моцартом однажды на Земле?..

Свет не вечерний

Ясный месяц ходит стражей,
тучи ходят вслед за ним.
Сумрак ночи красит сажей
в тёмном поле белый дым.

Путь ночной, где даль бездонна
да с судьбою наугад.
Звёзды совами бессонно
прямо в душу мне глядят.

Словно дымчатое нечто —
эта роздымь, эта гать —
в полночь хочет русской речью
несказанное сказать.

Свет ополья, свет на черни,
свет над лесом и за ним:
безглагольный, не вечерний —
неразымчатый с твоим.

И отверзнет очи спас

Небо меркнет. Брезжит сеть
дней дождливых в темных далях.
Лет едва ль осталась треть,
чтобы спеть и в даль отчалить.

Выйдет тучка, набежит;
вынет месяц из кармана,
а когда устанет жить,
снова спрячется в туманах.

Что-то спеть и не иметь
сад укромный, гром недалний;
полюбить и умереть
после морока отвальной...

Небо меркнет. И на час,
светодень ещё убудет,
и отверзнет очи Спас,
а тебя уже не будет...

Межсезонье

Там за гранью миров, за границей снов
то ли ветер, то ль альт саксофона
напевает мелодию только без слов.
Начинается смена сезона.

Попрощаюсь я скоро с тобой и с собой,
позабуду, что свет хлебосолен.
Запевает мне ветер прощальной трубой —
ведь в судьбе своей каждый неволен...

Просолённый причал, сор привыкший терпеть;
беспредельное синее море!
Только чайки кричат (чтобы песен не петь),
заливая водой своё горе...

Тишина и покой. Словно чаемый свет
навсегда поселился во взоре.
Лишь, быть может, синица качнула чуть ветвь
на рисунке, что был на заборе.

А за гранью миров, за границею снов,
где на солнце глядят, щурясь, сосны,
подбирает мелодию песни без слов
серый птах, залетев в межсезонье.

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ ВОДЫ

Эта речка сумела туман надышать,
а туман — облака гроз недалних.
Мне мерцает во тьме Сторожа¹, как душа,
как душа из времён позадавних.

Я смотрю: как сквозь слёзы сияет вода...
Вспоминаю все юные годы!
Но отметила праздник давно слобода,
позабыв сладкий воздух свободы...

Что найду да и где? Потеряю ль себя
где живые и мёртвые воды?
Но я рада беспечной страде воробья
и его бесконечной свободе!

Промышляет себе, проверяет жнивьё,
без вниманья стога не оставит...
Мне всё кажется: это и есть житие.
Житие ниже песен не ставлю.

Возвращаются песней былые года,
бесконечную жаждой свободы...
И искрит, и сияет небес высота
на живые и мёртвые воды...

Прощальное

Пала чистая роса
на поля и луг.
Звук глухой у колёса,
стук да перестук.

Пала чистая роса...
Отправленьё, друг!
...Эта света полоса —
полоса разлук.

---

¹Сторожа, Сторожка — небольшая речушка под г. Звенигородом

Ничего нельзя поправить

Ничего нельзя поправить,
обожгла траву роса.
Для пенья, не для забавы
стонут птичьего голоса.

Заненастились погоды,
тёмной тенью — облака.
Всё скорей уносит годы
жизни быстрая река.

Ещё радует мальками
да и радуясь сама,
омутами, как глазами,
водит, сводит всех с ума.

Обожгло рососою травы
у деревни, где погост.
А церквушка там — направо,
а деревья — в полный рост.

...Обожгло меня слезою,
Обожгло родную сень:
вороньё крутою солью
просолило чёрный день.

Горе дней судьбинное

Памяти моей матери

Анны Кирилловны Беспрозванных

Горе дней судьбинное
надо пережить,
песенку недлинную
медленно сложить.

Горечью палимую
до скончанья дней
песенку недлинную,
но судьбы длинней.

И налево, и направо

И налево, и направо:
перелески, взгорки, гать —
то в роскошную дубраву,
то в болотистую падь.

Не смотри на жизнь угрюмо:
нам всем нечего терять.
Кроме жизни... вот и думай
как прожить её на ять,

как говаривали предки —
вспоминалось много раз —
ну а предки били метко
даже белку прямо в глаз.

Где за лесом есть просёлки,
значит и посёлки есть.
Клювом только зря не щёлкай,
поминая смерть как жесьть.

Погляди-ка лучше в щёлку.
видишь? — это Млечный Путь
сквозь туман искрит просёлком:
приведёт куда-нибудь!..

Ночью

Осенний мрак и снулость,
и лист шуршит, какмышь.
Одна из буйных улиц
поёт «шумел камыш».

Старуха всем пророчит
возмездье за грехи.
Но звезды в бездне ночи
тихи... слепы... глухи.

Ранние снега

И что мне образ мира древний,
что мне грядущие века,
когда на спящие деревья
упали ранние снега?

Опорой — в небе дым встающий
по-над деревнями, курясь,
и снег, куда-то вдаль идущий;
он на Покров не скроет грязь.

И то, что раньше было поздно,
сегодня — ранняя заря
не разгорается полоской,
а угасает, не горя.

И что теплынь, где всё померзло,
что солнца талая слеза?
У нас всё вызревает поздно:
и дух, и ранняя лоза.

Тайная вечеря

Прошли, хотя и нелегко,
от веры до безверья.
Когда от Бога далеко,
то краток путь до зверя.

И не чурались: чур-чур!
Ведь совесть не потеря.
И повторилась, как вчера,
вся Тайная Вечеря...

Дорога одна дорога

Птаха пела при дороге
и печаль была легка.
Лучше старых ран не трогать,
коль дорога далека.

У поэта и пророка
навсегда казна пуста,
дребезжит струна немного,
зато песня, как с куста!

Вейся, узкая дорога,
словно русская тоска!
Ты помедли, хоть недолго,
моя пуля у виска.

Посмотри на жизнь с восторгом,
словно видишь в первый раз.
Вспомнишь — сразу сердце ёкнет
в распоследний смертный час.

Подожди, не надо трогать
нецелованных в уста.
дорогА одна дорога,
а казна всегда пуста!..

Вот и певчими мы стали:
вот и песенку поём!
Так зачем глядим вслед стае,
что листает окоём?

Вновь подают здесь бога ради

Стерня засушливая колет,
и мышь сухой листвой шуршит,
и что-то колокол глаголет,
но не со мной он говорит.

И Моцарт здесь уснул надолго,
скрипичным всем звеня ключом,
и осень всех врачует жёлтым
и оземь долго бьёт челом.

Вновь подают здесь Бога ради,
за то, что храм себя хранит.
Летает ласточка в ограде.
Стакан — не ею ли налит?

...Покойся с миром. Спи в покое,
для всех пропащая душа,
грядущее не беспокоя
и прошлое не вороша.

Но чьё-то сердце сердобольно
страдает от чужих обид,
как старый Бог на колокольне,
над нами плачет и скорбит.

Слышу: приволие заголосило

Слышу: приволие заголосило,
многоголосие мне ли унять?
Вижу, что поле заколосилось.
Вижу — косынка, наверное, мать.

В поле вхожу, как в просторное море —
поймы, заливы и острова...
Я-то всё помню, я и не спорю:
всё, что ни есть — всё слова да слова...

Но и в словах, как в семье, разногласье:
многоголосицы буйная речь
всё-то стремится словами украсить,
а не украсить, так плетью обжечь!

И потому в вечных поисках истин
стих благодворен, как в поле родник.
Не потому ль жить опасно для жизни —
вещую правду взыскует язык!..

На нераскаянной земле

Прощай, страна! Прощай, бессмертье!
Отчизна снова, как во мгле.
Какое страшное посмертье
на нераскаянной земле.

Не потому ли плачут струны!
С раздумьем горьким на челе
историки напишут руны
о нераскаянной земле.

Но спор давнишний не окончен
ни в городе, ни на селе.
Я слышу: плачет колокольчик
по нераскаянной земле.

Но не скорбят о том храмины.
А крест найдётся ли в золе?
...Есть невеликие помины
на нераскаянной земле...

Липень

Липень... Липа вековая
от луны белым-бела.
Линия береговая
в распечали отошла.
Погоди стонать, палома —
недалече смерть нас ждёт.
Каждый вечер у парома
медь задаром продаёт.
Тароват был у Харона
перевоз во время оно,
вороват стал днесь и впредь
надо трезво вдаль глядеть.
Да, теперь уже не то!
Столь дыряво решето:
ни копейки, ни полушки —
только слёзы от кукушки,
но зато... на много дней
хватит в старости моей.
...В чем же наша оборона?
Открывая карий глаз,
хрипло каркнула ворона —
нагадает мне сейчас!..

Зори глухаря

Раздуваясь, бычтается...
«теке-теке»¹... пря.
Час рассветный, дымчатый
время глухаря.

Там поют под выстрелом,
чтобы страсть избыть,
во поре единственной
тянут жизни нить.

...Отсверкают выстрелы,
и в зиянье пней
пот кровавый выступит
ягоды красней.

А теперь за Жиздрою,
говорят, покой...
— Ты попой под выстрелом...
Ты хотя б постой...

* * *

М. Грозовскому

Схватится осень за голову —
В инее вся голова.
Жизнь потускнела, как олово.
Где удалые слова?

Где ты, осинника золото?
Где ты, ольхи серебро?
Смотрим мы что-то немолодо,
Поразбазарив добро.

Проголосив в бледной просини,
Прочь улетит птичья рать.
Трудно быть стойким по осени
И нелегко выживать.

---

¹Звуковая имитация токованья глухаря

Схватишься горько за голову —
В инее вся голова.
Только осталось что норову —
Брать под уздцы все слова.

В них всё осинника золото,
В них всё ольхи серебро,
Дух усмехается молодо,
всё разбазарив добро!

* * *

Небо меркнет. Брезжит сеть
дней дождливых в тёмных далях.
Лет едва ль осталась треть,
чтобы спеть и в даль отчалить.

Выйдет тучка, набежит;
вынет месяц из кармана,
а когда устанет жить,
снова спрячется в туманах.

Что-то спеть и не иметь
сад укромный, гром недалний;
полюбить и умереть
после морока отвальной...

Небо меркнет. И на час,
светодень ещё убудет,
и отверзнет очи Спас,
а тебя уже не будет...

* * *

«люблю сволочную погоду»
О. Харламова

Не надо «свобод» и «свободы»
Европы, погрязшей во зле...
Отчизну люблю за невзгоды,
За пламень, живущий в золе.

Люблю я злосчастную землю
За странный истории ход
И горькую радость приемлю
За жизнь, что берёт в оборот.

Люблю сволочную погоду,
Россию в снегах и во мгле,
Но больше люблю не свободу,
А истины свет на земле.

* * *

В час утра — в поле жизни на краю —
где всяк насущный хлеб свой добывает,
творец мне люб, за то что — трудолюб,
за то, что трудно любит раздолбаев!

...От светлого тумана свежий дух,
пчелиное жужжание волною,
и сердце обнимает нежно вдруг —
гречишное, рассветное, льняное...

Января некормленные звери

Раскалённая погаснула заря...
Распахнул январь метели двери —
это ведь некормленные звери
рвутся к нам из клетки января.

Остановишь разве? Ну, попробуй!
Вдруг рванув, сбивают сразу с ног.
Белыми медведями сугробы
разлеглись вальяжно вдоль дорог.

За щекою месяц вольно спрятав,
где-то затерялись небеса.
Сквозь метель темнеют мехом пятна —
рыжие, склонённые леса.

Ночь надвинется — метели разве стихнут?
Пряча нос, как ты, за воротник
даже и не тихий город Тихвин
на большой дороге слишком лих...

И какую мерой слово мерить?
Двери рушатся, ломается стило!..
Дикие некормленные звери
ломаются в оконное стекло!

На весах

На лугах, на чёрных стынет осень.
Клин живой, как стрелки на часах.
Подступает постепенно прозимь,
Отступает осень на глазах.

Журавли летят куда-то клином,
За собой зовут их голоса —
Ведь в моей Отчизне журавлиной
Непогод сплошная полоса.

Дождь увязнул в глинах, словно посох.
Непогода в сердце и в глазах,
В стаях ангелов — расхристанных и босых
На ненастьем взятых небесах.

Нас с тобой, как травы, время скосит,
Судный День встаёт лицом в слезах.
...А в моей Отчизне всюду Осень
Взвешивает души на Весах¹.

* * *

А если глянешь спозаранок —
Ещё со сна и неодета:
Как будто синь в глазах крестьянок,
В разливе северного лета.

И одинокий полустанок,
В петлицу лета ниткой вдетый,
Над желтизной степных саранок
Всё семафорит веткой: где ты?

И будто шепчется про что-то,
Пскова — через простор — с Великой,
И тень одна к другой приникла...
А губы пахнут земляникой.

---

¹Весы — осеннее созвездие

* * *

В ненастье ущербны труды наших муз.
Размыты дороги кривые,
А сердце томит непогод тяжкий груз,
Предзимье идёт по России.

Приходят морозы, уходят века
По линии жизни ладони
И льдами сковало мои берега,
Но сны, как и ночи, бездонны.

Кончина в сей жизни, увы, ненова,
И нынче всё так, как и древле.
Торжественно-тихи стоят деревья,
Торжественно-тихи деревни.

...Весна всюду лжива у нас и кратка,
А осень правдиво обманна.
Державные раны врачуют века,
А души небесная манна.

Я вновь зарифмую российскую грусть,
Простите печали пустые!
Метели да вьюги у нас вместо муз!
...Предзимье идёт по России.

Светлый образ

Памяти Галины Рой

Вспоминая Галину Вячеславовну, прежде всего, скажу главное о ней: ДА, ТАК НАДО ЖИТЬ! Все, кто соприкасался с этим незаурядным человеком, скажут то же самое. Одна беда: такое горение для любимого дела, для людей порой укорачивает жизнь.

Познакомились мы на Конференции молодых писателей Северо-Запада в Доме писателя им. Маяковского на Воинова 18, это был конец семидесятых годов. Мы сразу поняли, что наши цели совпадают: помочь тем, кто начинает писательский путь. И теплота между нами возникла сразу, словно дружили уже много лет.

Я рассказала о наших самых перспективных тогда молодых поэтах. Это были Александр Люлин и Анатолий Иванен. Особенно важно было помочь Анатолию, у него не так много было публикаций, и Галина Вячеславовна постаралась, чтобы его напечатали в Москве. Вскоре Иванен уже был принят в издательстве «Молодая гвардия».

Толя всегда говорил о Галине Вячеславовне очень сердечно. Я даже немного сердилась, ревновала её, получалось, что он более дружен с ней, чем я. Но он мог ездить в Москву часто, я — нет.

Галина Вячеславовна для многих поэтов, я думаю, стала почти родным человеком. Интересно было бы посчитать, скольким она помогла. Думаю, сотням поэтов.

Это был редактор по призванию. Необыкновенное чутьё. И стратег. Это особенно проявилось, когда стали выходить «Истоки» под знаком «РОЙ». Трудно приходилось редактору, но инициативе её мешала тогда только коммерческая сторона дела.

Бывают в жизни такие отношения — редчайшие, что в любое время, даже после больших интервалов, с человеком говоришь, словно виделся только вчера. Контакт происходит даже почти без слов. Такое возможно только с теми, у кого доброе сердце.

Атмосфера добра, тепла царила и в доме Галины Вячеславовны, в семье супругов Рой. Довелось мне познакомиться с её замечательным мужем, даже слушать его игру на ситаре, национальном индийском инструменте.

Талантливым продолжением родителей стала для меня Анна Рой. Мне думается, она обладает не только музыкальными, но и литературными способностями. А главное: Анечка тоже несёт в себе заряд сердечной доброты, душевной чистоты, энергетически повторяя свою маму.

Ольга Наровчатова

Размышления о поэте
Николае Зиновьеве

1945–2018

Я познакомилась с Николаем Зиновьевым в начале его творческого пути. Ему было лет 19—20, мне чуть больше двадцати. Он учился на курсе моего отца, крупнейшего поэта фронтового поколения, Сергея Сергеевича Наровчатова. Отец вёл свои занятия изобретательно. Он включал в них самых интересных людей времени. Помню, одно из них отец провёл у себя дома, пригласил Булата Окуджаву с его гитарой, позвал тогда и меня. Студенты были в восторге. Впервые же я увидела Николая Зиновьева золотой осенью, он стоял в группе студентов на улице и слушал вступительное слово — представление моего отца перед входом в музей-квартиру А. М. Горького; директором его в ту пору был Мстислав Козьмин, в прошлом — его соученик по институту, в будущем — один из его коллег в журнале «Новый мир», который оказался последним местом действия в жизненной драме, или, скорее, в «оптимистической трагедии» моего отца.

При всей его громкой славе и успешности, моё, казалось бы, субъективное восприятие, подтверждается строками самого Сергея Наровчатова в блестящем стихотворении 1978 года «Короли»:

Мы назначали цены
Большим и сильным дням,
Сходить с огромной сцены
Пора приходит нам.

Для нас горело пламя,
И нам светил азарт,
Мы были королями
В любой колоде карт.

И громко с жизнью спорили,
Чтоб кончить веселей
Печальные истории
О смерти королей.

К такому человеку попал в семинар поэт Николай Зиновьев. Разные поколения. Разные судьбы. Но проведу смелую параллель: в успешном, весёлом и заводном, позднее окружённом друзьями и почитателями, ярком представителе шоу-бизнеса, таились жизненные катастрофы. Сам Николай. Зиновьев сказал мне однажды: «Обо мне говорят: «Поэт-песенник». Нет! — Я — поэт, который пишет песни». Прежде всего, он утверждал в себе серьёзного поэта-лирика.

Но вернусь к той осени, к той группе студентов. Я его сразу выделила среди всех, а там были и будущие большие таланты. В нём была отличительная манера держаться, без позы. Я увидела не бросающуюся в глаза независимость и артистизм. Выразительные, очень умные, яркие, мне показалось — даже немного цыганские глаза. Да. Коля был из артистической семьи. Мама — в юности — балерина, папа — талантливый, обаятельный, известный деятель цирка, тоже — Николай Зиновьев. Мама Коли, Валерия Алексеевна, рассказывала мне, как маленький сын играл, а потом и засыпал под роялем во время репетиции, куда его брали с собой, иногда на весь день.

Ребёнок любил этот мир, но — редкий случай — не пошёл по стопам родителей, зато впитал часть менталитета. И (ещё параллель) — позже, в мире эстрады, его, конечно, манила впитанная с детства яркость формы, экстравагантность и подача исполнения, блеск, размах, широта аудитории.

Но! — В поэзии — глубина мысли, осознание времени, острое чувство окружающих явлений. И — наряду с гармонией и, часто — тишиной чувств, неожиданный, скачущий аллюр строчек и ассоциаций.

Мы очень и надолго, по всей жизни — подружились. Пребывание в одной среде сталкивало нас в разных обстоятельствах на творческих вечерах, в Домах творчества писателей — на пляжах Коктебеля и Ялты, в библиотеках и на узких, белых улочках Юга, бесчисленное количество раз — в ЦДЛ и, наконец — в гостях друг у друга. Постоянный, напряжённый ритм Колиной жизни, его мысли, всегда чередовался со взрывами смеха, спора, шутки и — поиском — рифмы, новых форм, названия сборников стихов. Иногда он даже друзей включал в это.

Однажды спросил меня: каким ты представляешь себе портрет ветра? Я решила, что кто-то хочет нарисовать ветер и сказала: «Рябь по воде, деревья, склонённые в одну сторону, может, занавеска, вырвавшаяся из окна...» Вскоре он подарил мне сборник стихов «Портрет ветра» с автографом, который сам звучал стихом.

*Олечка! Ты моя вечная попутчица в одной лодке-жизни!
Сей портрет в твою честь и красу —
с неветренными чувствами-пожеланиями счастья и покоя
в строках и между строк и надеждой скорого отклика-книги от тебя!
Бог тебя хранит.
Будем пересекаться чаще.
Твой Н. Зиновьев*

18.1.89

Надо сказать, таких автографов, какие я получала от Коли, я не получала ни от кого и никогда. Исключением был уникальный Николай Глазков. Коля же говорил, что никто не писал ему такого числа стихотворных строк, как Ольга Наровчатова. Начала я только с шуточных стихов, от которых сама получала большое удовольствие. Постепенно и незаметно, по мере углубления во внутренний мир друг друга, жизненных перипетий и изменений, он сделался моим литературным адресатом и остался им до самого конца, и, к сожалению, до конца его жизни. Я ощущала его своим alter ego — «другое я». Наверно, это немного игра, но игра серьёзная. И без фальши.

Однажды я пришла к нему с кипой своих стихов. Это был первый сборник моих стихов, к которому Николай Зиновьев написал «гениальное», как он сам с пафосом заявил предисловие. Я очень любила в нём это игривое, шуточно приподнятое и бурлящее настроение. Это был способ общения. Но предисловие оказалось, действительно очень ёмким, но лаконичным, глубоким и красиво выстроенным. За что я вечно благодарна моему другу.

«Ольга Наровчатова, написав однажды, что стихи ей достались от матери и отца, не досказала главного — достались от Бога! Об-

ладая редким чувством соразмерности и гармонии, она как бы приглашает нас с порога книги в царство недосказанности. Там мир многомерен и глубок. Дыхание строчек свободно и естественно. Так и хочется, заглянув за край строки, узреть другое измерение.

В этом есть безусловный признак истинной поэзии.

Уже само название книги провозглашает недосказанность. «Не всё...» — не в смысле части целого.

«Не всё...» — предполагает обещание большего, в котором прячется будущее, не ограниченное рамками сегодня.

Мне приятно сознавать и радоваться, что Ольга Наровчатова, в лучшем смысле потомственный и давно сложившийся поэт, достойно и красиво занимает свою нишу в галерее нашей русской поэзии.

Николай Зиновьев, поэт. Январь 1998.»

Пишу, не соблюдая хронологии, так, как возникают и разливаются в стороны ручейки и реки памяти, иногда, может быть, выходя из берегов.

В молодости мы играли в литературные игры. Он предлагал вопрос ни с того, ни с сего, а я должна была ответить: «Что сильнее дерева?»

— Огонь.

«Что сильнее огня?»

— Вода.

«Что сильнее воды?»

— Ветер. Засуха?

и так далее.

Предполагаю, что идея песни «Дельтаплан» зародилась в нём в далёкой молодости, в Коктебеле.

Старое название позднее обернулось посёлком «Планёрное». Было там какое-то высокое место, откуда энтузиасты и будущие парашютисты запускали планирующие модели. Мы с Колей разговорились об этом, он буквально загорелся узнать об этом побольше и даже хотел сходить и познакомиться со специалистами этого дела. Я забыла об этом на много лет. А много позже, услышав в исполнении Валерия Леонтьева отличную песню «Дельтаплан» — вспомнила Коктебель и тот разговор.

Очень благодарна я Николаю Зиновьеву и за то, что он первый услышал во мне Песню. Это отразилось в его автографе на первом сборнике его стихов «Столкновение». Вышла эта маленькая, дорогая мне книжечка в 1973 году, в издательстве «Молодая Гвардия».

*Олечке Наровчатовой
актрисе, барду и просто прекрасной Женщине и моему другу
с верой в её Песню и пожеланиями большого человеческого счастья!
Олечка! Оставайся для меня всегда чуть-чуть загадочной Незна-
комкой во всём —
в жизни, в стихах, в ролях...
Стихов тебе и Любви!*

Н. Зиновьев

А напутствовал её, написав прекрасное предисловие, мой отец, замечательный педагог и исключительно прозорливый Мастер, который в самом начале пути молодого поэта увидел те основные качества, которые позволили Николаю Зиновьеву развить их и самому превратиться в остросовременного Мастера стиха и оправдать все надежды своего Учителя. Приведу это предисловие С. Наровчатова.

О стихах Николая Зиновьева

Николай Зиновьев выбрал очень точное название для своей первой книги. Действительно, в стихах его все время происходят столкновения юношеского жизнеощущения со зрелым видением мира, мгновенных недоумений с вечными вопросами, смятённых мыслей с организованным мышлением. Эти внутренние столкновения определяют и внешность его стихов — написанные по классическим образцам строфы сменяются экспрессивными, взбудораженными строками.

Молодой поэт весь в движении. Ему претит банальность, удачи его ждут тогда, когда он забывает вообще про их существование.

Есть много женского в дождях,
Такого тёплого, тоскливого,
А в женщинах тоска дождливая
И капли горечи в глазах.

В определениях душевного состояния Зиновьев бывает порой очень точен.

Ещё Столешников закрыт,
Ещё есть мудрость не влюбиться,
Но есть уже, уже щемит
Слепого сердца любопытство.

...И, самым ранним телефоном
Тревожа сны твои с утра,
Пусть буду чувствовать сегодня
Всё, что предчувствовал вчера.

Общественные интересы молодого поэта достаточно широки и созвучны интересам нашей передовой молодёжи — «Баллада о битве песен», «В холодной камере хранения», «Пуля» и другие.

Ищущий, беспокойный, человек, Николай Зиновьев выходит с первой книгой на суд читателей в разгар своих исканий, тревог и надежд. Этот сборник в полной мере передаёт состояние его души. Я уверен, что стихи Н. Зиновьева будут хорошо приняты читателями именно благодаря соответствию настроений, общих для людей, стоящих на пороге большой жизни.

Сергей Наровчатов

На стихи Николая Зиновьева в своё время обратил внимание такой мощный поэт и невероятно чуткий, внимательный человек, как Борис Слуцкий, которому я также многим обязана.

Проведу ещё параллель. Любовь к словотворчеству. Изначальная гармония у иных поэтов несёт в себе поиск новых форм, соответствующих новым временам. В. Маяковский, Б. Слуцкий, А. Вознесенский; продолжателем этой традиции я вижу и Николая Зиновьева. В жизни, даже в быту, Коля часто играл словами, шутил, превращал это в радость. Так, однажды, услышав на каком-то новогоднем представлении глупые речи и нелепые восклицания Снегурочки, он назвал ее «Снедурочка». Разумеется, уже после, придя домой, в кругу друзей.

Поэт Николай Зиновьев всегда созвучен времени, общественное звучание его стихов в соединении с глубокой лиричностью отмечали композиторы, исполнители, общественные деятели. Очень проникновенно написала о нём Элла Памфилова. В 1999 году, в Москве вышла изящно и оригинально оформленная книга Н. Зиновьева «Рецепты любви». Э. Памфилова дала замечательное послесловие. Проникновенное, с точными и тонкими формулировками. Приведу его.

«Мы с Николаем Зиновьевым — друзья по жизни и соратники по нравственным ориентирам на поле русского достоинства и возрождения земли русской. Неслучайно его стихотворение «Колокола» стало фактически гимном нашего движения «За гражданское достоинство».

Его стихи созвучны и мыслям моим и чувствам!

Николай Зиновьев выбрал остроумный жанр книги, которую Вы держите перед собой — «Рецепты любви» — шутилой по форме, но глубоко лиричной по содержанию, по сути своей.

В ней — и улыбка рядом с грустью.

Не морализируя — легко, деликатно и тонко, — через свои прекрасные стихи он каждому из нас даёт возможность прикоснуться к счастливому мгновению.

Пусть в вашей жизни будет как можно больше счастливых мгновений!

Ваша Элла Памфилова»

На этой чудесной, нарядной книжечке Коля дал нам с дочкой, как всегда, искренний автограф. Вот он:

Олечке и Ксюше —

*с любовью, нежностью и с верой в добрые перемены
в душе и в доме!*

Ваш Н. Зиновьев

1.11.99

Николай очень тонко чувствовал женскую душу. Он был щемящий человек, за его энергичной внешностью таилось постоянно вибрирующее и даже трепетное, нежное существо.

В ранней молодости он получил тяжёлую травму, едва не стоившую ему жизни. Рассказала мне об этом его мама много позже, когда мы с Колей уже очень подружились, и она доверила мне эту свою боль, понимая, что я никогда Колю ни о чём не спрошу. Тогда для мамы сын опять превратился на долгое время в беспомощного ребёнка. Он явился жертвой диких, непредвиденных и случайных уличных обстоятельств. Огромного труда стоило врачам и матери поставить его на ноги. Этот период оказал на жизнь Николая сильнейшее воздействие и даже определил его мировоззрение. Он особо остро оценил счастье и ответственность жизни. На одной из наших прогулок в Крыму, Коля изложил мне свою позицию: жить.

Жить, несмотря на любые обстоятельства. Слепым, глухим, увечным — только бы жить.

С уважением он относился и к жизни любого живого существа, испытывая сострадание к одиночеству, боясь отторжения от своих корней, от той среды, которая нужна и дорога. Прочитайте стихотворение «Трава на орбите». Как раз — об этом. Так Николай Зиновьев и назвал свой сборник.

Он себя вынужден был особо дисциплинировать: не поднимать тяжестей, никаких перегрузок, не пить, не курить. В компании друзей, коллег он держался так, будто ничего этого не было, на его застольях, очень весёлых, люди пили и пели, развлекались, как могли,

во все обстоятельства он вписывался органично, даже увлечённо, думаю, никто не подозревал, что чего-то ему нельзя. Он скрывал и очень многое преодолевал. Валерия Алексеевна передала мне слова врача: «Но никогда не забывайте, что в позвоночнике у него побывал нож». Женщинам, с которыми Коля знакомился, он ничего не рассказывал.

И я относилась к нему, прежде всего, как к уязвимому, сильно пострадавшему когда-то человеку, видела в нём и милые, детские, непосредственные черты. Однако преодоление воспитало в нём от противного, и другие качества: целеустремленное упрямство — добиваться, во что бы то ни стало, цепкость, конкретику, прагматизм, стремление окружать себя интересными ему людьми.

Мама была для него всем, благодарность его к ней с годами всё возрастала. Прекрасные строки песен и стихов посвятил он ей, в тяжёлой болезни он призывал её, она смолodu — первая слушательница его стихов и советчик. У неё под рукой всегда был особый альбомчик: когда Николай Зиновьев слышал полезную для себя информацию, острое слово, удачное выражение, он всё брал на заметку, и, помню его истошный крик с другого конца квартиры: «Мама! — возьми на карандаш!!» Мама тут же бралась за альбомчик. Я видела в Валерии Алексеевне образец и идеал Матери.

Нельзя не упомянуть об очень близком пожизненно и любящем беззаветно всю семью Зиновьевых — талантливом представителе цирковой династии — Борисе Яновиче Брэслере. С детства — цирковой артист, позже, получив высшее образование — писал о цирке, сотрудничал с журналом «Очаг», ушёл в режиссуру, последние годы жизни работал в легендарном Театре зверей им. дедушки Дурова. Будучи значительно старше Николая — на 14 лет, он с интересом следил за его развитием. Коля называл его «человек-фейерверк». В качестве циркового артиста Борис блистал в уникальном номере: под музыку и пение цыганского хора, он скакал на двух лошадях, жонглируя ножами, бросая их высоко вверх, а на лбу у него крутилась гитара. Потом Борис передал этот номер своим ученикам, и он имел большой успех в Америке. Николай Зиновьев познакомил меня с Борисом Брэслером в нижнем буфете ресторана ЦДЛ. Очень скоро мы стали близкими друзьями. Борис и Николая, и меня в разное время вовлекал в авторскую работу, Коля не настолько увлекся детским творчеством, как я. Даже иногда манкировал. Со смехом Борис однажды рассказал мне, что запер Колю в квартире на два часа с условием написать обещанное. Тот, конечно, поартачившись, прекрасно написал.

Борис не просто любил семью Зиновьевых, он, можно сказать, в большей степени жил ими. Работая в цирке некоторое время под

руководством отца Николая Зиновьева, и восхищаясь им и его семьёй, он участвовал во всех сторонах их жизни. Когда умерла мама Коли, а сам он жил в тот период между двумя домами, Борис, в его отсутствие приходил к закрытой двери и вставлял в ручку букет цветов, отмечая даты Валерии Алексеевны. Без всякой записки. Говорил: «Он поймёт». К нему очень тепло относился Юрий Никулин. Лично я обязана Борису Брэслеру участием в нескольких представлениях — спектаклях Театра зверей им. дедушки Дурова; так, мне удалось написать все стихи и песни (музыку сочинил Владимир Шаинский) к спектаклю «Волшебный слонёнок». В журнале «Колобок» вышла тогда гибкая пластинка с одной из песен, а также и небольшая, яркая статья с фотографиями артистов и частью текста других моих стихов. Я с огромным удовольствием и подъёмом исполняла все заказы Бориса Брэслера.

Как все цирковые, Борис, как и Коля, обожал животных. Очень переживал, если кто-то из них заболел, принимал все возможные меры, чтобы улучшить ситуацию. Наталья Юрьевна Дурова очень дорожила Борисом Яновичем, они были тоже старинными друзьями. Так, благодаря Николаю Зиновьеву, я приобрела бесценное для меня Пространство. Добрый и трогательный человек, Борис читал стихи бегемоту Яше! Это даже вошло у него в привычку. Бегемот, по его мнению, их понимал и проникался ими. Борис Брэслер покинул этот мир за 10 лет до ухода из жизни Николая Зиновьева. Сообщить об этом мне пришлось Николаю, уже очень тяжело больному, поскольку он пригласил меня вместе с ним к себе в гости на дачу за год с небольшим до своей кончины. Получилось это в два захода: сначала я ответила, что давно потеряла с ним связь (что, понятно, было правдой). В следующем разговоре пришлось прояснить. Коля только спросил: «Когда?» Если придавать значение знамениям, Николай Зиновьев умер в день рождения Бориса Брэслера — 17 августа 2018 года, ровно 10 лет спустя после него. Я узнала об этом только на восьмой день по радио, в передаче «Культурное пространство», на канале «Звезда». Выхода в интернет у меня нет. Мне ничего не сообщили.

Очень сложные обстоятельства и болезни, разлучили нас с Николаем Зиновьевым на огромный период времени. Безусловно, внутренняя нить не рвалась. Я продолжала посвящать ему стихи, и в отличие от игровых и полушуточных строк первой половины жизни, стихотворения зрелых и поздних лет были серьёзны, хотя и в них была некая преображенная действительность, не исключая описания снов. Скажу сразу: влюблена в Николая Зиновьева со всеми женскими атрибутами этого сложного чувства — я не была. Ни тени упорных мечтаний, ревности и широко известных мучений,

сомнений или ожиданий у меня не было. Отношения наши были платоническими. Но, поскольку в молодости, при таланте, фантазии, привлекательности, общих интересах, возможность такого поворота иногда мелькала в наших головах и даже в редких конкретных предположениях, но каждый из нас вовремя отступал. И я искренно рада тому, что Дружба уверенно взяла верх. Всё осталось гармоничным и нерушимым.

Женат Николай был трижды, всё — на артистках, что хорошо говорит о его эстетических предпочтениях. С каждой из этих интересных женщин в той или иной степени я соприкоснулась. Коля доверял мне, я знала, как остро он переживал ссоры с любимым человеком, я очень желала ему счастья... Далее я не должна распространяться, уважая его глубоко потаённый, сокровенный мир и его тайны.

В качестве ученика моего отца и моего друга, Николай Зиновьев приходил на творческие вечера памяти Сергея Наровчатова. При этом он не предавался воспоминаниям, а прекрасно и выразительно читал стихи Мастера. Особенно ему нравилось стихотворение «Женский портрет» (XVIII век). Помню вечера Николая Зиновьева, неизменно проходившие с успехом. В Домах культуры, в ЦДЛ, концертном зале «Россия», когда стали уже очень известны его песни, исполняемые звёздами нашей эстрады, артистами театра и кино: В. Леонтьев, А. Пугачева, А. Малинин, А. Михайлов, многие другие...

Конечно, мы делали друг другу подарки. Однажды, в новогодние праздники он вручил мне и дочери аудиокассету «Казанова и др... Песни о любви поэта Николая Зиновьева» с автографом: *«Ольге и Ксюше — с Новогодием и самыми весенними чувствами»*. На обратной стороне обозначены известные всей России имена — Н. Бабкина, М. Шуфутинский, И. Шведова, И. Николаев, А. Михайлов, И. Демарин, А. Малинин.

Я ему дарила книги. Первый прижизненный сборник С. Есенина «Голубень». Помню, он пролистал его и спросил: «Не жалко?» Я ответила: «Для тебя — нет». И, действительно, только ему я и могла это подарить. И горжусь тем, что впервые он узнал биографию Джакомо Казановы из моих рук: я преподнесла ему мемуары Казановы.

Горько было узнать, что тяжёлая болезнь пресекла творчество Николая Зиновьева, а потом — и его жизнь. Сообщил мне о начале этого мучения тот же Боря Брэслер, потом и сам Николай. Мужества ему хватило надолго.

Коля очень дорожил дружбой, из его окружения я хорошо помню поэта Петра Вегина, талантливого человека со сложной судьбой, Джеймса Патерсона — впечатляющего негра-поэта, ухитрившегося

прославиться в грудном возрасте в роли крошки, немаловажной для сюжета знаменитого кинофильма Григория Александрова «Цирк», где в главной роли блистала Любовь Орлова. Помню композитора А. Ляшева, который, кстати, написал музыку и к одному моему стихотворению, певца А. Песковского, выразительного физика Алика (фамилию, увы, не помню). Это люди начала пути Николая Зиновьева. Называю тех, кого видела в непосредственном общении. Не говоря и об однокурсниках Николая, которые стали значительными поэтами, например, эстонец Арво Метс, с которым меня связывала пожизненная дружба.

Глубоко уважал Николай поколение фронтовиков. Редкий человек Виктор Михайлович Гончаров, друг моего отца, прекрасный художник и поэт, резчик по камню и дереву, тоже бывал у Николая Зиновьева. Жена Виктора Гончарова была в родстве с другом Коли, поэтом Олегом Серебренниковым, красивым, даже эффектным человеком, с хорошими манерами. Кто-то уехал за рубеж, кто-то умер, с кем-то разобщила жизнь, всех не перечислишь. Главное — Николай Зиновьев до конца жизни стремился к общению.

В последний раз я видела Колю на последнем его творческом вечере в 2015 году, в большом зале ЦДЛ. Этот путь был мне тяжёл. После большой паузы, растянувшейся лет на тринадцать (хотя, телефонные редкие звонки были в начале этого времени) — увидеть очень больного Колю. Да и я была в состоянии очень крупного преодоления. Но была я готова восстановить нашу реальную связь. Это сразу вышло, он вспомнил мою, уже взрослую дочь, принял от меня сборник стихов моего отца (вышедший в изд. «Терра», в Москве, 2003 г.), маленький мой сборник, представил меня сопровождающим: «Моя старинная подруга», и деликатно уточнил: «Не старая, а старинная». После этого я пыталась напомнить что-то забытое им, он приглашал меня в гости на дачу и временами повторял слово «общение», потом загремела музыка со сцены, — налаживали аппаратуру — он, несмотря на наш разговор и свою болезнь, тут же включался. Мы с ним сидели в первом ряду, в зал ещё не пускали. Я вошла со стороны сцены, его, фактически внесли.

С благодарностью и восхищением, с глубоким уважением и состраданием к его тяжёлой болезни, встретили зрители поэта. Устроители вечера, исполнители, технические службы, семья, помощники Николая постарались от души.

О Душе Николай раздумывал с самой молодости. Как-то я спросила его, верит ли он в Бога. Он твёрдо ответил: «Да. И всегда верил». Однажды он позвонил мне и с ходу спросил очень взволнованно: «Как ты думаешь, где находится Душа? В мозгу? В сердце? Ты думаешь об этом?» Я ответила, что думаю, но определенно никак не

представляю. Но, наверно, где-то близко от сердца. А потом подумала: может быть в дыхании? Ведь, недаром говорят: «Испустил Дух». Этот разговор был очень давно. Я человек, уважающий христианские традиции, в какой-то мере отдающий им дань, крещённый, как и моя дочь, мой отец и моя мать, но — не религиозный, в ортодоксальном смысле этого понятия. Несмотря на любые рассуждения и позиции, думаю, главное это Совесть. Николай Зиновьев был человеком очень хорошим. Характер у него был вспылчивый, острый и, как он сам говорил мне в одном из последних разговоров по телефону — тяжёлый. Но я так не чувствовала и ему это выразила. Часто он жил на надрыбе, не всё в быту и в отношениях было ему по силам. Просто этого не знали. Несмотря на свою успешную творческую судьбу, он много страдал.

Наши отношения не завершились. Последний разговор по телефону был за год до его конца. Последние недели его жизни совпали с плохим поворотом тяжёлой болезни моей дочери-инвалида с детства, ожидающей операции на позвоночнике и с моей очень малой мобильностью.

Хочется, чтобы люди всё больше узнавали и полюбили творчество Николая Зиновьева, чтобы лучшие его Песни звучали в сердцах.

ПОСВЯЩЕНИЯ АНРИ МАРКОВИЧУ

Памяти друга

Его не стало за три недели до Нового 2019 года. Почти до последнего дня он надеялся подняться. В августе он ещё мог добраться до Воробьёвых гор. Мы сидели на набережной, и он читал мне свои стихи и отрывки воспоминаний. Внутренний голос подсказывал, что это последние месяцы его жизни. Он строил планы на будущее: хотел путешествовать, хотя бы по городам России, благо с августа электрички для нас стали бесплатными.

Чем больше он страдал от физического недуга, тем больше нуждался в духовной пище.

Музеи, библиотеки, фильмы в Доме кино. Прогулки по зоопарку. Всю жизнь он питал особую нежность к «братьям меньшим», им посвящал сокровенные строки.

Особенно часто в последний год мы с ним бывали в музее Москвы. Тематические выставки: «Оттепель», «Старая квартира» невольно возвращали нас к началу беспечной юности.

Дома у него хранилось немало обиходных атрибутов середины прошлого века, рука не подымалась выбросить, груз воспоминаний придавал им особую ценность.

Он с детства интересовался историей, в том числе политикой, необычайно много читал.

Ходил на поэтические концерты шестидесятников. Через десятки лет рассказывал, какое неизгладимое впечатление произвели на него тогда стихи Евтушенко «Наследники Сталина» в исполнении автора.

Вёл дневники, пытался выразить своё время стихами и прозой. Одна единственная попытка поступить на журфак МГУ ему не удалась, о чём он всю жизнь жалел.

Особенно досконально он знал историю Великой Отечественной войны, помнил имена командного состава и даты сражений. Его отец погиб при Яссо-Кишинёвской операции в 1944 году, могилу его нам так и не удалось разыскать. Однажды мы присоединились к Бессмертному полку и пронесли с ним фотографии отцов.

Большую часть жизни он прожил с матерью. После её смерти чувство внутреннего сиротства не оставляло его все годы. Отсюда трагическое звучание его лирики, особенно стихов, обращённых к матери, обезоруживающая искренность, незащищённость души.

Галина Вячеславовна Рой, долгие годы бессменный редактор «Истоков», предложила ему выпустить первую стихотворную книжку «Из разных лет» на страницах альманаха. Ей очень нравилось стихотворение «Коммунальная квартира». С её лёгкой руки он стал печататься в каждом выпуске «Истоков».

Ему удалось при жизни выпустить ещё четыре книги стихов с предисловием Л. Авдеевой и Н. Дорошенко в издательстве «Русский писатель».

Первая о нём написала Людмила Авдеева — поэт с ярко выраженной гражданской позицией, журналистка, прошедшая Афганистан, руководитель ЛИТО «Вдохновение», которое он посещал со дня открытия: «Поэту не откажешь в наблюдательности, в умении образно мыслить, передавать всю многогранность палитры чувств и мыслей. Чётко выраженная лирическая интонация и своё видение мира, безусловно, делают творчество А. В. Марковича нестандартным».

А вот как оценил его творчество Николай Дорошенко, прозаик, секретарь правления Союза писателей России, директор издательства «Советский писатель»:

«Главным героем поэзии Анри Марковича является время, ставшее частью его собственной биографии, или, как, например, в поэмах «Тамерлан» и «Баллада о Ганнибале», воссозданные его поэтическим воображением века давно минувшие. Кстати, как поэт, на мой взгляд, Анри Маркович раскрывается наиболее ярко и глубоко именно в своих исторических поэмах, тоже вошедших в эту его

книгу избранных произведений. Может быть потому, что, как он сам пишет:

«Время сильнее нас, время уходит,
Кто может время остановить?
Сок виноградный в вино перебродит —
Лишь остаётся Чашу испить».

Публиковал он не только стихи, но и отрывки воспоминаний.

Ему посчастливилось лично знать многих известных людей. Его соседом по лестничной площадке на Сретенке был впоследствии знаменитый переводчик Лев Гинзбург.

Болезнь встала на пути подготовленной к изданию новой книги. Кипы исписанных листов с до боли знакомым разборчивым почерком ждут своего часа.

Не любить его было нельзя. Он всегда умел держать себя в руках, как бы плохо ему не было, не выплёскивать раздражение и терпеливо выслушивать другого.

...С ним было светло, интересно, а главное на него всегда можно было положиться, человек старой благородной закваски.

Увы, свою любовь и признательность приходится выражать, когда он уже не сможет это услышать.

Памяти Анри

* * *

Голубь мой сизый,
с подбитым крылом,
Как по карнизу
пробрался ты в дом?

Точка опоры
зёрна из рук.
Друг мой, который
мятущийся дух.

Вечно гонимый
В мире продрог.
То ли любимый,
То ли сынок?

Ночь

Слава к славе, а деньги к деньгам,
Мы теряемся в мире суровом,
Но бывает достаточно нам
Упоения звуком и словом.

Полночь бархатным машет крылом,
Мы одни, и земля захмелела.
Тонкий тополь — наш друг за окном
Реет в пухе прозрачном и белом.

Завтра утро: заботы, дела,
Трудный быт захлестнёт с головою —
С нами ночь в отражение стекла —
Пей до дна, упивайся строфою...

Филемон и Бавкида

Рвётся тонкая связь времён,
В небе месяц плывёт нагой.
О, кудрявый мой Филемон,
Ты же помнишь меня другой.

Ты о прошлом заводишь речь,
Наши годы уходят вспять.
Я дровишек подброшу в печь,
Чтоб отраднее вспоминать.

И пока не очерчен круг,
Не просыпан песок часов,
Мы состаримся вместе, друг,
Под серебряный шелест слов.

Поздней осенью выйдем в сад,
За холодный ступив порог.
Как же громко птицы кричат,
Что земному отмерен срок.

Лето только начинается

В первобытном изумлении
Озираемся вокруг.
Сердце жаждет исцеления,
Ловит свет, вбирает звук.

Смена действий постепенная:
Ветки, шорохи, шмели.
Здравствуй, радость сокровенная,
Пробудившейся земли!

Тишины единоличники,
Долгожданного тепла...
Вся поляна в земляничнике
От цветения бела!

Сладострастный запах клевера
Проникает в сердца глубь.
У поваленного дерева
Ты моих коснёшься губ.

Лето только начинается,
Молодой шумит листвою!
Жизнь былинкою качается
У дороги полевой.

В пустынных аллеях

Свой последний приезд не забуду:
Жёлтых листьев примёрзшие груди.
Словно тушью прочерчены кроны,
Оглушительный клёкот вороны.

Катит Волга холодные воды —
И куда-то уходят невзгоды.
По пустынным гуляя аллеям,
С каждым часом с тобой молодеем.

Наша жизнь никому не подсудна,
Будем в номере спать беспробудно.
Как в снегу, утопая в постели,
Будем слушать скрипучие ели.

С высоты полёта

Тело оплавав, склоняются к Анрику —
Обняли крыльями, подняли за руки.
И полетели маршрутом прежним,
Прямо навстречу заносам снежным.

В предновогодних огнях столица,
Как необъезженная кобылица.
Ищет душа его, не узнавая,
Сретенку детства, грохот трамвая.

Выемки, вывески, лесенки, горки —
Жизни начала родные задворки.
Слёзы Победы, гул коммунальный
В нежном сиянье свечи поминальной.

ПАМЯТЬ
Валентин Медведев

поэт, бард, лауреат многих конкурсов,
член ЛИТО «Вдохновение»

Лишь имя и строки стихов

Светлой памяти Анри Марковича

Уходят из жизни поэты,
Не стало ещё одного.
Осталось лишь имя при этом
Да строки стихов от него.

Быть может и возраст — немалый,
Но всё же — не тот, что предел,
И время ухода настало,
Когда он его не хотел!

Да разве кто хочет до срока
Однажды вдруг взять и уйти
За грани земного порога,
Откуда назад нет пути?!

Но Богу, как видно, угодно
Поэта забрать в Небеса,
Чтоб наши зимою холодной
Не слышать ему голоса.

27. 12. 2018 г.

ПАМЯТЬ

Дюдмила Авдеева

член Союза писателей России, СПРФ,
Международной федерации журналистов, р
уководитель ЛИТО «Вдохновение»

Светлой памяти Анри Марковича

* * *

Умер друг у меня. Вот такая беда.
Одинокий скончался Поэт.
И не встретимся больше мы с ним никогда,
А дружили немало мы лет.

Телефон замолчал. Опечатана дверь.
Из наследников нет никого.
И в квартире жить будут другие теперь.
Пёстрой шторой закроют окно.

Его вынесут вещи: стол старый, кровать
И костюм, что изношен давно.
В этом белом костюме он любил выступать,
А ещё в нём ходил в Дом кино.

В его комнате ворохи старых газет,
Вперемешку блокноты, тетради,
Но у книг его больше хозяина нет,
Их все вынесут вместе с кроватью.

Он животных любил, и бродячих котов,
И собак подкормить он старался.
Только вот не сумел обустроить свой кров.
До конца одиноким остался.

Ничего он не мог в час последний сказать.
Успокоилось сердце с рассветом.
Может, там, в небесах его ждёт благодать,
Может, там будет признан поэтом.

1938–2018

«И СМЕРТИ ДУШУ НЕ УБИТЬ»

Голубь

Птица божия — голубь мира,
Сел ко мне на балкон.
Прилетел в ожиданье пира,
Гречку с радостью клевал он.

Я крупу на газету насыпал —
И слетелись все воробьи.
Один из них как на скрипке пиликал...
Сколько птицы вызвали во мне любви.

Голубь. Что ангел. Творенье природы.
Его воркованье рад слышать всегда.
Видеть люблю их в любую погоду,
Придёт ли моя черед?

Буду ли счастлив, на белый свет глядя?
Боже, к мольбе моей снизойди.
Где Вы — Галины, Светланы, Нади? —
Сердцу становится тесно в груди.

Февраль

Метёт февральская позёмка,
Но всё светлее с каждым днём,
Синицы тенькают негромко.
Над сонной речкой бурелом.

Лось пробирается в чащобы
По снежным просекам дорог.
Косой зайчишка смотрит в оба,

Чтоб хищный зверь не подстерёт.
Февраль недаром кличут лютень,
Но в завывании ветров
Всё различимей голос лютни,
Её весенний нежный зов.

Полёт Гагарина

Как быстро пролетело время,
Полсотни миновало лет.
В стране уже другое племя,
И многих знаменитых нет.

Какое смелое начало:
Гагарин космос штурмовал.
Повсюду музыка звучала,
Весь мир Гагарина признал.

Была ковровая дорожка,
По ней Гагарин шёл к Кремлю.
Казалось, он устал немножко,
Но на лице — я всех люблю!

Его повсюду принимали,
Купался в славе человек.
«Гагарин!» — женщины кричали.
В зените был двадцатый век.

Русский

Кто себя называет русским!—
Кто остался в России жить.
Был народный артист Глузский —
Будет вечным примером служить.

А народный артист Ульянов,
А Тарасова и Москвин?
Как играли Яншин, Папанов —
Не бежал за кордон ни один.

А великий учёный Павлов,
Гений космоса Королёв...
Ныне время больших нахалов,
Уезжают без лишних слов.

Не жалеют, бегут из России,
Олигархи хватают куски.
В девяностых была эйфория,
Не хотели твёрдой руки.

Русский тот, кто язык свой любит,
Пишет музыку и стихи.
Кто за это его осудит?
Много в жизни ещё шелухи.

Маме

Солнце светит над могилой,
И луна над ней встаёт.
Нет на свете мамы милой,
Для кого сирень цветёт?

Родилась моя родная,
Родилась в конце зимы.
Ноша тяжкая, большая —
Три разрухи, три войны.

Век двадцатый канул в Лету.
Новый век равняет шаг.
В этом мире мамы нету,
Лишь в земле бесценный прах.

Бог великий, дай мне силы,
Я смириться не могу.
И цветы кладу к могиле,
На коленях весь в снегу.

* * *

Был бы жив отец, узнали б счастье,
Столько горя выпало в пути.
Мама бы не плакала так часто,
Что родной могилы не найти.

Смертью храбрых пал отец на фронте.
Где его могилу разыскать?
Эти раны детские не троньте,
Мы одни учились выживать.

Не погибла тётка бы в блокаду —
Мамина любимая сестра,
Мы бы с ней про муки Ленинграда
Вместе вспоминали до утра.

Июль на исходе, кончается отдых.
Когда мы увидимся вновь?
На таволге нежно настоящий воздух,
И вечная рифма — любовь.

Пускай комарё нас нещадно кусает,
Приходим на Волгу вдвоём.
Плакучую иву волною ласкает.
Вернусь в сиротливый мой дом.

А ты возвратишься — там ждут тебя дети.
А я, как и прежде, гоним.
И помнить лишь буду о праздничном лете.
Бег времени неумолим.

Клубника

Клубника красная на белом блюде.
С листочками зелёными лежит.
А лето пробежит — и осень будет:
Клубника поспевать спешит.

Последняя клубника сходит,
На грядках оставляя стебельки,
Так человеческая жизнь уходит,

Мы оставляем только лишь ростки.
Ростки в лице детей и внуков,
Ростки в делах, что будут жить.
Мы остаёмся в мире звуков,
И смерти душу не убить.

1957–2005

Прозаик, поэт, эссеист, сценарист.

МАСКИ ТЕАТРА НО

Она, как всегда, опаздывает. Так долго не могла проснуться — казалось выбраться из-под одеяла — всё равно, что сменить кожу. Ей даже мнилось в редеющем полусне, что она нежная и сильная молодая змея — анаконда! — которой нужно сбросить старый свой чешуйчатый наряд и ползти куда-то, кажется, на работу. А теперь мечется ожившей ночной тенью по комнате, чувствуя, как будильник неумолимо уставился ей в затылок. Вещи, естественно, за ночь расплзлись по всей квартире, перепрятались и размножились: в руки попадают самые фантастические предметы, вроде непарного вязаного носка циклопических размеров — откуда?! — подарочного рушника с вышитой надписью «Cogito Ergo Sum». Только не то, что нужно. Воздух наполняется хлопаньем дверей и дверок, будто она вспугнула целую стаю деревянных птиц. «До чего же у меня неестественные отношения с собственным домом», — думает она несколько отстраненно. Не квартира, а лернейская гидра. Сеанс драконоборчества вместо утренней зарядки: ряд последовательных поединков с постелью, с краном, с прихожей, с дублёнкой, с сапогами — на часы она уже не решается взглянуть. Образ Надежды Ивановой принимает в сознании космические и устрашающие размеры. За окнами совсем темно. Только синеватый свет фонарей, как безжизненный грим ночного мима, пятнами ложится на стены и снег. Мороз. Микрорайон. Вторник. Стремительной сомнамбулой она вылетает из подъезда, на ходу натягивая перчатки, и, ослеплённая снегом и воздухом, врезается головой в какое-то тёмное и мягкое облако на пути. «Мы-ма», — произносит облако в небесной высоте над ней. Она отскакивает, скользя по накатанной до блестящей черноты дорожке, роняя хрустящий пакет с джинсово-парфюмерной красоткой и трагически воздевая руки, чтобы удержать равновесие. Хорошо, её никто не видит. Облако перед ней одето в тулуп и замотано бабьим платком на глаза. «Вова, — говорит она укоризненно, — что ты стоишь на дороге?» И тут же соображает, что времени у неё почти не осталось: ведь, если Вова во дворе, значит, мать его, тётя Шура, уже моет лестницу в парадном, а тётя Шура точна, как хронометр —

это её стиль работы. Вова неизмеримо толст и громаден. Обычно он, невзирая на погоду, целый день сидит на лавочке в палисаднике, из года в год, не меняясь — явление природы и дворовый талисман. Она была совсем маленькой, когда они с матерью переехали сюда, а Вова уже сидел перед домом, такой же, как сейчас, пугая и вызывая болезненное детское любопытство — пока не привыкла. Его огромное плоское лицо, непроницаемое и бездонное одновременно, похоже на древний соляренный символ. Он шевелит им — то ли узнал её, то ли испугался. Можно сказать, что у него нет мимики, одни только жесты — лицом он тоже делает неопределённый жест. «Ну, что встал, — досадливо говорит она почему-то шёпотом, — иди, иди на лавочку» — и, боком протиснувшись мимо него, бежит в сторону обозначившегося рассвета.

Небо над головой чёрное и пристальное, но на востоке уже точно прорастает розовой светящейся плесенью, и слабый отсвет ложится на множество обращённых к нему лиц. Микрорайон ожил, извивающиеся вереницы людей молча тянутся через снежный строительный пустырь, словно рассвет всасывает их в себя. На самом деле на той стороне пустыря автобусная остановка. Ветерок жгучий, как стекловата, швыряет в лицо пригоршню звёздчатой снежной перхоти. Она коротко чертыхается и по-птичьи прячет нос в воротник. На остановке темнеет плотным сгустком ночная полупроснувшаяся толпа. Неясный отсвет, цвета зелёного капустного листа, искажает скудные лица. Она старается занять среди молчаливых людей место поближе к краю тротуара, но ощущает некоторое ненавязчивое сопротивление плеч, локтей и спортивных сумок. Вокруг одни профили — как на телевизионном острове Пасхи — люди знают, что сейчас придёт автобус, и им как-то неловко смотреть друг на друга. Она стоит посередине толпы, словно в утренней чаще. Так рано, так темно и холодно, что хочется забыть свое имя. Но вот из-за поворота показывается неторопливый автобус, сияющий изнутри перламутровым подарочным светом. Он похож на люминесцентное глубоководное существо, ощупью ползущее по морскому дну. Толпа спортивно каменеет всеми своими мышцами. В эту секунду кто-то уверенно хлопает её по плечу, и над ухом в стеклянном звонком воздухе раздаётся радостное: «Здорово!» Судя по этой автоматической неподдельной радости, естественной до неприличия, приветствие относится не к ней. Это ошибка, её с кем-то спутали. Мгновенный ужас ночного телефонного звонка сотрясает тощее растение её нервной системы. Неловкость яблочно сводит скулы, ей хочется отвернуться в другую сторону — так непоправимо стыдно, когда в тебе ошибаются. Но тут толпа срывается с места. Она забывает всё, попав в мохнатую лавину чужих шуб и пальто.

Главное: держаться на подламывающихся каблуках, не потерять пакет, попытаться уберечь дублёрку. Она чувствует себя игрушкой стихий. Дюжие мужчины швыряют её драповыми боками из стороны в сторону, сопя и сглатывая ругательства, хрупкие женщины, розовея от азарта, обретают вдруг цепкость виноградных лоз и неистребимую ярость утопающих, она кричит вместе со всеми жалким растрёпанным голосом неизменные, как набор привычных любовных прозвищ, слова: «Что вы навалились? Куда лезете-то?! Не давите!» Её пребольно ударяет о жестяной подрагивающий бок автобуса, и каким-то вторым зрением она видит, что салон заполняется уже чудесным образом вопреки геометрии нашего мира — ей там места нет. Автобус трогается, отфыркиваясь, как пловец, оставляя её в синеватом удушливом облаке выхлопа, и заднее окно с распластанными на нём пассажирами проплывает вверх, как средневековая фреска с отрешёнными мучениками в неестественных позах.

«Вторая попытка», — думает она. «Ты чего, оглохла что ль? — возникает из облака общего шума за спиной тот же радостный, как ёлочный шар, голос: «Это ж я, Коля!» Она оглядывается: перед ней исходящее паром открытое, чем-то напоминающее разваренный картофель, лицо Коли Ступина. «Очень мило», — думает она. Коля в лыжной шапочке со свалывшимся помпончиком, дохло свесившимся набок, и в грязной, даже на морозе пахнувшей овощной базой телогрейке. Железные зубы придают его улыбке что-то футурологическое. С Колей они вместе учились в седьмом классе. Судя по причёске, на свободе Коля совсем недавно. Она чувствует себя перед ним незащищённой, как улитка без домика. «Тебя только не хватало», — возникает в мозгу хнычущая мысль. И тут же, пока едкое чужое внимание не устремилось на них, пока Коля не вцепился в неё своей дефективной, репейной радостью, пока ещё можно что-то исправить, отделаться, соврать — она говорит ему в глаза: «Вы меня с кем-то путаете».

Это рефлекс, судорога, будто голосовые связки пришли в движение помимо её воли, как сокращающиеся от прикосновения лепестки мимозы. Собственный голос она слышит с удивлением. Коля ошеломлён. Ложь настолько очевидна, что не может не быть правдой. Она с безжалостностью жертвы торопится добить удивление, обесцветившее его взгляд: «Я приезжая. Я только два дня, как из Киева. Простите. Вы ошиблись», — испытывая стыд и облегчение, чувствуя, что Коля отступает, отваливается от неё обратно в темноту, в прошлое, в память. Недоумение выдавлено в плотной глине его красного лица, медленно гаснущего, как вспышка света на сетчатке глаза.

За спиной скандально голосит следующий автобус. События последующих двух-трёх минут она припоминает с трудом. Что-то вроде массового кордебалета из постановки о гибели «Титаника». Архангельский свет фар, и редкий снег, возникающий в тёмном небе над головами смятой толпы, и вопли клаксона, и отдельные лица, слепящие настоящим отчаянием, ненавистью, болью, захваченные паническим движением — откуда всё это, из какой хроники или сна? Она подумала — не тогда, а значительно позже — как странно одинаков материал человеческой страсти, слеплена ли из него коммунальная склока или античная трагедия. В те мгновения она не была способна на столь глубокие обобщения: окружающий мир она воспринимала преимущественно руками и спиной. Руками, потому что судорожно, как дитя или кровельщик на скользкой крыше, цеплялась за любой предмет, попадающий в зону досягаемости, спиной же, потому что лишь джентльменскими усилиями мужчин, пихавших её сзади, она попала-таки в желанный спасительный автобус. Она очутилась где-то внутри, лишённая ориентиров среди человеческих тел, охваченная душным ужасом клаустрофобии. Призрак детской игры «куча-мала» преследовал её всю жизнь. Со всех сторон мокро постанывали. Она смогла перевести дыхание, но в следующий момент наступила на ногу кому-то стоящему за спиной. «Простите», — силным от внешнего давления и одышки голосом сказала она, тщетно пытаясь оглянуться на пострадавшего, но увидела только нависший над плечом подбородочек, округлый и нежный, как локоток младенца. «Ничего-ничего, — ответил невидимый спутник с дружелюбно-гнусоватой интонацией. — Мне даже приятно». Она попыталась шархнуть в сторону, но уткнулась в чей-то кожаный плащ, шершавый, точно бок допотопной рептилии. «На такси ездить надо!» — закричал кто-то истошным голосом в глубине салона. Чувствовалось, что человек страдает за правду. Двери заскрежетали, как ржавые доспехи, и автобус тронулся. Её оторвало от земноводного плаща, повлекло куда-то назад. На мгновение она прилипла щекой к холодному шершавому и увидела испуганным глазом картинку, подрагивающую от движения, — только стрекотания проектора не хватает: в жидковатом чернильном сумраке стремительно уменьшается Коля Ступин. Словно торопится обратно, откуда пришёл, опять стать маленьким семиклассником из её памяти. Телогрейка ему мала, даже руки в ней не сгибаются, и он держит их растерянно, чуть растопырив, как Петрушка, становясь всё меньше и меньше в узком горлышке перспективы. Её отрывает от окна каким-то жандармским движением и швыряет лицом в гущу толпы. Она успела-таки схватиться за поручень и повисла на нём, как переспелый отчаявшийся плод,

«Это безнравственно, в конце концов», — думает она, сжатая телами своих сограждан, погребённая заживо в недрах общественного транспорта.

К третьей остановке положение несколько стабилизируется. Она висит между двумя не по-автобусному роскошными девицами с надменными лицами продавщиц и слушает песнь мотора. Люди вокруг ругаются и шутят.

Внезапно откуда-то возникает, точно музыкальная фраза, женский голос: «... уже двенадцать лет, а я о нём всё думаю и думаю». И в ней вдруг дёрнулось что-то в ответ, словно срезонировало на певучий звук, и тоненькое булавоочное остриё вонзилось под сердце: «А мне и подумать не о ком». Так жалко себя стало.

У метро она выходит. В чёрных небесах кроваво пылает магическая буква «М», и люди уходят под землю, как гномы.

Она присоединяется к большинству.

О чём же она думает, опаздывая на работу, где-то глубоко под землёй, в душных объятиях метро? О том, что выговор Надежды Павловны будет пугающе-серьёзным и томительным, как чревоущание, а «наши женщины», естественно, тут же займут неуязвимую позицию агрессивного нейтралитета. Об усохшей египетской бесконечности картотеки, о сорока рублях, которые ей должна Манечка Венцель, о болезненном внимании Б.Т., о том, что нужно, наконец, сходить к зубному врачу, о том, что отпуск нескоро, о том, что зима долга, о том, что никто, о том, что никак, о том, что никогда уже... Это стыдные мысли, словно мелкие привязчивые грешки, словно запойное чтение идиотского детектива перед сном — не оторваться. Они заполняют её сознание сероватой пеной, как от синтетического моющего средства. Ничего оно не отмывает, остаётся только липкая химическая плёнка на всём.

Последнее время она то и дело возвращается к мысли о пропавших деньгах, она уже уверена, что потерять эти два червонца она не могла — их вытащили из сумочки. Кто — вот в чём вопрос. Свои не могли: значит, либо Бунчикова из машбюро, либо уборщица — ей давно подозрительна эта женщина с мелкими, словно гаснущими движениями, как-то тщеславно прячущая лицо. В прошлом месяце у Риты пропала французская косметика, а Манечке недавно показалось, что в её сумке кто-то копался — хорошо, что там не было ничего ценного. Неизвестно, как обстоят дела в других отделах: мелкие пропажи — вроде неопасных, но стыдных, может быть, заразных болезней — мало кто не расскажет о перенесённом инфаркте, но не всякий станет хвастаться чесоткой или расстройством желудка. Кража возмущает её своей наглостью. Она ведь и так вся открыта, как на собрании. У нее не осталось ничего, что нужно (или хотя бы

можно) прятать или скрывать. Так нет же, залезли и в сумочку — точно в душу. Ко всему прочему Йовова последнее время стала относиться к ней с явной неприязнью, а Фторова плетёт за спиной свои декадентские интриги для интриг — разве она заслужила такое отношение? Она честно играет в их игру.

Ей неприятно неотвязное копошение этих недостойно-мелких мыслей, но тут же одёргивает себя: «Снобизм какой-то. Что же мне гексамером прикажете думать?» Жизнь есть жизнь. Что касается пропавшей двадцатки, то не в деньгах суть; она не оставит этого по другой причине: играть — так играть по правилам. Как с ней, так и она. Мятная грусть одиночества со временем закисла, перебродила в бесплодное раздражение; душа тяжелеет с годами. Чувство утраты становится мстительным. «Вот дрянь какая», — думает она.

За непроницаемыми окнами залиvisto свищет подземная электрическая нежить, скрежещет и колотится о вагон. «Домового ли хоронят», — думает она, глядя на собственное призрачное отражение, прочерчиваемое огненными пузырями светильников в черноте. Пассажиры рядом болтаются на поручнях — чем-то это похоже на кукольный балаган. У всех надето чуть набекрень одинаковое, слегка недовольное выражение лиц. Свет в вагоне жёлтый и рыхлый.

К своему родному учреждению она подбегает, когда рассвет уже раздвинул мир, и даже другая сторона улицы проступает в млечной дымке, как синеватая фотография в проявителе. Вязкие сумерки расползаются по углам. Солнце уже высунуло из земли свой багровый бок, точно гигантский сияющий овощ, но за домами его не видно. Звук дворничьих скребков по льду взламывает слоистый морозный воздух.

Она влетает в тенистую тишину вестибюля ослепительной и неуместной карнавальной петардой. Холл похож на пересохшее озеро — только пошевеливаются на дне, беззвучно переговариваясь, две старушки-гардеробщицы, да в дальнем углу под стендом с передовиками мерцает улыбкой курьер Сашенька Шагренов. Она бежит, скользя по шахматному кафельному полу, всегда только что вымытому, мимо когтистых вешалок и громадных, во всю стену, зеркал, в которые рискуешь провалиться, как в стеклянную ловчую яму.

В вестибюле прекрасная акустика.

«Опаздываю, как белый кролик», — думает она.

В одном из зеркал её опять настигает Сашенькина улыбка. Шагренов — мальчик просто неприличной красоты, с «лицом, вылепленным из света», так с присущей ей восторженностью, выразилась Маня-Бэмц, но когда оно прорастает вдруг скольльзящей улыбкой тебе навстречу, чувствуешь себя жестоко и цинично разыгранной.

Она-то, правда, привыкла, так как по роду деятельности и положению в учрежденческой иерархии ей постоянно приходилось иметь дело с экспедиторами, курьерами и безответным Сашенькой в том числе, но первоначальная реакция была шоковой. По его чистому, глуповато-одухотворенному лицу вдруг проползала эта знающая и мучительная двусмысленнейшая улыбка — поневоле вздрогнешь. Улыбка, как пощёчина. Такое впечатление, что он сам не знает о ней. Впрочем, должно быть и действительно не знает. Но почему-то улыбается всем женщинам без исключения. Однажды она случайно видела, как Сашенька безмятежно одарил своей нежнейшей улыбочкой Надежду Павловну Иовову — это был номер. Начальница вошла в отдел прямая, с остекленевшим взором, напоминая выражением лица яичницу-глазунью. Будто глотнула нервно-паралитического газа или же ей было видение.

Ей мгновенно представляется, какое будет у Иововой выражение лица, когда она, бессильная, потерявшая впопыхах всё, даже смирение, предстанет перед начальницей через семь, пять, три секунды. Слюна во рту делается кислой, будто прикоснулась языком к клеммам электрической батарейки.

Она влетает в отдел. Иной мир является ей, противостоящий хаосу и суеде мир гармонии и порядка. В первое мгновение ей даже чудится восходящий отзвук хорала, плывущий над комнатой, но оказывается, что это приглушённая «пионерская зорька» сочится из репродуктора. «Наши женщины»: Ниниванна, Рио-Рита и мадам Фторова сосредоточенно углублены в работу. Лица у них ясные и простые, будто их снимают для кинохроники. Работают красиво: похоже на какой-то сидячий танец. У окна Леночка Китайкина близоруко склонилась над машинкой, просматривая бумаги. Когда «наши женщины», наконец, выходят из транса усердия и видят её, беглая тень разочарования мелькает в их лицах, как тень летучей мыши в трюмо. Пантомима предназначалась явно для кого-то другого. Глазами она показывает на кабинет Иововой, и честная Рио-Рита отрицательно качает головой. Бугристый и мёрзлый камень сорвался с души и канул в текучую реку будней. Леночка Китайкина, откинувшись на спинку стула, грянула на своей «Эрике» утренней марш,

Она сразу же принялась за дело, и, не успев перевести дыхание, погружается — так погружаются в чёрную меланхолию — в залежи картотеки. Всякий раз, когда она приступает к этой работе, её охватывает привычный космический ужас. Бесчисленные колоды краплёных маленьким почерком её предшественницы карточек напоминают ей детство: заболев, она томительными вечерами сидела дома одна и играла сама с собой в «пьяницу».

Тем временем мадам Фторова голосом недовольно-сладким, будто подавилась пирожным, рассказывает женщинам очередную историю из грандиозного эпоса своей интимной жизни. На этот раз речь идёт о какой-то её подруге, муж которой оказался скрытым экстрасенсом. Отчего-то мадам Фторова останавливается не столько на его экстрасенсорных, сколько на мужских способностях. Стыдливая Рио-Рита слушает с неестественным вниманием, многоопытная Ниниванна — с рассудочной заинтересованностью.

«Всё врёт», — говорит она, когда Фторова выходит в машбюро. — «На пенсию пора кляче старой». Рита, как всегда в таких случаях, теряет. Она недавно перешла из Рекламно-информационного отдела — о, РИО, РИО! — и ещё не упрочила своего положения, как «нашей женщины». Наивный пыл неофитки мешает ей пока изучить науку динамического равновесия, которой с таким искусством пользуются старшие подруги. «А тебя что-то с утра Манечка спрашивала», — говорит Ниниванна, хрустко потягиваясь. — «Пойду-ка, покурю, пока начальство гуляет». Но начальство не гуляет. Двери разверзаются, и в отдел влывает сама Надежда Павловна Иовова. У неё походка античной богини, валькирии, старшего товароведа — всё смолкает, даже Леночка Китайкина, при её появлении. Так стихает толпа на месте преступления при появлении милиционера — и каждый чувствует себя в некотором роде преступником. Царственная улыбка озаряет её лицо. «Ой, девочки, — говорит Иовова, — Я так сегодня задержалась». И следует в свой кабинет, распространяя, как гружёная цветами баржа, плотную волну благодушия и французского аромата.

Возвращается Фторова и тут же бежит к начальнице — отнести документы на подпись и понаушничать. «Смотри, — хриплым шёпотом предупреждает Ниниванна, — мадам опять на тебя клепала». У Ниниванны насквозь прокуренный голос и крепкое обветренное лицо оседлой туристки. Ниниванна всем друг, иногда не по себе делается от такого всепожирающего радушия. Рио-Рита сочувственно выглядывает из-за её плеча, как редкая зоопарковая птица.

Рабочий день постепенно закипает под крышей учреждения, как наваристый суп в каменной кастрюле. В отдел входят и выходят разные озабоченные люди. Появляются и исчезают, как на ниточках, только сухо хлопают двери за спиной, «Что за балаган», — думает она несправедливо — никак не удаётся сосредоточиться. Картонный домик картотеки вновь и вновь начинает угрожающе расплзаться на зыбучем маленьком песке её опыта.

Она пытается безуспешно хоть что-нибудь поправить, как взрослая здоровая дура, копающаяся с ведёрком в детской песочнице. Похоже на японский роман «Женщина в песках». Собствен-

ные потревоженные мысли мешают ещё больше. Учреждение, как взбудораженный улей. Голова, как взбудораженное учреждение. Это всё равно, что пытаться медитировать на пасеке. «И что ей от меня надо?», — думает она о Фторовой, непроизвольно сощурилась, будто прицеливаясь зло. В мадам ядовито киснет мелкая зависть провинциальной примадонны. Сейчас вся она направлена на неё. Два фактора вменяются ей в вину — возраст и пол. Фторова и к Рио-Рите, естественно, цеплялась, когда та перешла в отдел, но всё-таки она самая молодая здесь, не считая Леночки, и это решило всё. Впрочем, сколько Леночке лет не знает никто, а определить по ней невозможно. Да, наверное, никто и не пытался. Леночка неуязвима. Она, порой хотела бы стать такой же запертой в себе, номинально присутствующей, но ведь это не стиль, а способ существования. Не каждому дано. Смирение некоторых людей вызывает у других отчего-то раздражение паче гордости.

В воспалённой атмосфере последних недель тяжело вызревал хирургически-прямой конфликт. Всё оборачивалась против неё, не по злобе, но автоматически — таков уж принцип этого отлаженного механизма. Иногда она исподволь заглядывала в честные лица «наших женщин» и ей хотелось плакать от бессилия,

В отдел забегает Манечка Венцель, по прозвищу Маня-Бэмц и голосом пифии начинает рассказывать служебные сплетни. Манечка натура художественная — она закончила полиграф и выскочила замуж за стареющего книжного графика, пьющего человечка с резким, как карандашный набросок, лицом. Большую часть себя она отдаёт искусству, и то, что остаётся, выглядит несколько незаконченным. Полу-специалист, полу-интеллектуалка, полу-жена.

Когда Манечка работала у них в отделе, они даже полу-дружили. «Служенье муз» выражается у неё преимущественно в покупке художественных альбомов — она никогда не видела ни одной Манечкиной работы. Ответственное целомудрие духа, вероятно, не позволяло ей снизойти до грубой возни практики. Манечкино лицо даже чуть лоснится от вдохновения.

Маня-Бэмц пересказывает несколько свежих, ещё не загустевших сплетен из жизни учрежденческого полусвета. В её изложении это даже не сплетни, а своего рода этюды. «Наши женщины» несёт набрасываются на подробности. Леночка Китайкина прячется ото всего за колыхающимся железным занавесом грохота машинки.

«Бахыт достал билеты на Шведский балет, — небрежно говорит Манечка, обращая к ней лицо ровно на три четверти. — Сходим в субботу?» Благодарность, как брызнувший в руке апельсин. «Спасибо. Конечно. Ты настоящий друг, Манечка». Ей будто сдали козырь в игре. Мадам Фторова уязвлена неожиданной Манечкиной

щедростью в самое сердце. Впрочем, и о сорока рублях не следует забывать, «Ах, да, ещё деньги», — брезгливо вспоминает Манечка, уже поднявшись. Красные бумажки она держит осторожно, как держат бабочку, чтобы не повредить пыльцу.

Учреждение похоже на сад, охваченный яростным грохочущим цветением рабочего дня. Иногда она чувствует себя человеком с улицы, дилетантом, случайно очутившимся в оркестровой яме, когда оркестр играет tutti, в кульминации симфонии. У неё нет, абсолютно нет слуха — с ужасом думает она. Неизмеримая сложность учреждения заставляет её цепенеть, будто увязнув в бесконечной сети неоправданно запутанных, изошрённых человеческих отношений. А тут ещё Фторова с плотоядным усердием оплетает её своей липкой паутиной, чувствуя болезненную беспомощность жертвы. Хищник — санитар природы. Уже сегодня, выйдя от начальницы, мадам коротко взглянула на неё и ничего не сказала — это дурной знак. У неё был взгляд энтомолога. «Когда я была в вашем возрасте», — так обычно начинаются Фторовские ламентации по поводу несовершенства мира в целом и её личного в частности. Эти слова вызывают спазм в горле, уже выработался условный рефлекс. Но молчание опасно: сознающий свою власть, молчит. Торжество не нуждается в словах. «Что она ещё удумала? — она в третий раз переписывает одну и ту же карточку, не испытывая даже досады. — Что я им сделала, я же никогда ничего, я же всё, как они, я такая же, как все».

Последнее время она постоянно пребывает в состоянии актрисы, забывшей свою реплику. Иногда ей вдруг кажется, что она вот-вот вспомнит смысл заученной роли, свет явно брезжит, угадывается в темноте, где-то на дальних границах восприятия возникает чудесное видение ажурной, изящной, прекрасной, непостижимой конструкции учрежденческих отношений, но в следующий момент нестерпимый процесс прозрения обрывается, и она опять сидит на стуле с инвентарным номером 111 (одна-одна-одна) и не понимает ничего. «Отчего же я такая тупая, — думает она. — Я же институт закончила». Ей кажется, что всё чему её учили, ушло куда-то, точно высохло, и она осталась один на один с конкретной реальностью картотеки, дырокола, голоса Ниниванны, читающей приложение к «Вечерней Москве»,

«Куплю маски театра Но», — читает Ниниванна, откинувшись на спинку стула. «Это японский театр такой, — говорит Рио-Рита. — Сейчас, вообще, что ни импортное, то японское». Иовова отбыла в дирекцию, и женщины позволили себе расслабиться. Начальница, величественная, как Цеппелин, плывёт где-то над ними в верхних слоях атмосферы.

Обычно, ближе к полудню она перестаёт себя понимать. Будто её снова отдали в детский сад. Никогда после – ни в школе, ни в институте – у неё не возникало с такой явственностью это чувство устойчивого недоумения. Так бывает, когда в утренней вязкой дрёме пытаешься вспомнить только что приснившийся сон, в котором с предельной ясностью открылся единственный смысл всего – открылся и закрылся. Как кукушка из часов.

Её просто слишком мало одной, чтобы вместить всё это. В детском саду она постоянно чувствовала себя виноватой и не смела даже плакать. На работе она постоянно ощущает себя жертвой. Так могла бы чувствовать себя мучительно прозревающая шахматная фигура. «Ты же взрослая женщина», – говорила она себе, но ответом было только испуганное молчание. Кажется, в седьмом классе на какое-то неучтённое мгновение она обратилась в столп ледяного ужаса, когда осознала вдруг внезапно, что всё вокруг состоит из атомов. Её тело, воздух, окружающие предметы – всё это только атомы, одна бесконечная безымянная материя, а где же тогда она сама?

Нечто подобное происходит сейчас. Всё со всем связано, как будто театр марионеток, в котором куклы управляют друг другом, а зрителей нет. Иногда ей страшно делается – столько натянутых нитей управляет ею, и столько нитей в её руках, нервы, как ноющие от напряжения струны, и словно бесконечная сеть медленно, но неотступно влечёт её – оглушённую мерцающую рыбу – куда-то сквозь плотную темноту незнания: куда? «Помогите мне», – говорит она, но никто не слышит, потому что она говорит про себя. Приходится пить элениум. Только дома ей удаётся освободиться от этого напряжения хоть на время, точно заэкранироваться. Квартира так и не стала обжитой, даже кошка ушла отсюда. Её дом, как пауза. А главное она тут же обессиливает, точно у марионетки перерезали верёвочки, валится на диван и лежит так, явно ощущая, что жизнь уходит, просачивается сквозь пористую губку тела. На уровне диафрагмы, где солнечное сплетение – округлая дыра, и всё постепенно сползает, проваливается туда. Кожа холодеет. Утечка жизни. Вызывайте 04. Так она может пролежать все выходные дни, даже не включая телевизор.

Вот Бунчикова из машбюро, говорят, спит ногами к югу и на ночь привязывается металлической проволокой к батарее.

В дверях неожиданно и галантно, как директор телевидения, возникает Жадов. Весенний запах мужского одеколona врывается в комнату. Женщины впадают в блаженный ступор – три садово-парковых изваяния. Галатей наоборот. Жадов вносит в отдел своё красивое лицо осторожно и с достоинством, как вазу или аквариум. Человек с аквариумом, пытающийся сохранить достоинство,

выглядит глуповато. Жадов похож на Адама, только одет лучше – на нём тёмно-синяя тройка импортного сукна. Рубиновая запонка прилипла к манжете, как клещ. Следует церемония приветствия, заготовленный с вечера анекдот, комплимент Фторовой, комплимент Ниниванне – с Ниниванной они учились на одном курсе, и потому комплимент несколько рискован и солоноват. Ниниванна по-солдатски гыгыкает. Фигура меняется – конртданс. Небрежно-уважительное: «Шахиня здесь?» – кивок на дверь начальницы, комплимент Рио-Рите – ах, изменщица, комплимент ей. Он склоняется к ней осторожно, словно стараясь не расплескать свою мужественную красоту, заглядывает через плечо: «Над чем же вы трудитесь-то, Господи! Сизифова башня. Вавилонский труд, – это он шутит. – Вам как платят, аккордно или сдельно? Если б я не верил так в наш отдел кадров, я бы решил, что в учреждение просочился шпион – у нас так не работают». От его душистой близости ладони вдруг сухо немеют, и становится противно.

Возвращается Надежда Павловна, и приятность топлёным маслом растекается в её мраморном лице при виде Жадова. «Вы договорились насчёт машины? – спрашивает начальница у неё певучим голосом, и, не слушая ответа, добавляет. – После обеда отвезите в филиал материалы за прошлый год. Вермишнеева объяснит, что надо сделать.» Иовова приглашает Жадова в кабинет. Народ мечтательно безмолвствует.

«Мир не прост, совсем не прост», – верещит вокально-инструментальным голосом радио в наступившей тишине.

Она берёт у Ниниванны папку с отчётами и отправляется в плановый отдел. Плановики сидят в новом корпусе, в левом крыле. Широкий коридор всегда наполнен каким-то шелестящим летним звуком. В бугристом линолеуме пола чешуйчато отражается ненатуральный, точно выращенный в колбе, люминесцентный свет. Возле курилки сидит на подоконнике учрежденческое привидение – практикант Валя Дешёвый. У него лицо человека, никогда не видевшего солнечного света. Он смотрит сквозь очки, как из-под воды. Всем его жалко. У Вали нет даже своего постоянного места, и его можно встретить в разных концах учреждения одновременно – сутулый лысеющий подкидыш с книгой подмышкой. «Привет», – говорит она. Валя смотрит ей в переносицу и слабо кивает. «Что читаешь?» – спрашивает она – почему-то все считают долгом милосердия перекинуться Валею хоть парой слов. «Книжку», – говорит Дешёвый. Она косо заглядывает в аккуратный раскрытый томик и ненароком цепляется, оцарапывается взглядом о случайную фразу в тексте. Фраза пугает её, как чёрное мёртвое насекомое в банке. «Но, если поднять лицо человека, как крышку бака, под ним будет клубиться

хаос». Ей делается не по себе, она торопится уйти, нырнуть в шумный отдел из неоновой мёртвой зыби пустого коридора.

Потом ей надо зайти в АХО, договориться насчёт машины на завтра. Она бежит вниз по широкой лестнице. На улице распогодилось – ступени лоснятся от солнца. На площадке второго этажа она чуть не сталкивается с директорской Людмилой. Она смотрит на секретаршу с неприязненным благоговением. Благоговение – единственно возможный вид отношения к ней в принципе – совершенно однозначно. «Мисс учреждения» щедро пользуется косметикой, её лицо гладко поблескивает, целлулоидное. Глаза подведены так чётко и броско, что кажутся нарисованными – послюнявь платочек и сотрёшь их с лица. Людмила искусственна и прекрасна, и одинока, как на витрине; ей никто не нужен – синтетическая женщина. Она равнодушна, но заряжена скрытой молнией статического электричества. Духи её пахнут озоном. Ей можно завидовать.

В вестибюле тихо, как в церкви. Наклонный столб света делит сгустившийся чёрный до осязания сумрак. Свет так набит играющей пылью, что кажется отрезом золотого бархата. Она вступает в него на мгновение, и, когда солнце залепляет ей лицо, резкое и глубокое, как сон, ощущение возникает в ней навстречу свету. Будто ей с размаху дали пощёчину, и хочется громко заплакать от обиды и счастья. Боль мгновенно превращается в радость.

Она идёт казёнными коридорами старого корпуса, переполненная нечаянными слезами, несёт их в себе, как незаслуженный дар, как что-то драгоценное и живое – огонь или птенца.

Здесь, в этих служебных катакомбах со множеством лестниц, тупиков, чуланчиков и таинственных дверей, обитают странные создания, люди нулевого цикла. Шумные дворники, спесивые сантехники, опухшие сторожа, истопники, точно подземные духи воды и огня, пожарные – всё это безвидное братство живёт по каким-то своим эзотерическим законам. Они знают друг друга по всему району, по всему городу и ходят друг к другу в гости пить водку. Нулевой цикл объединяет их, как масонство.

Она заглядывает в АХО – пусто и накурено. Обычно ахейцы проводят свой досуг по соседству, у Дерябина, в фотолаборатории – там их не беспокоят. Никто из непосвященных не отваживается вторгаться сюда, в сакральный мрак святилища. К дверям намертво прибита угрожающая табличка: «Не входить. Идёт процесс». Ахейцы сидят в атласной черноте лаборатории, пьют розовый портвейн, играют в «тыщу», и кровавые брейгелевские отсветы красного фонаря ложатся на их порочные лица.

Она привыкла иметь с ними дело, и фотографическая уязвимость и чувствительность её не трогают – она врывается в лабораторию

с бесцеремонностью полиции нравов. Все в сборе: столяр Гамзеев, в просторечии Ахметка, экспедиторы Прутиков и Гуков, уклончивый Дерябин, ещё какие-то ватно-телогреечные люди. Горит верхний свет, а потому видно, что компания на грани потери сознания – остальные чувства уже утрачены. На столе нежно зеленеет стройная рощица стеклотары. «Где Лизич?» – спрашивает она в упор – с ними всегда надо торопиться, пока не канули тяжко в беспамятство, как под лёд. Лизич – это начальник АХО. Ватные люди начинают топтаться и ускользать.

Дерябин боком уходит в соседнюю подсобную комнатку. В конце концов, перед ней остаются Ахметка и какой-то чужой парень в рваном тулупе. Парень уже так пьян, что напоминает незрячим лицом античную статую. Архаическая улыбка растягивает его губы. Ахметка вдруг счастливо смеётся – он вспомнил кто такой Лизич. «Насчёт машины? Будет машина, – Ахметка жестикулирует широко, как фокусник в цирке, который сам изумляется, отчего это у него в руках не появляется живой кролик или букет цветов. – Лизич звонил. Лизич обещал. Лизич за свои слова отвечает». Ахметка с такой искренней любовью смотрит сквозь неё, что возразить она не решается. Обезоруженная, она верит ему на слово.

Она возвращается в отдел беспричинно радостная, как с мороза.

Дверь захлопывается за спиной со звуком пощёчины.

В отделе стоит томная удушливая тишина – очевидно, говорили о ней. «Так», – думает она, мертвея. «Наши женщины» выискивают что-то глазами в противоположных углах комнаты, только Фторова каменеет от торжества, как жестокий языческий божок, Леночка Китайкина спряталась за дальнобойными стёклами своих очков – не выманишь. «Что происходит?» – думает она, отяжелевшей походкой направляясь к своему столу, но, не успев ещё сесть, видит в руках у мадам ноябрьские инвентарные списки. Всё проще канцелярской скрепки. Она знает, на чём поймала-таки её Фторова. Она знает, где ошибка. Но ведь это идиотизм, безысходный, как тусклая оттепель: списки никому, абсолютно никому не нужны, нелепая бессмысленная работа, на которую она угробила несколько потёртых ноябрьских дней – и ничего не докажешь. Ошибка есть ошибка. Досада, как соринка, угодившая в сердце.

«Что же это вы, милая, написали? – лязгающим тоном говорит Фторова. – Что за чушь? Вы так нам всю работу в отделе развалите. А ещё с высшим образованием». Она слушает голос этой говорящей мышеловки и чувствует, что мерцающая ненависть ртутным столбиком ползёт в ней вверх, до конца шкалы, и тогда вдруг стеклянно тренькнув, всё исчезает. Она становится простой, как летящая плоскость, и только слышит свой изменившийся голос: «Почему вы

вообще постоянно лезете в мои дела? У вас есть свои – непосредственные! – обязанности, и контроль моих действий в них, кажется, не входит. Я попросила бы, – она почти декламирует каким-то мхатовским голосом. – Я попросила бы...» Но мадам, с радостно-оскорблённым видом воззрившаяся на неё, уже приподнимается со стула, как боевая кобра: «Да это наглость! Вместо того, чтобы принять к сведению и постараться исправить... Вы окончательно распустились, милая, я буду говорить с Надеждой Павловной. Нет, что это такое?! Когда я была в вашем возрасте...» Эта магическая формула отзывается в мозгу кровавым обморочным звоном. «Да я не интересуюсь археологией, можете не продолжать!» – глупо, по-школьному, выкрикивает она в густеющее праведным гневом лицо мадам Фторовой и высказывает в коридор.

Она долго плачет в уборной, упершись лбом в холодный, как поцелуй, кафель стены. Лицо расплзается мокро снова и снова, никак не удаётся собрать его, и в горле бьётся, не стихая, какой-то безвкусный пластмассовый шарик. Все мысли она повыплакала – голова пустая и тяжёлая. Лицо горит. Она умывается и долго сидит у подоконника, слушая колоратурное журчание бачков, надеясь принять более или менее пристойный вид. Только в груди то и дело что-то всхлипывает, точно треснувший стакан, но она сдерживает себя. Она не знает, что ей делать дальше. В коридоре две полузнакомые женщины из технического отдела оглядываются на неё. Она чувствует себя одинокой и никому не нужной, как школьница, прогуливающая уроки. «Господи, – говорит она в потолок, – Как мне здесь жить? Как?»

«Вы плакали?» – произносит над ухом чей-то знакомый вкрадчивый голос – словно Невидимый Собеседник в повторяющемся с детства сне. Таким голосом могла бы заговорить разумная ящерица. Она оборачивается – Б.Т. стоит рядом с ней с засохшей улыбкой на лице. Как всегда она испытывает смешанные чувства – Б.Т. близок и неприятен одновременно. «Ерунда, – говорит она, пытаясь выглядеть беспечной, от чего у неё жалко кривится рот. – Небольшой скандал в семействе». Он отводит глаза. «А я искал вас. В буфете, как всегда очередь, точно на Страшный Суд. Отправимся в кафе?» По установившейся традиции они обедают вместе, чаще всего в маленьком кафе на углу, которое Б.Т. называет «Под каштанами». Их связывают странные, какие-то безжизненные отношения. Непонятно, что у них общего, кроме одиночества. У Б.Т. больной позвоночник, и от этого в его осанке есть что-то камердинерское. В старших классах школы она увлекалась театром, и с тех пор у неё осталась привычка распределять роли среди своих знакомых: Б.Т. в её системе – усталый, мудрый и обречённый Полоний. Он разговаривает

с ней несколько учительским раздражающим тоном, а иногда начинает читать свои стихи, совсем слабые, выдавая их за стихи малоизвестных, им же выдуманных поэтов. Порой он вдруг умолкает на полуслове, будто кончился завод – её это даже пугает, как скрытая болезнь. Б.Т. никогда не был женат, главной привязанностью жизни был для него старший брат, рано умерший; он и теперь жив для Б.Т., и бесконечная их беседа, кажется, не прекращается.

«Под каштанами» – шумно, людно, но как-то невесело. Они с трудом находят свободный столик, залитый неестественно-розовым киселём, и Б.Т. уходит за обедом, а она остаётся стеречь место. На противоположной стене – громадная фреска, изображающая, кажется, сбор урожая – похоже на какой-то халтурный рай с тракторами и матрёшками. Она закрывает глаза и оказывается в трезвонящем, щебечущем, жующем лесу, обступившим её в темноте со всех сторон. Б.Т. приносит поднос с обедом, себе он взял только салат и стакан сметаны. «Мой брат часто говорил о том, как трудно преодолеть одиночество, – говорит Б.Т., углубляясь в салат сосредоточенно, как в раскрытую книгу. – Царство Божие, знаете, усилием берётся. Малейшее и непреодолимое усилие одновременно – поднять веки или сделать шаг в сторону. Расплющивающая сила собственного притяжения не даёт подняться над своим одиночеством, над этой безжизненной планетой. А всего-то и нужно – взглянуть. Выбрать единственную необходимую точку зрения – и мир переменится, – Б.Т. складывает губы, как для старческого поцелуя, и нежно и брезгливо прикасается к ним бумажной салфеткой. – Шаг в сторону – это подвиг или дар. Одному немецкому сапожнику оказалось достаточно солнечного зайчика из оловянной кружки, ударившего по глазам. Любое событие, любой взгляд может сдвинуть мир в нужную сторону. Мой брат – а уж он-то в силу даже чисто физических причин знал, что такое быть одиноким – сравнивал наш занятый мир с глыбой льда, стилой глыбой льда, которая превращается в сверкающую драгоценность, когда на неё упадёт солнечный луч. Нужно только увидеть её с нужной точки – может только чуть повернуть голову. Мой брат...» Ей как-то внезапно делается противен до тошноты, как будто куском мыла подавилась, этот нудный менторский голос – он учит её жить? Трезвенник, пьянеющий от собственной трезвости, сочащийся глубокомысленными банальностями, точно строительной вязкой слюной – так некоторые насекомые скрепляют слюной стены своих гнёзд. Что же вы, такой правильный, смотрите всегда чуть в сторону, что вы прячете в своих жидких глазах?

У Б.Т. нездоровое лицо, точно из пристого желтоватого картона. «У меня нет брата, – говорит она, глядя в тарелку. – У меня никого

нет». Б.Т. замолкает и продолжает есть свою сметану. Ничего не случилось, только звук выключили. Она пьёт компот, а искажённый рай на стене угрожающе нависает над ней всем своим избытком.

Они возвращаются в учреждение, но по мере приближения к нему она всё замедляет шаг, а под ложечкой возникает шершавый азотный холодок – ей до смерти не хочется идти в отдел. Предстоящее объяснение, как медицинский осмотр: страшно и стыдно и не знаешь за собой никакой вины. Помощь приходит свыше: уже в гардеробе, помогая ей снять дублёнку, Б.Т. говорит: «Так вы к нам сейчас? Все ваши уже там, я думаю. У Демидуровой юбилей, не забыли?» Ей вдруг кажется, что он видит её насквозь и сознательно протягивает ей руку, даёт шанс выбраться из этого бесцветного страха, добрый друг, услужливый, как официант, добрый и отвратительный. Торжество, как нельзя кстати – так своевременно происходят чудеса – оно смажет всю эту историю, растворит или хотя бы смягчит. «Только бы обошлось, – думает сна. – Только бы скорее всё кончилось, всё вообще, скорее бы». В отделе полно народу, все кажутся ей неожиданно красивыми от лёгкого шампанского возбуждения. Но при её появлении в застольной тесноте мгновенно набрякают безмолвным скрытым осуждением «наши женщины». Б.Т. пропускает её, она, как-то очень дерзко качнув бедром, – «Ну, я даю!» – проносится в голове. – проходит вперёд.

Именинница рдеет во главе стола. Высокого начальства нет, и все чувствуют себя свободными и помолодевшими на ближайшие час-полтора. Толстый Синицын, напоминающий какое-то недоделанное кулинарное изделие в тесном костюмчике, суетится и щебечет, молитвенно складывая сдобные ладошки:

«Ткскть – поздравляем от всей души и от себя лично – ткскть – столько лет в нашем отделе и ни в чём не замечена – ткскть – вечная молодость – молодая вечность – женщины пенсионного бальзаковского возраста – до ста лет – в труде и личной, если так можно выразиться, жизни – успехов – коллектива – бокалы – стаканы – ткскть, ткскть, ткскть...» Она пытается поздравить тоже, но не удаётся даже вставить слова в общем гомоне. Девочки-машинисточки веселятся, как гимназистки на вакациях,

Жадов многозначительно разливает по стаканам и чашкам красное вино – он всё делает лучше всех. Ниниванна нарежет торт.

Торт выдержан в стиле ампир. Она чувствует, что напряжение отпускает её, точно распустили жёсткий медицинский корсет, опасность, кажется, миновала. Людмила Ивановна родилась вовремя. Конечно, и присутствие Б.Т. охраняет её, она чувствует, что он, словно упругим колпаком силового поля накрыл, как заботливый чешуйчатый марсианин из отечественной фантастики.

И, хотя сама Фторова сидит, всё ещё поджав губы, точно закройщица с булавками во рту, но Рио-Рита уже оттаяла лицом и не выглядит насмерть перепуганной заложницей террористов, а Ниниванна так откровенно подмигнула ей из-за шоколадно-сливочного собора торта.

Все говорят одновременно, валко вращается колесо шума. Ей кажется, что в нём можно уловить определённый ритм, даже скрытую, мелодию, проступающую в трезвонящей разноголосице. «Чай пили, чашки били, по-турецки говорили», – приходит ей на ум детская считалка. Вино слишком крепкое и напрочь лишено человеческого вкуса. «Как пьют такое, – морщится она внутренне, удерживая в равновесии дрогнувшее лицо. – Всё равно, что есть что-то заведомо несъедобное – скрепки или фольгу, например. Правда хмель тут же жёстким корректорским пальцем утыкается прямо в мозг. Она чувствует себя, как близорукий человек, уронивший с носа очки – смешно и глупо. «А где Леночка Китайкина?» – думает она. Б.Т. рассказывает что-то на ухо, почему-то о каких-то огнепоклонниках.

Рио-Рита хохочет напротив, блестя глазами. Зубы у неё, как у киноактрисы.

Кто-то жалуется, что из приоткрытой фрамуги дует, и она отходит к окну устранить непорядок. Праздник качнулся в сторону, словно дерево на ветру. День как-то быстро угас. Небо затянула грязноватая плёнка цвета кофе с молоком. Окна выходят на проспект – в НИИ напротив уже зажигают свет. Проспект внизу натужно ревет, как змей, исходящий сизым выхлопным дымом. Она прижимается лицом к городу за стеклом. За спиной продолжают торопливо веселиться. «Пора, – думает она – Уже давно пора».

Она идет по безлюдному полутёмному коридору широким, чётким твёрдым шагом. Неожиданно её взбудораженный слух улавливает отдалённый перезвук вёдер – где-то моют полы. У новой уборщицы постное отёчное лицо, застывшее и белое, как вчерашняя манка. «У меня же деньги в сумке», – смётённо думает она и почти бежит к дверям родного отдела. Дверь распаивается резко, со звуком короткого выдоха.

После сумрака коридора комната кажется правильным кубом, вырезанным из молочного дымчатого света – все предметы как-то теряются в нём, растворяются сами в себе, точно состоят из той же мерцающей субстанции, и хочется зажмуриться от этого резкого нечеловеческого сияния, а в центре куба матового пространства стоит Леночка Китайкина с её сумочкой в рунах и смотрит на неё своими непроницаемыми совиными глазками сквозь толстые стекла очков. Она захлопывает дверь.

Где-то долго звонит телефон, но никто не берёт трубку.

Она словно выпотрошена, аккуратно и безжалостно. Леночка – кто бы мог подумать? С какой стати? почему? Может, она клептоманка? Может, она очень бедная? Какая она? Не знаю. «Если приподнять лицо человека...» – думает она. Что-то не так в мире. Злоумышленник пойман – как же ей теперь жить? «И зачем я её застала, тащила бы она эти деньги, только бы не видеть ничего, не видеть», – она спускается на слабеющих ногах по лестнице, мимо моющих пролёт уборщиц – «простите» – думает она им – в просторный холл и не знает, куда идти дальше. В одном из плафонов потрескивает неоновая трубка, словно насекомое слюдяными крылышками. За окном скапливаются ранние сумерки. Она видит в стекле своё бледное, залитое гипсовым светом лицо.

Она долго сидит в холле, потерянно прислушиваясь к себе – не возникнет ли сам собой из случайных бликов и всплесков влажного эха осмысленный ответ, знак, указание. Словно сидит с удочкой на берегу какого-то безжизненного Соляриса. Неясное геологическое движение ощущается внутри, где-то глубже пластов сознания и подсознания, неотвратимое, как смещение материков или рост зерна, но что оно несёт, как проявится, да и относится ли вообще к случившемуся, а, скажем, не к общепитовскому обеду или позавчерашнему сну? А может позавчера ей снилась Леночка Китайкина?

Но, когда она, наконец, входит в отдел, твёрдо решив делать вид, что ничего не произошло, а там будь, что будет, Леночки на месте нет. Сумочка аккуратно висит на стуле. Она заглядывает в неё – всё в порядке, плотно сложенные червонцы оттопыривают кожаное брюшко кошелька. Она торопливо собирает нужные бумаги, холодея пальцами, словно это она ворует здесь что-то. Материал надо хоть как-то подготовить, но здесь оставаться нельзя – она чувствует себя, как разведчик на проваленной явке. «Посижу часок у плановиков, – думает она, – не выгонят. И поеду». Хотя в отделе никого нет, она всё-таки старательно делает вид, что ничего не случилось.

До филиала добираться на двух автобусах. Зажигаются первые фонари, словно лопнули набухшие электрические почки. На асфальтовой отмели остановки много серьёзного неразговорчивого народа. В сумерках у людей значительные лица, будто все сговорились и хранят какую-то тайну. Ей интересно смотреть на них. Холодно, и воздух становится прозрачным, как контактная линза. Клубы пара, словно распускающиеся прямо изо рта матовые цветы.

В переполненном автобусе она находит себе место в углу и, угревшись, затихает.

Она явно чувствует: что-то произошло. Так, наверное, животное чувствует приближение землетрясения. Треснула свинцовая скорлупа мира. Но ей не страшно – так не страшно, пожалуй, ещё

никогда не было. Это ведь не предчувствие стихийного бедствия, а предчувствие стихийного счастья. Оно надвигается, как цунами. Иногда по дороге домой после работы наступает вдруг состояние блаженного изнеможения, смиренной усталости, она уже не думает сама и не живёт сама – тогда метро перестаёт быть хищным подземным червём и становится человеческой рекой, которая несёт её своим живым течением. И сейчас она как-то сразу ослабла, как проколотый воздушный шарик, бессильно обмякла в толпе. Будь посвободней она так бы и осела на грязный, в кашице талого снега, пол. Люди не давят, но поддерживают её: благословенная теснота действует по закону Архимеда, уравнивающему всех. Ей хочется заплакать безо всякой причины, как плачется от слабости и высокой температуры, – просто от того, что свет такой золотистый и жёлтый, словно рыбий жир, и большие люди рядом, взрослые и всемогущие по сравнению с тобой, больной и немощной, как ребёнок, и невнятная речь, и так тяжело и сладко в груди, и ты, может быть, умрёшь. В такие минуты она не ощущает того стылого вакуумного пузыря, в котором пребывает уже почти два года. Она вообще как-то мало чувствует себя. Словно в неё прорастает чужое тепло, и общая кровь течёт по капиллярам, и ток мыслей уже не свой, царапающий мозг изнутри, но свободный, как чувство взаимной любви. Она никогда не молилась и в церкви-то была несколько раз в жизни, из любопытства и на экскурсии, но, наверное, так должны чувствовать себя молящиеся, когда чешуйка за чешуйкой отслаиваются свои цепкие «я», и не остаётся уже собственных желаний, не остаётся даже своих слов, но на гребне общей молитвы поднимаешься всё выше, всё вверх, всё свободнее. Автобус-часовня, улыбается она про себя. Автобус всеобщего спасения. «Едем прямо в рай».

Она почему-то совсем не думает о Леночке Китайкиной и её поступке. В голову приходят, напротив, какие-то совсем посторонние мысли, тем не менее, скрытым окольным образом связанные со случившимся, так что она всё же думает о нём. Этот странный принцип занимает её; всё раскрывается через другое. Человеку вообще нужно что-то одно, главное, но это главное и единое принимает столь разные формы и говорит на стольких языках. Как со светом: ведь всё, что мы видим – это только свет.

Она сейчас вспоминает отчего-то мадам Фторову, её болезненную, стыдную, как ей казалось, всем известную привычку: мадам набирала три-четыре цифры по телефону в начинала в присутствии «наших женщин» вести бесконечные интимные разговоры с несуществующим любовником. Фторова трудолюбиво изображала лицом целую гамму чувств – никто никогда так по телефону не разговаривает. И фторовская ржавая злоба – не та не ли это стальная

иголка, что сидит в ней, когда она часами беседует с вымышленным мужчиной. Старая, неумная, больная разговаривает с шуршащей пустотой в телефонной трубке.

Ещё она вспоминает плачущую Бунчикову. Она сидела одна в опустевшем к обеду машбюро и беззвучно нескончаемо рыдала – казалось, она истечёт слезами, как истекают кровью. Её мокрое покрасневшее лицо словно таяло в тепле, исходило меленькими ползучими капельками. Нелепая коротышка Бунчикова умирала у неё на глазах – ей стало так страшно, и она не вошла в машбюро, тихонько притворив дверь.

Отчего-то она испытывает жгучий стыд. Перед всеми, кого помнит, перед всеми вообще, даже перед незнакомыми пассажирами автобуса, но особенно перед Леночкой Китайкинсь, которая украла у неё двадцать рублей и пыталась украсть ещё сорок.

Необъяснимый, невозможный, нестерпимый, но не гнетущий, наоборот облегчающий, очищающий, будто душу промыли едким щёлоком. Так в детстве было стыдно мириться с лучшей подругой.

В сутолоке её притиснули к матовому заиндевевшему окошку. Она вновь очутилась одна в мезозойском лесу. Её с детства пугали эти реснитчатые серебристые джунгли на стекле. Наверное, всегда неприятно и странно, когда мёртвое притворяется живым. Ей казалось, что там, среди бредовых папоротников и хвощей притаились злобные насекомоящеры и гадоптицы. Мёртвый райский сад. Но что-то поколебало вдруг кристаллическую устойчивость этого плоского леса, какое-то движение родилось среди стеклистых изящных растений. От её дыхания дрогнул расписной ледяной панцирь, сплыл мутным пятнышком, и в нём обнаружилось чёрное ночное окошечко. Она заглянула в него одним глазом.

Ей открылась просторная ночь, увешанная ёлочными шарами огней. Детская картинка: разноцветные флажки окон, неоновые одуванчики фонарей, жёлтые светильники над проспектом, расплескавшие свой елей по снегу и камню, бегучие огни машин – они возникают откуда-то, обгоняют, отстают. Огни на разных уровнях и в разных плоскостях, обозначившие несущую конструкцию ночи, её неизмеримую объёмность – и в их расположении и неспешном круговом движении начинает угадываться какой-то общий ритм, точно проступает рисунок светящегося танца. А где-то вверху ведь есть ещё бортовые огни самолётов, и ещё выше – звёзды. Выпавший снег смягчает асфальтовую резкость звуков, и город приглушён и текуч. Вечер, как праздник: фонари, троллейбусы, дома, лица – внутри всего свет.

Она добирается в филиал только к половине пятого – почти час езды – а на улице уже настоящая, плотная, как штапель, ночь. Прав-

да филиал работает по другому распорядку, смещённому на час – они кончают работу позднее. Она разыскала Вермишееву, болезненную девочку уже на грани превращения в старушку, и они засели за материалы, голова к голове, как школьницы, вместе делающие домашнее задание. Вермишеева говорит шелестящим шепотком, и сухие сводки, в другое время скрипящие на зубах, у неё кажутся исполненными какого-то тайного смысла, словно древний забытый язык. Она ловит себя на том, что не может оторваться от мягко-сосредоточенного вермишеевского лица – так живой огонь притягивает взгляд.

Она явно чувствует: что-то случилось. Она возвращается домой на час позднее обычного. В метро можно даже сесть. В полупустом вагоне каждый сам по себе. От этого все кажутся значительными и особенными, так музейные экспонаты требуют каждый отдельного пристального внимания, и каждый значит не меньше, чем все вместе взятые. Она смотрит в эти замкнутые, обращённые в себя лица – что они видят и слышат там внутри?

Станции, словно подземные хранилища пустоты и света. Случайные люди мелькают на перронах, каждый несёт свою случайность, как дар, не зная, что она на него смотрит.

Вдруг чернота прынула от окна, и плотный свист за стеклом опал, так кожа, – поезд идёт по поверхности. Пространство вокруг, сколько хватает глаз, завалено сверкающим крошевом огней – точно опрокинутое навзничь небо. Каждый огонёк – окно, каждое окно – человек или семья людей – когда она думает об этом, у неё дух захватывает: столько людей вокруг всегда, рядом, вдалеке, через стенку, в памяти, на другом конце света – кажется достаточно знать это, чтобы не быть одинокой. Может быть, правда, одиночество только состояние собственной души? Может быть, это грех и соблазн – одиночество?

Она выходит на своей станции, чистой и никакой – ей и названия, пожалуй, не полагается. Она поднимается по эскалатору, а человеческие лица, словно распускаются ей навстречу.

На автобусной остановке никого нет. Воздух жгуч и стеклит, как медуза. Небо над головой такое чёрное, что хочется катиться по нему на коньках, дальше и дальше в бесконечность.

Бегучие радужные искры живут в сухом лёгком снегу своей странной неживой жизнью. Холодно, как на самом краю света. Она вдруг отчетливо вспоминает Колю Ступина. Это он сейчас где-то на развёрстом краю света из-за неё, она предала его. Всё равно, что не дала хлеба голодному. Человеку и надо-то всего ничего; полслова да ломоть хлеба. От кварцевого мороза навёртываются слёзы на глаза. Она бы помолилась за него, если бы умела. Из темноты выплывает

вызолоченный изнутри электрическим светом автобус. Она суетливо запрыгивает в него, хотя этим номером ехать до дома вдвое дольше, но так не хочется оставаться на пустой остановке: там холодно и голо, как на допросе.

Когда она уже идёт через пустырь к дому, то замечает вдруг какую-то перемену, но, в чём она заключается, сразу понять не может. Потом видит: небо утратило чёрную однородность, с запада наползают сплошным фронтом дымчато-алюминиевые облака. Она идёт и думает: «У меня никогда не было старшего брата», – как ей хотелось иметь брата, больше, чем любовника или мужа, может быть, разве что, так же, как хотелось иметь отца. «Братик, – думает она, – Прости меня, я буду хорошей, прости, прости меня за то, что тебя нет». Она уже подходит к подъезду, когда начинает падать снег. Он идёт неспешными крупными хлопьями, наполняя город ровным светом, беззвучный и стройный; снег ложится, как благословление.

У самой двери она вдруг оборачивается и видит тёмную округлую фигуру на лавочке в палисаднике. Снег оседает на платке, на плечах, на ресницах, будто трогает их осторожно и ласково прохладными подушечками пальцев.

Она поднимается на лифте, входит в свою одинокую квартиру, но всё продолжает думать, как он сидит там внизу, один в темноте под снегом, неслышным и ничьим, как он сам.

1985

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Юрий Мороз

1977–2005

«Вспоминай меня, глядя на небо...»

Юрий Мороз родился в 1977 году. Жил в городе Солнечногорске Московской области. Писал стихи. Искренние, пронзительные — они никого не могут оставить равнодушным.

Светлый и очень добрый человек. Ушёл от нас очень рано, в возрасте 28 лет, после продолжительной болезни.

Но стихи его читают, помнят, а, значит, Юрий прожил свою короткую жизнь не зря...

Надежда Морозова

Забьют колокола...

Забьют колокола, и я пойду
По утренней росе сдаваться Богу,
Неся Ему в подарок лишь беду,
И не одну, ведь их скопилось много.

Я подойду к иконе, упаду,
И буду у Него просить прощенья,
И Он услышит, как молюсь в бреду.
Как много значит жертвоприношение...

Но вряд ли Он отпустит мне грехи,
Я опоздал, мой путь был слишком долог,
Нелепы безыскусные стихи,
Которых накопился целый ворох.

Он никогда не будет их читать,
В глаза посмотрит с выцветшей иконы...
И бесполезно мне Ему кричать.
Он — Бог. А Бог вершит Свои законы —

Иные, чем у нас, простых людей,
Его всесилье страшно и печально.
Тот стих, что мне казался всех мудрей,
В Его глазах померк и стал банальным...

Сниму парик. И новый третий глаз
Расплачется под звуки а капелла.
И, пойманный, уже в который раз,
Я расскажу про то, что наболело.

Но слишком долгим будет мой рассказ
О не рожденных рифмах и о море,
О том, что в море сгинул водолаз,
И то был я... Но это ведь не горе.

Опустошенный, выпитый до дна,
Лицо в ладони опустив бессильно,
Пойму, что неспроста моя беда,
А испытания жестоки и обильны.

Сквозь тяжесть век увижу лишь упрек.
Звон колокольный стих и прекратился.
Наверное, Ты прав, всесильный Бог!
Мне с этим миром нечем поделиться...

Наша церковь

Забытая Богом деревня,
Церквушка, источник, погост,
Кресты стоят, как деревья,
И хочется крикнуть до слёз.

Подумаешь — всё как в жизни,
Беспутной моей и твоей,
И Бог поглядит с укоризной
На лица, обрывки теней.

Вот в этом краю полумёртвом,
В забытом и нищенском месте,
И жизнь наша, кажется, стёрта,
И розданы роли всей пьесы.

Не веришь? Взгляни прямо в небо,
Где птицы кружатся над нами,
Направо взгляни и налево,
Горит наша церковь огнями.

Горят наши судьбы больные,
И души уходят от нас,
Мы б взяли взамен и другие,
Но можно ли брать по сто раз?

Нельзя — это просто, как дождик,
Не должен он нам ничего,
Он трудится, словно сапожник,
Сшивая небес молоко.

Так пахнут тут длинные сосны,
Так зарево наше горит,
И падают, падают слёзы
На чей-то безликий гранит.

Икар

Неси меня, ветер, болтай по равнинам,
Так много на свете невиданных стран.
Бросай меня в ноги к жрецам и равнинам,
Дай право познать мне грозу и туман.

И если почувствую я, что негоже
Мне дальше летать, что я уже стар,
Сорви с меня крылья, сорви с меня кожу
И надпись поставь на могиле: ИКАР.

И он

Гладь озера черна, но там есть мир —
Не рыб, а призраков и отражений.
Их Дьявол там без спроса расселил,
Они там бродят легкие, как тени.

Печально возле озера сидеть
И думать — им не выбраться из плена,
На отражение своё с тоской смотреть,
Не сблизиться с ним и не слиться телом.

Оно тоскует так же, как и я.
Ему так хочется стать крепким и весёлым.
Рябь нарушают контуры, края...
И я — второй стыдится, словно голый.

Когда прийти я больше не смогу,
Умрет двойник, как я под крышкой гроба.
И я ничем ему не помогу.
Он — пленник озера. Он не покинет дома.

И я печально плачу перед ним,
И он печально точно так же плачет.
Ему так нужен я, необходим!
И мы не можем жить уже иначе.

О, Дьявол! Смилуйся! И пусть он поживёт
Хотя б таким — беззвучным, бестелесным.
Когда умру я, пусть он не умрёт,
Пусть озеро не станет гиблым местом.

И в нём, живом, я снова улыбнусь.
И буду на людей смотреть украдкой.
Пуускай меня прогонят... Я вернусь
И стану самой странною загадкой...

И в мире том останется мой след,
Ничто не уничтожит мою душу!
Пройдут века, нет, миллионы лет,
И выйду я из вод на твердь, на сушу...

Вспоминай меня

Вспоминай меня, глядя на небо,
Если облачко есть — это я,
Я при жизни, конечно, им не был,
Но я стал им теперь для тебя.

Вспоминай меня, глядя на вербу,
Что качается мирно в лесу,
Я тебе по-прежнему верен,
Это видно и по лицу.

Вспоминай меня среди кипы
Этих странных, но честных стихов.
Вспоминай меня бабочкой, севшей на липу,
Находи меня в рое большом комаров.

Вспоминай меня маленькой речкой,
Что звенит, разбиваясь о камни,
Вспоминай меня старенькой печкой,
Вспоминай меня зеркалом в ванной.

Вспоминай меня мятой душистой,
Огонёчком от спички вспомнянь,
Вспоминай и дождем с протекающей крышей,
Если хочешь, мне в сердце заглянь.

Вспоминай меня юностью вешней,
Как штришок к ней, меня вспоминай.
Вспоминай меня внутренне, внешне,
Я боюсь лишь слова: «Прощай!»

Не забудь, я прошу, мое имя,
Вспомни каплю, хоть каплю меня,
Я любил тебя, знаешь, ибо
Жил на свете лишь ради тебя.

Полнолуние

Полнолуние. Холодно. Ночь.
Кто-то тихо на флейте играет.
Паутиной себя обволочь,
Я живу — это с каждым бывает.

Твое имя блуждает в ночи,
В этом плане — прекрасная ночь.
Если можешь, хоть раз прокричи,
Что на этой планете я гость.

Полнолуние. Траур. Шопен.
Похоронные марши из флейты
Так, что кажется дом мой без стен,
Эти звуки, как Духи. Добейте

Вы меня — слишком поздно крутить
Эту плёнку с начала до часа
Той кончины, когда так охота курить
И окурки тушить о два глаза.

Нет, Всевышний, мне страшен весь Ты,
Оттого и молюсь неумело,
В голове моей гайки, болты,
Больше нет ничего, и поэтому дела

До Тебя уже нет, но под властью Твоей
Я еще нахожусь, но недолго,
Я не стану живею иль мертвей,
Только лишь поседет вся чёлка.

А из флейты все тот же Шопен
Заунывно и горестно плачет,
И опутанный я, взятый в плен,
Не могу этим нотам дать сдачи.

И уже, как бессмысленный тост
В самой грязной кончине веселья,
Я Тебе задаю свой вопрос:
Где живешь Ты? И где Твоя келья?

Так приди и распутай меня,
Поцелую Твои я колени,
И пускай меня примет земля,
Ты ошибся — я вовсе не гений.

Полнолуние. Флейта молчит.
И бесправный в углу я качаюсь,
А душа моя с Духом летит
И, как ночь, я поспешно кончаюсь.

Александр Серафимов

*«Всякое раздражение и ярость,
и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою
да будут удалены от вас;
но будьте друг ко другу добры,
сострадательны, прощайте друг друга,
как и Бог во Христе простил вас».*

*Апостол Павел
К ЕФЕСЯНАМ гл. 4 31,32*

Прости и прощай

маленькая повесть

Всеволод Ожогин, крепкий тридцатилетний мужчина с большими чёрными глазами на красивом, аристократическом лице в приподнятом настроении расхаживал по мастерской, с гордостью всматривался в свою последнюю работу — портрет мэра города и время от времени наносил на холст последние мазки.

— Портрет вполне реалистичен, но с подвохом, который может заметить только изощренный ум, — глядя на портрет, размышлял Сева.

Подвох заключался в том, что мэр во всём своём величии восседал на троне из тщательно стилизованных человеческих черепов. Историю его восхождения на вершину власти Сева знал доподлинно. Прежде чем приступить к работе над портретом, он тщательно изучил биографию натуры, в чём ему помогли старые связи в партийных кругах. Ныне пребывающие в забвении и потому затаившие тяжкую обиду на всех, кто сумел сохранить власть в смутное время перестройки и рождения нового государства, с новыми порядками, в которых прежней номенклатуре места не нашлось. И более того большинство тех, кого они раньше опекали, демонстративно отвернулись от них.

Но только не Сева, написавший целую галерею портретов ранее власть предержащих. И теперь, при случае он вручал полотна тем, кто мог дать ему полезную информацию о новых властителях. Так и случилось с этим портретом — бывший генерал КГБ подробно рассказал Севе историю политического роста Перфильева Романа

Ивановича, бывшего начальника участка небольшого завода по производству шахтного оборудования. Как только началась перестройка и подули новые ветры, когда вместо назначенцев руководящих работников стали избирать на общих собраниях, тут то и взошла звезда Романа Ивановича, сумевшего сколотить вокруг себя боевую инициативную группу недовольных старыми порядками. И уже через две недели на общезаводском собрании он был избран директором завода. Правда, никто не знал, что перед самым собранием из игры были выведены главные претенденты на пост директора. Действующий директор с тяжёлым пищевым отравлением был отправлен на месяц в больницу. Оттуда он прислал заявление о снятии своей кандидатуры из списков на голосование в пользу товарища Перфильева Р. И., как перспективного руководителя, обладающего организаторским талантом. И способным дать новую жизнь предприятию, угасающему в связи с тем, что многие шахты закрываются, а уже произведенное оборудование оказалось никому не нужным, в результате чего завод оказался банкротом. Второго претендента — главного инженера в день голосования обнаружили в стельку пьяным в местном вытрезвителе, откуда он вышел только поздно вечером. Но это было только начало. Вскоре по всей области прокатилась волна шахтёрских забастовок, и тут у Романа Ивановича открылся новый талант — талант оратора, ловко смешивающего простые всем понятные вещи с откровенной демагогией и призывами к новой жизни. Правда, к какой и каким путём он не успевал сказать, так как в это время его сторонники начинали оглушительно кричать и аплодировать оратору. Вскоре господин Перфильев Роман Иванович был избран в городскую думу, а ещё через полгода он переместился в кресло мэра, и у него началась новая, наполовину скрытая от общественности и сослуживцев жизнь.

Ходили упорные слухи, что за ним стояли мощные преступные группировки, которые по его сигналу убирали всех неудобных и опасных соперников. Но, как говорится, слухи к делу не пришьёшь, и потому городской обыватель неизменно голосовал за человека, который за счёт городского бюджета доплачивал малоимущим пенсионерам и многодетным семьям.

Сева несколько раз останавливался перед портретом под напором какой-то неведомой силы, которая толкала его взять скальпель и разрезать на мелкие кусочки творение рук своих. В очередной раз подойдя к холсту, он уже занёс руку со скальпелем, но в это время в дверь мастерской тихонько и даже как-то робко постучали. Сева, отбросив скальпель, открыл дверь и на пороге увидел измождённую, с лихорадочно горящими глазами старуху, от которой несло

застарелым перегаром и давно нематым телом. Одета она, несмотря на жаркую погоду, была в тёплую выдавшую виды куртку с капюшоном, чёрную длинную юбку и изношенные до дыр кроссовки.

Увидев Севу, старуха долго всматривалась в его лицо, потом неожиданно опустившись на колени, горько зарыдала и зашептала:

— Сева, Севушка, сыночек мой, кровиночка, потерянная моя.

В следующее мгновение она резко подалась вперёд и вцепилась в ноги Севы:

— Прости меня сынок, господом Богом молю, прости мать свою непутёвую, прости мать, свою проклятую Богом и людьми. Замучила меня совесть, вот и пришла к тебе вымолить прощение за всё зло, что я причинила тебе.

Очумевший от всего услышанного Сева в свой день рождения, в своё тридцатилетие мог ожидать чего угодно — землетрясения, всеобщего мора, третьей мировой войны, но только не появления полупьяной, сумасшедшей старухи, заявившей, что она его родная мать. Некоторое время Сева стоял в полной растерянности, не зная, что предпринять, но неожиданно для себя, ведомый каким-то неясным чувством, совсем не похожим на сострадание, он поднял старуху с пола и, усадил её на диван. Затем налил стакан воды и протянул его старухе. Он помнил, что когда-то у него была родная мать, которую органы опеки лишили материнства и отдали его, пятилетнего, в детский дом. Помнил он и то, как лет до двенадцати всматривался в лица прохожих женщин, пытаясь в одной из них узнать свою родную мать. Потом это желание найти родную душу как-то притупилось и с годами почти совсем ушло. Он даже помнил и то, как в первые месяцы пребывания в детском доме часто во сне видел, как мама подходила к его кровати, он протягивал свои ручки, тянулся к ней, но она тут же и растворялась во мраке ночи. От того, что он не может обнять свою маму, в душе Севы закипала недетская обида на своё одиночество в этом мире. Справиться с этим чувством помогла ему мама Настя, которая вскоре увезла его из детского дома. И вот теперь он рассматривал измождённую, потрёпанную жизнью женщину и не знал, как отнестись к её появлению.

Старуха взяла стакан, повертела его в руках и, поставив на пол, дрожащим голосом закоренелой алкоголички спросила: «А окромя воды ничего нет? Болею я, мочи нет».

Несколько минут Сева рассматривал старуху, затем открыл потайной ларчик и, плеснув полстакана водки, вложил его в руку страдальце, подумав — хуже не будет, а то ведь и помереть может.

Старуха трясущейся рукой взяла стакан и одним глотком выпила водку, затем прикрыла глаза и несколько минут молчала. Потом, как будто встрепенулась и, глядя на сына, сказала:

— Ты, Севушка, не подумай, что я пришла просить тебя о помощи, нет, я пришла просить у тебя прощения. Вот попросила, и на душе полегчало, теперь и уходить можно. А не простишь, с тем и помру, недолго мне осталось, совсем недолг...

И, не договорив, старуха надсадно закашлялась, на её губах выступила кровавая пена, которую она вытерла какой-то замызганной тряпкой.

В эту минуту Сева вдруг вспомнил одиноких московских старушек, скорбно, стоящих на коленях и протягивающих заскорузлые трясущиеся ладони за милостыней. Вспомнил щемящую боль в груди и обиду за их обездоленную старость, когда он незаметно делал наброски их будущих

портретов. Сейчас, глядя на свою беспомощную, больную мать, он почувствовал, как крупная слеза скатилась по его щеке. Он вдруг физически ощутил, как его непреходящая обида отвергнутого родной матерью ребёнка уходит из его истерзанной души.

В это время дверь с грохотом открылась и в мастерскую влетела женщина лет шестидесяти, с порога закричав:

— Ах ты, стерва, ах ты, сучка подзаборная, нашла-таки, узнала, что сынок-то не пропал, а стал знаменитостью. А, значит, богатеньким. Поживиться решила? А где же ты, тварь, шелапутничала двадцать пять лет? Почему не вспомнила, когда он после детского дома месяц лежал в горячке, да если бы не добрые люди он давно бы помёр, как брошенный щенок. Хорошо нашлась добрая душа, сообщила мне, где находится мой племянник. А всё виной, твоя блудливая натура, гулеванилась то с одним, то с другим, вот и превратилась в некое подобие человека, опустилась ниже плинтуса. А теперь вдруг вспомнила, домашнего тепла захотелось, шлюха!

— Мама Настя, не надо так, что было, былём поросло, — попытался остановить разбушевавшуюся женщину Сева.

Но она продолжала кричать:

— Я знаю эту суку, добра от неё не жди. Начнёт клянчить, да вымогать, вот, мол, я какая несчастная, помогите, дайте на пропитание. А ты у нас такой сердобольный, всем хочешь помочь, но помни — не делай добра, не получишь зла!

От выпитой водки старуха разомлела и, не слушая, что ей говорила её старшая сестра, предалась воспоминаниям тридцатилетней давности. Перед её затуманенным взором мелькали, казалось бы, давно забытые картины знойного сочинского лета, тёплое море и белоснежная яхта на которой они с подружкой и двумя очаровательными грузинами плыли вдоль черноморского побережья, пили лёгкое грузинское вино и нежились в лучах заходящего солнца. Вино оказалось коварным и, забыв про мужа, вскоре она с удоволь-

ствием очутилась в жарких объятиях Сосо или, как его там, теперь она уже и не помнила. Наутро их с подругой высадили недалеко от Адлера, сославшись на неотложные дела. И яхта ушла в открытое море. Больше ни яхту, ни Сосо они с подругой не видали. Это была одна прекрасная, но роковая ночь, последствия которой преследовали всю её жизнь и довели до последней черты, за которой маячила скорая смерть.

Вдруг старуха встрепенулась, огляделась вокруг и, уставившись на свою сестру, заговорила чистым ясным голосом:

— Да, я оступилась, да, я нагуляла Севочку, и муж узнал. А что было потом, ты знаешь? Нет, тебе даже в страшном сне такое не привидится. Он в течение полугода ежедневно избивал меня, подвергал изощрённым пыткам, но делал это так, что следов побоев не оставалось. Он бил меня мокрым полотенцем, топил в ванной, выставлял зимой на балкон, а я всё терпела. И, наконец, ему надоело измываться надо мной, и он ушёл, навсегда ушёл из нашей жизни. Не буду оправдываться, до сих пор не знаю, что случилось со мной, но я всю свою ненависть перенесла на сына, за что мне нет, и не будет прощения. Но однажды соседи не выдержали истошных криков Севы и вызвали милицию. Органы опеки лишили меня материнства, а сына отправили в детский дом. С тех пор я его не видела, не могла. Позже я узнала, что моя свекровь засомневалась, что Сева её родной внук, сделала ДНК и показала сыну, тут-то всё и рухнуло. Бог всё видит и за грехи наши воздаёт сторицей, за всё, что я натворила плохого в этой жизни, я в виде наказания заразилась туберкулёзом, к врачам не обращалась, и теперь он у меня в четвертой стадии, жить мне осталось месяц или полтора. Вот и пришла просить прощение и попрощаться, от вас же мне ничего не надо, окончен мой путь, умру, похоронят за казённый счёт и всё, была непутёвая Нюрка, да сгинула в небытие. А теперь, сынок налей мне ещё, выпью за твоё здоровье и пойду туда, откуда пришла. Кстати, Настя, стороной я узнала, что ты взяла Севу из детдома, оформила опеку и вывела его в люди, гордись, заслужила.

Сева налил ещё полстакана водки и поднёс его старухе, назвать её своей матерью он всё ещё не мог, несколько раз хотел, но язык не поворачивался, слова замирали в горле. Он вдруг вспомнил, как его мать мочила на кухне полотенце, хватала его за руку и хладнокровно начинала хлестать его по всему телу, приговаривая: «Это тебе, выродок, за мою поломанную жизнь». Удары были настолько болезненны, что он, не выдержав, начинал во весь голос кричать: «Мама, мамочка, мне больно, мамочка, за что ты бьёшь меня?» В ответ она смотрела на него ненавидящим взглядом и с расстановкой говорила:

«Знала бы за что, убила бы!» От этих воспоминаний у него в горле появился ком, который он никак не мог проглотить. И теперь он молча стоял и смотрел, как старуха, не спеша, со вкусом, выпила водку и поднялась с дивана.

— Спасибо, сынок, я пошла.

— Никуда ты не пойдёшь. Ты поедешь ко мне домой, отоспишься, а там видно будет...

— Ты, Сева, того? У тебя же дети, ты, что же, заразить их хочешь? Нет, так дело не пойдет, если уж ехать, то ко мне, сестра всё же. От мою её, приодену, да через знакомого врача отправлю её в санаторий.

— Хорошо, узнай, сколько стоит путёвка, и я оплачу её, — согласился Сева.

В это время дверь мастерской отворилась, и на пороге во всём своём блеске появился Перфильев Роман Иванович, мэр города. Это был высокий стройный мужчина сорока лет, блондин с голубыми с прищуром глазами, узким подбородком и тонкими в ниточку губами, что придавало всему его облику сходство с хорьком. Однако, когда он улыбался, его лицо преображалось, излучая теплоту и подкупающую доброту.

— Ну-с, Сева, здравствуй, показывай нам свой очередной шедевр, — оглядывая мастерскую, не то приказал, не то попросил Перфильев.

— Добрый день, Роман Иванович. Портрет готов, можете посмотреть и, если понравится, забрать. Вот он, — сказал Сева, снимая с холста закрывающую его ткань.

— Так, так, хорош. Верно отметил мою доброту и одновременно во всём облике чувствуется определённая доля властности. Отлично, отлично, — отойдя на несколько шагов от портрета — довольно потирая руки, заметил Роман Иванович. Затем снова подошёл к портрету и долго, пристально детально стал рассматривать его. Вдруг он резко выпрямился и как-то недобро уставился на Севу.

— Это что же такое, нет, ты мне скажи, что сие означает? — указывая на кресло, в котором восседал мэр. — Я что же на человеческих костях сижу? Ты, что очумел? Что народ подумает? Немедленно убери! — прорычал Перфильев.

И тут из-за его спины появилась некое молодое диво и томным голосом она произнесла:

— Какая прелесть, какое чудо! Нет, Ромочка, ты даже не понимаешь, что твоя власть, как и всякая другая, держится на человеческих костях, это прекрасная аллегория. Да такого шедевра ни у кого нет. Тот, кто хоть что-то понимает в искусстве, обзавидуется, потому как такое уже невозможно повторить!

— Ну, милочка, убедила, беру, а за оригинальность плачу двойной гонорар. Сева, заверни, — доставая из кармана толстый бумажник и отсчитывая деньги, приказал Перфильев и крикнул:

— Петро, забери портрет и отнеси его в машину.

В мастерскую ввалился детина необъятных размеров, подхватил холст и молча исчез за дверью.

— Так, покажи-ка, Сева, что ещё из шедевров есть у тебя? — прохаживаясь вдоль стеллажа, на котором стояло несколько портретов известных людей города и полотен городского пейзажа, и не найдя ничего для себя достойного — сказал:

— Я даю тебе ещё один заказ — напиши портрет вот этой фурии, но только без закидонов, понял? Махнув на прощание рукой, мэр с чувством собственного достоинства вышел из мастерской.

— Простите, Сева, когда я смогу вам позировать? Лучше всего после обеда, часика этак в четыре, подойдёт? — спросила фурия и, улыбнувшись, добавила:

— Меня зовут Ирэн, я позвоню, а пока чао.

Так уж издавна повелось, что удачно выполненный заказ непременно надо было обмыть, а потому, проводив гостей, Сева отыскал объёмную сумку и отправился в ближайшую Пятёрочку. Затарившись всем необходимым для встречи друзей, которые были приглашены на его тридцатилетие, он вернулся в мастерскую и начал накрывать импровизированный стол.

Тем временем мама Настя привела свою сестру к себе домой, привела в ванную комнату и приказала:

— Немедленно снимай всё своё тряпье, сложи его в пакет, а сама ложись в воду и отмокай, через полчаса зайду, принесу тебе приличную одёжку.

Через некоторое время они сидели за столом, молча пили чай, и, наконец, Нюра попросила сестру рассказать о Севе — каким он был после детского дома, как учился, чем занимался в свободное время.

— Эх, Нюрка, Нюрка, отхлестать бы тебя за всё хорошее, да поздно. Ну да ладно, расскажу всё как на духу, какая никакая, а всё-таки он твой сын. Значит так, когда я узнала, что Севу определили в детский дом, я помчалась туда и быстро оформила опеку, благо кровное родство, потому никто препятствий не чинил, проверили только моё, так сказать, благосостояние, жилищные условия и всё, я стала официальной опекуной. А дальше, как у всех — детский садик, школа, кстати, учился он прилежно, только на четыре и пять и окончил школу с серебряной медалью. Классе в пятом классная руководительница вдруг заявляет мне: «Анастасия Ильинична советую вам записать Севу в кружок ИЗО, который есть в нашем Доме

культуры». Я так и сделала. Прошло три года, и вот однажды к ним в кружок пришёл директор художественного фонда Иванцов. Павел Семенович не только заметил Севу, но и заявил, что Сева самородок и ему не место в кружке и что он берёт его в свои ученики. С тех пор у Севы началась новая жизнь — с утра школа, после обеда до девяти вечера художественная мастерская, а с девяти до двенадцати домашние задания. До сих пор удивляюсь, как он всё это выдерживал.

Когда Севе исполнилось восемнадцать, ему организовали персональную выставку, которая, как говорили, прошла на ура, после чего он стал членом Российского Союза художников, что в те годы, давало некоторые материальные преимущества. Всё шло хорошо, но тут грянула перестройка и всё пошло прахом — фонд перестали финансировать, членам Союза предложили приватизировать мастерские и оплачивать их содержание.

В это смутное время Севе в каком-то смысле повезло, если смерть дорогого учителя можно назвать везением. А дело было в том, что все эти резкие перемены окончательно подорвали здоровье Иванцова, а поскольку он был совершенно одинок и, чувствуя приближение конца, он написал дарственную Севе на свою трехкомнатную квартиру и художественную мастерскую. Но тут начались такие триадамии, такие заморочки, что меня до сих пор в дрожь бросает. Знаю, всем было худо, но особенно досталось художникам — нет денег, нет заказов, сиди и подымай с голоду. В эту тяжкую годину многие художники, превратившись в маляров, подрабатывали у новоявленных богачей, но Севе и тут повезло. Перед смертью его учитель не только напутствовал Севу, как дальше развивать свой талант, но и дал два московских адреса своих друзей, к которым Сева мог в любой момент обратиться за советом и помощью. Сева так сделал, закрыл свою мастерскую, отдал мне ключи от квартиры и уехал в Москву, где и провел почти три года. Кое-кто из друзей, кого я знала близко, рассказывали, что Сева все дни проводит на Арбате, рисует портреты всем желающим, тем и жил. Наконец, осенью 95 приехал и не один, а с какой-то московской вертихвосткой, прости меня Господи, к тому же ещё беременной, и вскоре она родила мальчика, Павлушу, названного в честь учителя. Поначалу жили вроде бы неплохо, ссорились, но нечасто. Через год эта шалава, прости Нюра, язык не поворачивается называть её иначе, потому, что много бед она доставила Севе, принесла ему девочку, а ещё через год махнула своим хвостом и укатила в Москву, видите ли жизнь в провинции не для неё. На прощание сказала Севе — вот обустроюсь в Москве и заберу детей, а пока заботься о них. Прошло три года, а об этой шалаве ни слуху, ни духу, что с ней одному Богу известно. Года полтора Сева ходил сам не свой, очень уж он её любил. А потом вроде

оклемался, начал много работать, и вскоре Третьяковка и Русский музей купили у него несколько картин. Я же молю Бога, чтобы эта стерва не свалилась бы на его голову, может, и впрямь сгинула, грех так думать, но я бы была рада, потому, что очень люблю своих внучат и не представляю себе разлуку с ними.

Мама Настя замолчала, тяжело вздохнула и, посмотрев на сестру, заявила:

— Завтра идём в поликлинику, делаем снимок твоих лёгких и договариваемся о санатории, хотя если честно говорить, тебя надо сперва определить в психушку, и, если бы не твоё состояние, так бы и сделала.

На другой день знакомый рентгенолог сделал снимок лёгких Нюры, посмотрел и отозвав в сторону Настю, сказал:

— Удивлён, очень даже удивлён тем, что твоя знакомая до сих пор жива, видно Бог или ещё какая сила даёт ей жить с такими лёгкими. Откровенно говоря, не знаю, что и посоветовать, одно скажу, побереги себя, не заразись.

А тем временем у Севы в мастерской собралось человек пятнадцать, кто-то сидел за импровизированным столом, кто-то, притащив с собой ящик из-под пива, превратил в роскошный стол.

— Давайте выпьем за удачу, за то, чтобы каждому из нас повезло так же, как Севе. Ты молоток, умеешь подать и продать свои работы. Выпьем за Севу самородка, — поднял стакан скульптор Свиридов.

— Боря, спасибо, уверен и тебе скоро повезёт. Я слышал, что город решил обновить скульптуры воинской славы, а кто кроме тебя это может сделать? Никто, так, что жди заказа, — поддержал друга Сева.

— Твои слова да мэру в уши, — усмехнулся Борис, — только я боюсь, как бы они не надумали пригласить московских знаменитостей.

— Брось, знаменитости дорого стоят, городская казна не потянет, — успокоил друга Сева.

— Всё, всё, хватит болтать, давайте пить и не заморачиваться, — поднося ко рту стаканчик, заявил один из друзей.

— А портвешок-то хорош, — вытирая губы, заметил Борис и, усмехнувшись, продолжал. — Удачливый ты Сева, а я нет, последние годы не одного заказа. Мне, заслуженному художнику России пришлось лепить всякие фигурки и торговать ими, позор, да я со стыда сгорал, когда на рынке раскладывал свои поделки. Вот так-то, друг мой.

— Боря, напрасно ты стыдился, каждый выживал, как мог, и я не вижу в этом ничего позорного. Думаешь, мне было сладко сидеть на паперти и за гроши рисовать туристов? Но теперь, уверен, всё пройдёт, всё наладится, — ответил Сева.

— Так уж и за гроши, за гроши внедорожник не купишь. А ты ничего, пересекаешь по городу на джипе, — подал голос один из молодых художников.

— Чёрт побери, кто же тебе мешал и в снег, и в дождь три года работать с натурой? В Москве её на всех хватало. А ты, Митенька, я слышал, всё больше на пособие по безработице перебивался, так? Так, что же ты завидуешь? Как говорится — не потопаешь, не полопаешь!

— Эй, друзья, мы собрались здесь не обсуждать чьи-то дела, а пить. Так давайте же пить и не болтать лишнее, — возвысил голос Борис.

Через три часа, опорожнив немереное количество бутылок, пьяная компания покинула мастерскую. Закрыв дверь за последним посетителем, Сева упал на диван и мгновенно заснул.

Проснулся он на следующий день от того, что кто-то теребил его волосы и нежно похлопывал по щекам. Открыв глаза, Сева с удивлением обнаружил рядом с собой Ирэн. Увидев, что Сева проснулся, Ирэн наклонилась над ним и стала срывать с него и с себя одежду. Сева пошарил рукой около дивана, нашёл початую бутылку вина и, сделав несколько глотков, обнял девушку.

— Спасибо Сева, за доставленное удовольствие, а ты зверь, не то, что этот старый козёл, — натягивая блузку на голое тело — засмеялась Ирэн. — Надеюсь, это будет не в последний раз, а теперь мне надо уходить, а жаль, я бы ещё не прочь, но дела, будь они неладные.

В это день ни о какой работе не могло быть и речи. Перекусив остатками вчерашнего застолья, Сева снова улёгся на диван, да так и проспал до самого вечера.

Вечерние сумерки опустились на город, когда Сева покинул мастерскую и вышел на улицу.

Очнувшись с сильной головной болью и приоткрыв правый глаз, левый почему-то не открывался, Сева взглянул на потолок, который показался ему незнакомым, приподнял голову с подушки и оглядевшись, понял, что лежит в больничной палате. Как он сюда попал, было для него загадкой. Но постепенно сознание прояснилось, и он вспомнил, как трое парней, обступив его со всех сторон, не говоря ни слова, начали методично избивать.

— Вы, что, совсем офонарели? Я вам что-то должен? — закричал Сева.

— Ты должен был делать своё дело, а не трахать чужих баб, — ответил высокий, кряжистый парень с дебильной мордой врождённого садиста и ударом кулака в подбородок отправил Севу в нокаут.

Всё, больше Сева ничего не помнил.

В эту минуту в палату вошёл доктор и подойдя к Севе, сказал:

— Очухался, голубчик, голова сильно болит?

— Болит, но терпимо, — трогая свой лоб, ответил Сева и, посмотрев доктору в глаза, спросил:

— И давно я здесь?

— Третьи сутки, а голова болит от того, что у вас сотрясение мозга и сломано три ребра. Молите Бога, что живы остались, — взяв правую руку и щупая пульс, ответил доктор и помолчав, добавил. — Меня зовут Игорь Васильевич, я ваш лечащий врач.

— Спасибо доктор, но как я сюда попал?

— Вас доставила к нам в бессознательном состоянии полиция. Сказали, что вас подобрали во дворе жилого дома и ещё сказали, что их вызвал кто-то из жильцов, не то бы вас забили до смерти. Так что вспоминайте, кто и за что вас так сильно отделал. Я к тому говорю, что скоро придёт следователь и задаст те же вопросы, так что будьте готовы, — ответил доктор и вышел из палаты.

— Как я могу что-то ответить, даже если и знаю, кто меня бил? А вот ссориться с мэром себе дороже, — увидев входящего в палату майора, подумал Сева

Подойдя к Севе, майор представился:

— Следователь городской прокуратуры Иванцов, — и, не переводя дыхания, спросил. — Уголовное дело возбуждать будем? Если будем, пишите заявление.

— Господин следователь, заявление я писать не буду, а значит и уголовное дело заводить не надо. До свидания, — ответил Сева — а про себя подумал, что сам разберётся с кем надо.

— Значит, не будете писать заявление, я правильно вас понял?

— Вы правильно меня поняли, господин майор — отчеканил Сева.

— Тогда прощайте, но, если вдруг надумаете... — и, облегчённо вздохнув, майор торопливо вышел из палаты.

И в это время на прикроватной тумбочке зазвонил мобильный телефон.

Сева взял трубку и услышал голос Ирэн:

— Сева ты жив? Говорить можешь?

— Как ни странно жив и могу говорить, — ответил Сева.

— Тогда слушай, пока ты после пьянки спал, у тебя установили жучок, и всё, что мы с тобой делали, было записано на плёнку. Тебя избили, мне тоже досталось, ну и, конечно, ни о каком портрете не может быть и речи. А потому прощай, а как было всё прекрасно, я просто без ума от тебя. И всё-таки прощай, потому как если этот козёл узнает о новых наших встречах, он убьёт меня, а он наверняка это сделает, я уверена, так что ещё раз прощай и иногда вспоминай об обнажённой Махе, — тяжело вздохнула Ирэн и отключила телефон.

— Прощай, несостоявшаяся любовь. А мне пора заняться своими неотложными делами — съездить домой, проведать детей, хорошо, что есть, кому за ними присмотреть. Кстати, надо няне добавить денег, без неё я бы пропал. Ещё надо узнать, как дела у мамы Насти и мамы Нюры и что с санаторием, — поднимаясь с постели и одеваясь, размышлял Сева.

Через несколько минут, выглянув в коридор и не заметив никого, Сева, морщась от боли в груди, покинул больницу.

Санаторий «Незабудка» располагался довольно далеко от города, на берегу озера в сосновом бору. Проехав по федеральной трассе пятьдесят километров, Сева свернул на просёлочную дорогу и вскоре оказался у ворот санатория.

Оставив машину на стоянке, Сева направился искать корпус, в котором поселилась его мать. Шагая по дороге, окружённой вековыми соснами, он любовался бегающими по стволам белками, которые с любопытством рассматривали чужака. Одна из них спрыгнув на землю, подбежала к дорожке и, усевшись на задние лапки, всем своим видом показывала, что ждёт от него лакомства.

— Нет у меня орешков, но в следующий раз непременно привезу, — глядя на просительницу, с сожалением развёл руками Сева.

Отыскав палату, Сева постучал в дверь и, не услышав приглашения, вошёл в комнату. Мать лежала на высокой подушке и надсадно кашляла, по её бледным ввалившимся щекам стекали крупные капли пота.

— Здравствуй, Сева, здравствуй, милый, я была уверена, что ты сегодня приедешь, — пытаюсь сесть и протягивая руки к сыну, всплакнула Нюра.

— Мама, ты почему плачешь? Ты плохо себя чувствуешь? — с тревогой спросил Сева.

— Соскучилась, сынок, больно одиноко здесь. Все заняты только собой, своими болячками, так что даже поговорить по душам не с кем. А чувствую я себя вполне нормально, — утирая слезы, ответила Нюра.

— Мама, прошла всего только неделя, уверен ещё будет время найти подружку. Я привёз тебе новые лекарства, которые посоветовали мне твои врачи. Они уверены, что после регулярного приёма никаких последствий не будет, — обнимая и успокаивая мать — говорил Сева.

— Сынок, ты прекрасно знаешь, что все эти лекарства только немного поддержат меня, я давно смирилась со своей судьбой. Одно меня радует — твоё прощение, я так благодарна тебе, так благодарна...

— Мама, прошу тебя, Расскажи мне, как ты жила все эти годы, очень тебя прошу, Расскажи, — склонившись к матери и поправляя её одеяло, попросил Сева.

— Безрадостно жила. Как тебя забрали в детский дом, тут я совсем слетела с катушек, обозлилась на весь мир, во всём видела одну несправедливость. Не понимала, а точнее не хотела понимать, что сама виновата во всех своих бедах. Поначалу выпью стаканчик вина, на душе вроде полегчает, потом перешла на водку. Работала я тогда продавцом в ювелирном магазине. На работе стали замечать моё похмелье, стали делать замечания. И это бесило меня, ещё больше, огрызалась, но меня почему-то не увольняли. А, как тебе известно, в те времена зарплату могли задерживать аж на полгода. Чтобы как-то продержаться, я стала распродавать свои вещи, а потом и кое-какую мебель, но дела шли всё хуже и хуже. И вот тогда я решила, что магазин мне сильно задолжал. Я подумала, что бриллиантовое кольцо как раз покроет все мои долги. Кольцо это на ночь директор запирает в сейф, а, значит, надо было сделать новые ключи. И я стала готовиться к операции по изъятию кольца, для чего купила пластилин и только ждала удобного случая сделать оттиски с директорских ключей. Однажды директор магазина оставил ключи от кабинета у меня на прилавке, я сделала слепок ключей от кабинета и сейфа. В тот же вечер я спряталась в подсобке, дождалась закрытия магазина и украла кольцо. Наутро я отнесла его в ломбард, где его оценили в десять тысяч долларов, при его стоимости в двадцать пять тысяч. Сославшись на то, что таких денег у них нет, выдали мне тысячу зеленых и дали расписку, что остальное вернут, как только продадут кольцо. Конечно, я, полная дура, не понимала, что моё преступление раскроют в один миг. После обеда в магазин нагрянула полиция, у всех сняли отпечатки пальцев и уже на другой день меня арестовали. Осудили меня за кражу в особо крупном размере на семь лет общего режима. Через пять лет меня освободили по УДО. Приехала я к себе домой, а квартира-то уже не моя, поселились в неё какие-то армяне, у которых документы оказались в полном порядке, и вся моя беготня по судам ничего не дала. Вот тут-то один добрый человек и посоветовал ехать мне в Москву, мол, там, на Черкизовском рынке всегда требуются продавцы и предоставляют жильё. Так я и сделала. Проработала я там вплоть до его закрытия, и тут у меня вдруг обнаружилась чахотка, а для продавца это конец. Пришлось мне скитаться, где попало, просить милостыню у метро, искать ночлежку, благо их в Москве великое множество, — Ньюра тяжело вздохнула и откинулась на подушку. Длинный рассказ настолько утомил её, что она долго не могла прийти в себя. Наконец, отдохнув, она посмотрела на сына и сказала:

— Умоляю тебя, сыночек, прости свою беспутную мать. Сама во всём виновата, сама буду дальше нести крест свой, а ты обо мне больше не беспокойся. Главное для меня твоё прощение, для меня твоё прощение Божья благодать, с этим и помру.

— Мама, я давно простил тебя, ты только держись, не умирай. Я чувствую, ещё ничего не потерянно, ещё всё наладится, и ты будешь нянчить своих внуков, — взяв материнскую руку и целуя её — громко шептал Сева.

В это время в палату вошла молодая девушка и, поздоровавшись, легла на соседнюю койку. Затем внезапно встала с постели и, подойдя к Севе, представилась:

— Светлана Полуэктова, соседка вашей матушки. А вы, значит, наша городская знаменитость, известный художник Всеволод Ожогин? Не только наслышана, но и видела вашу персональную выставку, впечатлила. Особенно галерея портретов обездоленных и несчастных стариков и старух, доживающих свою жизнь в московских подворотнях.

Светлана прошла по палате и вдруг, остановившись рядом с Севой, пристально глядя ему в глаза спросила:

— А мой портрет вы не хотите написать?

— Почту за честь, — улыбнулся Сева.

— Если согласны, тогда я скажу немного о себе. Бывшая профессиональная певица областного масштаба, заболела туберкулёзом горла, потеряла голос и оказалась вот тут, в надежде вылечиться. Но лечение почему-то затягивается, врачи разводят руками и успокаивают. Так что мои перспективы туманны, голос пропал, профессии никакой нет, а вот деньги за портрет найдутся.

В это время в палату вошёл врач и, поманив пальцем Севу, вышел в коридор.

— Насколько я понимаю, вы сын Анны Спиридоновны. Я Николай Савельевич, лечащий врач. Буду с вами откровенен — вашей матери осталось жить не более двух недель. Мы делаем всё возможное, но болезнь слишком запущена. И я могу дать вам только совет, отвести её в Горную Шорию к моему другу, если он возьмётся, то наверняка спасёт вашу мать. Зовут его Барбай, по местным понятиям он шаман, а я считаю его народным целителем от Бога. Решайте быстро, иначе будет поздно.

— Спасибо доктор, немедленно воспользуюсь вашим советом. Кстати, а что со Светланой Полуэктовой, соседкой матери?

— Поступила она вроде бы с обычной формой туберкулёза горла, но чем дальше мы её лечим обычными средствами, тем хуже. Наш куратор крупный учёный, профессор, только разводит руками и считает, что у неё какая-то неизвестная нам форма забо-

левания. Скажу больше, если так пойдет и дальше, её смерть не за горами.

— Тогда, с вашего позволения, отвезу их обоих к шаману, а вы её подскажите, чтобы она не сопротивлялась.

— Хорошо, я поговорю с ней. Но вот только у неё есть муж, как он посмотрит на всё это? Впрочем, все проблемы с мужем будет решать она сама, тем более, что они вроде бы разводятся.

— Мама, Света, предлагаю послушать, что вам скажет доктор и безоговорочно согласиться с его предложением, — войдя в палату, сказал Сева.

— Вот так сразу взять и поехать? — с сомнением в голосе, спросила Светлана — подумав, сказала:

— Я согласна. Вот только надо заехать домой собрать вещи, всё-таки в тайгу едем.

— А как же муж? Он приедет, что я ему скажу? — спросил доктор.

— Неделию назад я дала ему письменное согласие на развод без моего присутствия на суде, а сегодня получила свидетельство о разводе. Так что бывший муж уже не потревожит вас, доктор, — ответила Светлана.

— Тогда вперед! Через десять минут выезжаем. А ты, мама, не беспокойся, всё необходимое для тебя я куплю по дороге, — обрадовано воскликнул Сева.

Прошло с полчаса и, наконец, в конце аллеи появились мать и Светлана в голубом платье и небольшой дорожной сумкой в руках.

— Как хороша! — глядя на приближающуюся Светлану, шептал про себя Сева. — До чего же хороша, фигура обалдеть, писать её надо непременно во весь рост.

В это время его сердце сжалось в томительной истоме и вдруг, словно птичка в клетке, бешено забилося.

— Кажется, я пропал — тяжело вздохнув, подумал Сева.

— Я готова, можем ехать, — обратилась Светлана к Севе и, повернувшись к Нюре, спросила. — Вы не возражаете, если мы покинем Вас?

— Поезжайте, поезжайте, я буду очень рада, если мой сын напишет твой портрет и непременно маслом, — улыбнулась Нюра.

Некоторое время они ехали молча, наконец, не выдержав затянувшегося молчания, Светлана спросила:

— Сева, расскажите, как становятся художниками?

Сева внимательно посмотрел на Светлану и спросил:

— Вам действительно интересно, как становятся художниками?

— Мне действительно интересно, не каждый день едешь в машине с человеком, посвятившим себя искусству, — улыбнулась Светлана.

— Быть или не быть художником за меня решила моя приёмная мать. Однажды она пришла в школу, это было классе в пятом, и встретила с нашим учителем рисования. Ну тот и наговорил ей с три короба, мол у вашего сына талант, ему непременно надо учиться в школе искусств, стать настоящим художником. Мама поверила и отвела меня в кружок ИЗО, откуда меня забрал к себе в мастерскую местный знаменитый художник. Он то и научил меня всему, что я сейчас умею.

— Я где-то читала, что нет более мучительного счастья, чем посвятить себя искусству. Именно так: не «заниматься творчеством» в свободное от основной работы время, а сделать искусство содержанием своей жизни, это так?

— Это, пожалуй, самый главный и самый трудный вопрос, который каждый должен решить для себя, прежде чем стать художником, — усмехнулся Сева. — Но, как правило, на этот вопрос отвечают родители, ведь именно они вынуждены будут содержать будущего гения. Сначала будут долгие годы учения: копирование горшков и античных слепков, испытание алкоголем, мучительные сомнения, кризисы жанра и многое другое. И всё это не менее десяти лет, чтобы получить диплом о высшем образовании, который, впрочем, не даёт никаких гарантий, что выпускник стал «настоящим» художником. А свидетельствует лишь о том, что его обладатель овладел неким ремеслом правильно копировать реальность на плоскости. Если родители думают, что после этого их миссия окончена, то они глубоко ошибаются: как раз в этот момент и начинается самое тяжёлое — самоопределение художника, поиск своего места в искусстве, борьба за выживание. Есть у меня друг Фёдор, подавал блестящие надежды, окончил академию и безнадежно влюбился, вскоре женился. Жена оказалась весьма плодovита, ежегодно рожала и сейчас у них четверо, мал мала меньше. Что ему делать в такой ситуации? Деньги зарабатывать, семью содержать и тут уж не до высокого искусства.

И если у тех, кто выбрал иные профессии, два этих понятия не расходятся — ты работаешь по своей профессии и получаешь за это деньги, — то у художника это вещи разные, порой несовместимые. Труд художника в нашей стране оплачивается только в таких случаях:

- если он преподаёт будущим художникам;
- если он занимается коммерческими проектами: рекламой, дизайном;
- если он создаёт приятные для обывателей изображения: портреты, пейзажи, росписи;
- если он разрабатывает конъюнктурные сюжеты для действующей власти.

Во всех этих занятиях самих по себе нет ничего недостойного, если бы каждый получающий художественное образование изначально готовился к ним. Но российский академический процесс обучения подспудно зовёт к высоким целям, ставит, по советской привычке, духовное намного выше материального. Каждый выпускник академии должен стать Великим Художником, эта мысль проходит красной нитью, заставляя всю жизнь оправдываться перед самим собой — почему ты им не стал. Но чаще всего получается так, что из вышперечисленного художник вынужден заниматься только по необходимости зарабатывать деньги на жизнь. А всё остальное время он мечтает о «настоящем» искусстве, откладывая его на потом, потому что семья, быт и усталость. Многие сразу смиряются с мыслью, что отныне они рабы повседневности и их жизненное предназначение — создавать технически грамотные этикетки продуктов питания и афиши ночных клубов. Это ремесленничество со стабильным заработком позволяет им жить обычной обывательской жизнью и тут уже никаких поисков и мечтаний — главное, чтобы заказчик и жена были довольны.

Но ещё хуже — с двумя последними пунктами: созданием вкусовой и политической конъюнктуры. Художники, занимающиеся росписью ресторанов и коттеджей олигархов, рисующие портреты и шаржи в парках, создающие иллюстрации о героической жизни древних народностей, — автоматически выбрасываются за рамки профессионального сообщества. Это жестоко, но имеет свои резоны: если ты хотел стать художником, будь им! Через отказ от обычной жизни, от семейных привязанностей, от многих материальных благ, от отдыха на курортах. Компромиссов тут быть не может. Не бывает так, что сегодня ты красишь олигарху коттедж в «Абердина», а завтра создаёшь работу, достойную Венецианской биеннале...

— А вы, Сева к какой группе относитесь?

— Я исключение, я самородок, так все говорят, и я иногда верю этому, — улыбнулся Сева.

— Ну, если так, то сначала мы заедем ко мне домой, я заберу кое какие вещи.

— Светлана, мы говорим только обо мне, не могли бы вы рассказать о себе — как жили, чем увлекались?

— Что же вам рассказать о себе? Даже не знаю, сколько помню себя, мы всё время были в разъездах. Сейчас оглядываясь назад, понимаю, что мы объехали весь Союз, от Чукотки до западных границ и с севера на юг — от Мурманска до Еревана. Отец служил в разных воинских частях, а когда мне исполнилось семь лет, осел в нашем городе, командовал полком. В шестьдесят лет вышел в отставку и вскоре умер от рака лёгких. Мать пережила его ненадолго, умер-

ла через два года после смерти отца. Отчего она умерла, врачи так и не выяснили. Никаких патологий обнаружено не было и потому решили, что скончалась она от тоски и одиночества. Ещё в раннем детстве у меня обнаружили, как говорили, талант певицы, отдали в музыкальную школу, потом в Москву и получилась из меня прима в местном театре оперетты. Так что, как видите, в моей жизни ничего примечательного не было, сплошные серые будни, если не считать премьер, жизнь без срывов и отчаянных поступков.

— Ничего примечательного и вдруг появился графский титул, по крайней мере, так мне сказали в санатории. Это правда, вы действительно графиня?

— Из документов, которые остались после отца, я нашла их в маленьком кованном ящичке — там указана вся наша родословная. Из этих документов я выяснила, что мой прадед, будучи поручиком Семеновского полка, сразу после октябрьского переворота перешёл на сторону советской власти, отрёкся от своего графского титула, служил военспецом при штабе Буденного. Его сын и потом мой отец также стали военными и верой, и правдой служили отечеству. Мой дед во время Отечественной войны командовал корпусом, в числе немногих был награждён Орденом Победы и участвовал в знаменитом параде победителей в июне сорок пятого,

— Очень интересно, при всей своей преданности Советской власти твои предки не забывали о своём происхождении. Иначе как объяснить, что, несмотря на смертельную опасность они сохранили своё родовое древо?

— Отказаться от своих титулов это одно, но отказаться от своих корней, от своих предков это уже слишком. Они не смогли, да и не захотели. Теперь, когда в стране всё так резко изменилось, можно с гордостью сказать — я графиня, урождённая Полуэктова, мои предки с гордостью носили это имя, и были, прежде всего, преданы родине, а уж потом существующей власти.

— Вот мы и приехали, въезжайте во двор и подождите меня, я скоро, — выходя из машины, сказала Светлана и быстро пошла к подъезду дома.

Минут через пятнадцать Светлана вышла из дома, в руках у неё был, объемный саквояж, который она небрежно забросила в багажник.

— Кроме одежды на все случаи жизни, здесь у меня самое дорогое, что осталось от прежней жизни — вечернее платье, подарок отца, и украшения моей прабабушки, — садясь в машину, сказала Светлана и, помолчав, добавила. — Можно многое потерять, но есть вещи, которые должны быть сохранены при любых обстоятельствах.

— Муж дома? — неожиданно для себя, спросил Сева.

— Нет, наверное, у своей любовницы, да теперь это не имеет никакого значения, мы расстались и с этим покончено раз и навсегда.

— Простите за назойливость, вы давно женаты?

— Семь лет, а что?

— Я тоже был женат, теперь холост, имею на руках двух малолетних детей — сына пяти лет и дочь трёх лет.

— А где же жена?

— Не выдержала полуголодной жизни и уехала в Москву к своему богатому однокласснику.

— Что ж, её можно понять, не каждый способен выдержать трудности и лишения повседневности, но я вижу вы не особенно переживаете, так?

— Поначалу хотел всё бросить, даже искал работу, но вовремя одумался — её запросы оказались несовместимы с моими возможностями.

— И теперь вы холостой, одинокий и с опаской посматриваете на женщин, я угадала?

— Так и есть, попали в самую точку. И потому, учитывая, что сегодня уже поздно начинать работу над портретом, предлагаю поужинать в ресторане «Волна» там очень неплохая кухня, согласны?

— Послушайте, Сева, коль вы приглашаете меня в ресторан, не пора ли нам перейти на ты?

— Давно хотел предложить, да всё не решался.

Зал ресторана ничем особенным не отличался от таких же кабаков. Одно отличие всё-таки было — вся задняя стена была расписана под Айвазовского и его девятый вал.

— Как тебе картина? — указывая на стену, спросил Сева. — Мой приятель расписал, заработал на этом кучу денег и бесплатный стол в этом заведении.

— На старушках кучу денег не заработаешь, — улыбнулась Светлана.

— Это уж точно, но, как говорится — каждому своё. А вот и наш столик, прошу. Что будем пить? Предлагаю шампанское.

— А я предлагаю выпить водки, шампанское потом, когда закончим портрет.

С этими словами Светлана подняла рюмку водки и мелкими глотками выпила её, и тут же налив ещё рюмку, одним глотком проглотила огненную жидкость.

— А теперь берём закуску, бутылку и к тебе в мастерскую. Хочу посмотреть на твоё творчество, — неожиданно поднимаясь из-за стола, заявила Светлана.

Наутро, заехав за матерью, они на машине отправились в Горную Шорию, в деревню Кардай, к шаману Барбаю.

Шаман Барбай оказался совершенно обычным, ничем не примечательным шорцем, и только острый изучающий взгляд его чёрных глаз выдавал природный ум и незаурядную силу воли. В первое мгновение их встречи Барбай изучающе оглядел гостей и приказал:

— Проходите в дом, будьте моими гостями, — и, внимательно оглядев женщин, добавил. — Чем смогу, тем помогу.

Затем отозвал Севу в сторону, покачал головой и сказал:

— Поздно ты мать привёз, ей я помочь не смогу.

Ближе к вечеру Барбай неподалёку от дома разложил костёр, установил над ним треногу, подвесил на неё большой котёл, наполнил его водой, куда засыпал охапку каких-то трав. Через три часа, когда стемнело, он позвал гостей, взял в руки бубен и долго кружил вокруг костра, напевая гортанным голосом какие-то заклинания. Потом, зачерпнул из котла железным ковшом отвара, поднёс его женщинам и велел:

— Пейте, каждая по десять глотков. И так будет каждый день — утром, в полдень и вечером по десять глотков, а потом по два часа утром и вечером прогулка в кедровнике,

Уже через полмесяца Сева стал замечать перемены в облике и поведении своих женщин. Их лица порозовели, появился аппетит, они с удовольствием гуляли в кедровом лесу и с лёгкостью поднимались на невысокие сопки.

В эти дни глядя на мать, на её посвежевшее лицо Сева вдруг засомневался в приговоре шамана. И однажды, подойдя к нему, в упор спросил:

— Барбай, может быть, ты ошибся? Смотри, моя мать чувствует себя намного лучше, может быть не всё потеряно?

Барбай окинул суровым взглядом Севу и тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Это временно, ей осталось жить не более недели.

С этой минуты Сева, отложив в сторону свои художественные занятия, практически не отходил от матери, сопровождая её на прогулках, ежеминутно ожидая рокового конца.

Иногда он всё же брался за кисти и писал картины с необычными закатами, когда солнечный диск скрывался за самой высокой сопкой и огненное сияние озаряло ярким оранжевым светом всё вокруг.

— Удивительное зрелище, я потрясена, — подходя к Севе и обнимая его за плечи, воскликнула Светлана.

— Я тоже такое вижу впервые, это возможно только в горах, — оборачиваясь к Свете и целуя её руки, ответил Сева.

— Ещё больше я восхищена тобой, как ты смог так точно пере-

дать увиденное! Потрясающе, ты гений, я люблю тебя, — целуя Севу в щёку, шептала Света.

— И я тебя безумно люблю, — целуя её, ответил Сева и, помолчав, добавил. — Света, а не пора ли нам заняться твоим портретом? Ты выглядишь прекрасно, Горная Шория с её горами и лесами делает чудеса.

— Всё, завтра начинаем работу над твоим первым портретом, — тоном, не терпящим возражения, заявил Сева.

Стоя в стороне и наблюдая за молодыми, Нюра вдруг ощутила безмерную радость за сына, она поняла, что Севе нужна именно такая женщина, как Светлана с её мягким добрым характером, готовым на самопожертвование. Она подошла к молодым и, обнимая их, воскликнула,

— Ребята, вы прекрасная пара, вы удивительно подходите друг другу, не пора ли подумать о свадьбе?

— Мама, я готов. А ты Света?

— Я за.

— Когда вернёмся домой и непременно обвенчаемся, — радостно вскричал Сева.

И в это время Нюра неожиданно пошатнулась и медленно опустилась на землю. Сильнейший приступ кашля потряс всё тело матери, и когда Сева склонился на ней, она прошептала:

— Севушка, сыночек, прости и прощай!

Затем она как-то неестественно изогнулась, изо рта хлынула густая кровавая масса, её руки вцепились в траву, ноги свела судорога, и в следующее мгновение её многострадальная душа обрела вечный покой.

Высоковск, 2019 год

Мне бы хлебушка...

Рассказ дочери

День промозглый, холодный. Ветер временами так разгонялся, что за одну минуту морось, висящую в воздухе, переносил через весь Арбат от Дома актёра до ресторана «Прага». Забежала, как обычно, в кафешку в самом начале Арбата — купить что-нибудь на обед, чтобы потом в офисе съесть не отрываясь от работы.

В кафе тепло, в витрине за стеклом разложены разномастные бутерброды: разрезанный вдоль батон с разными начинками. Таких, которые брала обычно, не оказалось, остальные как-то не приглянулись. Встала в очередь в кассу — там разливали в высокие картонные стаканы с крышками разные супы, кофе, чай. В очереди впереди оказалась старенькая бабуля — скромно одетая, на бездомную не похожая, но почему-то очень промёрзшая, дрожащая. Ей как раз передали стакан с дымящейся жидкостью: суп там был или просто кипяток — непонятно, что-то мутное и горячее. Бабуля двумя ладонями обхватила горячие бока стакана, согревая дрожащие руки, едва слышно попросила:

— Мне бы хлебушка...

В ответ резкое, как пощёчина:

— Нету хлеба!

Бабуля отошла к дальнему столику, села в уголок. Потихоньку отпивая содержимое, продолжала греть руки о стакан.

Едва сдерживая слёзы, взяла себе суп из лосося, приготовила двести рублей и пробираясь к выходу, мимоходом, чтобы не привлечь внимания посетителей, не смущать бабулю, положила рядом с ней деньги, сказала тихонько:

— Возьмите себе любой бутерброд, — и быстро, боясь расплатиться, пошла к выходу.

Но незаметно не получилось, вслед мне громкое, отчаянное:

— Деточка, это много! Мне сто рублей хватит, мне бы только хлебушка! Возьми сто рублей обратно!

Слёзы предательски заполняли глаза, готовые пролиться. Ну не должен старый человек оказываться в такой ситуации, что бы в жизни ни происходило! У самых дверей обернулась — махнуть бабуле, чтобы оставила себе все деньги. Бабуля протягивала мне в след сторублёвку. Бумажка прыгала в дрожащей руке. По морщинистым щекам катились слёзы.

(1934–2009)

Мы из школы № 5

Игорь Юрьевич Тараканов выпускник 1950 года. После окончания школы работал на заводе КЭМЗ, отсюда был призван на флот. Дальнейший жизненный путь связан с работой на КЗАМЭ, затем в КНИИТМУ.

И. Ю. Тараканов — поэт, художник и певец, лауреат Всесоюзного конкурса военной патриотической песни (1985 г.). Сохранилась тетрадь с его рукописными стихами и картина, подаренная школьному музею.

Идёт весна

Опять весна, звенят капли,
Весенний воздух и ручьи.
Звенят повсюду птичьи трели,
И ходят важные грачи...

Душа поёт, ты вновь моложе!
И в венах кровь сильнее стучит!
И ничего уж не тревожит:
Весна идёт, весна шумит...

Долгожданная встреча

Я вижу зал вновь пятой школы
Глаза родных учителей.
Здесь мы росли толпой весёлой
В дни давней юности моей.

И воздух этот упоённый,
И эти классы, коридор.
И школьный гул, так мне знакомый.
В ушах у нас он до сих пор.

Бывало холодно зимою,
Чернила мерзли на столах,
Полуголодные, не скрою,
Учились в этих мы стенах.

И в этом зале вижу лица
Я одноклассников своих.
Мечта моя смогла всё ж сбыться,
Увидел нескольких из них.

Мы все сейчас помолодели,
Отбросив прочь назад года,
И лица наши посветлели,
Мы стали тише, как тогда.

Жаль, мало тех, кто нас учили,
Поклон всем низкий до земли,
Они же душу в нас вложили
И всё отдали, что смогли.

Мой старый парк

Старый парк над рекою стоит,
Вековые в нём липы шумят,
Вам лишь кажется, что он молчит,
Но деревья там говорят.

Говорят о любви, о цветах,
Меж собою толкуя в тиши,
О напетых в аллеях стихах,
О влюблённых в укромной глуши.

Слышат музыку разных эпох:
Вальсы, танго, фокстроты и твист,
И гитар нежный, трепетный вздох,
И рёв «магов», транзисторный свист.

Радость видел и горечь разлук,
Видел слёзы в ночной тишине,
Видел нежность и ласковость рук,
Видел звёзды в ночной вышине.

Ты всегда, добрый парк, был для нас;
Укрывал нас, влюблённых, листвою.
Так же всех укрываешь сейчас
И от солнца, и в дождь проливной.

Так служи ещё тысячи лет!
И встречай над Окою рассвет.
До конца будь всегда молодым.
Будешь так же ты всеми любим!

Их всё меньше и меньше

Посмотрите на них,
Как их мало осталось.
Кто прошёл путь войны —
То России сыны.

Им, живущим сейчас,
В своё время досталось!
Это те, кто зовутся
Ветераны войны.

У них грудь в орденах,
За раненья нашивки;
Их военные раны
Ночами болят...

Эти шрамы-рубцы —
Не следы от прививки,
О которых не принято
Говорить у солдат.

Их всё меньше и меньше,
Годы делают дело.
Как в жестоком бою,
Тает ратников строй!

Улыбнись им при встрече,
Чтоб их сердце согрелось,
Им улыбка — награда,
Им не надо другой.

Родилась в 1970 году.

Окончила школу в 1987 году. Будучи ученицей, занималась в литературном объединении «Вега» при редакции газеты «Молодой ленинец», где и было опубликовано ее первое стихотворение. К окончанию школы имела уже около пятидесяти публикаций. По окончании КГПИ им. К. Э. Циолковского работала учителем, редактором, писала методические и учебные пособия, статьи, очерки, стихи.

Самая значительная работа — книга «Иван Ефремов» в серии ЖЗЛ (в соавторстве с Н. Смирновым) и издание переписки И. А. Ефремова.

Осенняя калуга

Осенняя Калуга. Лужи, листья
И тонкий аромат сырого бора.
Да будут сокровенны разговоры,
А свечи фонарей тепло-лучисты.

Да будет шестиструнная гитара
Нам петь о беззаветном и заветных.
Трепещут капли на кленовых ветках.
Разносит эхо дальние удары:

Двенадцать бьёт на старой колокольне...

Мы — дети рубежа тысячелетий. . .

Мы — дети рубежа тысячелетий.
Мы не в стране живём, а на планете,
Мы чуем боль на каждой из широт.
Пожары, наводнения, цунами —
Всё это происходит точно с нами,
По жилам нашим боль миров течёт.
Да, мы живём у временной рассохи,
В себя вбираем жадно все эпохи.
Уйдя за грань земного бытия,
В себе превозмогая человека,
Мы штопаем разорванного века
Обугленные слёзные края.

* * *

Иду. Смотрю. И чувствую дорогу.
Босые ноги. Колкая стерня.
Победа по-славянски — перемога.
Зовут кого-то. Кажется, меня.

Конечно.
Бесконечная грунтовка.
Орешник гладит шапку седока.
В засохшей луже виден след подковы —
Читается как красная строка.

Узкоколейка. Травы по колено,
Затем по пояс. И название — Рвы.
И липы вдоль дороги неизменны,
А у колодца — изумруд травы,

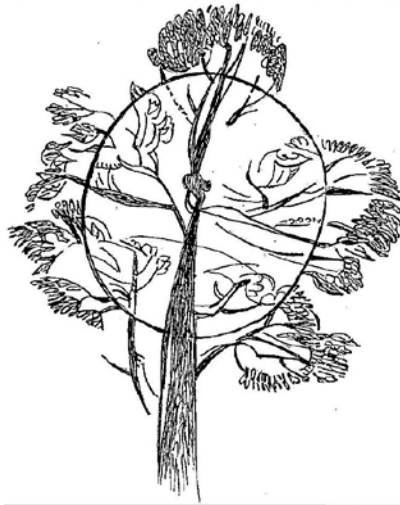
И ртутное движение автострады,
И взлётное движение полосы.
Иду. Смотрю. И большей нет награды,
Чем быть по пояс мокрой от росы.

* * *

О, как люблю твои изгибы,
Моя прекрасная Ока,
Когда нашёптывает гибель
Неутолённая строка.

О, как люблю твои откосы,
Освобожденье от оков,
И льдин звенящие торосы
На влажной глине берегов,

Нить фонарей в дрожащей влаге,
Густой черёмуховый плен
И солнца огненные шпаги
В струенье родниковых вен.

(1984–2011)

Окончила 9 классов средней школы № 5 г. Калуги в 1999 году. Поступила в Калужское музыкальное училище им. С. И. Танеева (выпуск 2003 года). Получила высшее музыкальное образование в Государственной классической академии им. Маймонида (г. Москва, выпуск 2008 года).

Первые стихи написала в детстве, в 8—9 лет. Дебют, как поэта, состоялся в альманахе «Истоки» в рубрике «Новое имя» (2009 г.). В том же году вышел первый сборник стихов «Шаг до любви». В 2010 году поступает в Московский институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ), но окончить не успела. Утром 5 октября 2011 года после тяжёлой и быстротечной болезни перестало биться её сердце. Она жила, как будто находилась в полёте, словно знала, что полёт вот-вот может прерваться.

День памяти — 5 октября 2011 года. В этот же день вышел из печати второй поэтический сборник «Осенняя пастораль».

Стихи Татьяны публиковались в альманахе «Истоки» (2012—2018 гг.), в Международном литературном альманахе «Муза» Валерия Лебединского (2015–2018 гг.), в «Антологии «Шедевры «Музы» — Юбилейный выпуск». В № 31 литературного альманаха «Муза» — опубликована «КНИГА В АЛЬМАНАХЕ» (22 страницы). В 2018 году вышла из печати книга «Прикосновение любви» в твёрдом переплёте, в цвете, с фотографиями и рисунками, раскрывающая наиболее полно талант Татьяны.

Подражание Александру Пушкину

Как грустно это понимать,
Что ты в поэты не годишься,
Что славой ты не насладишься,
И, что стихов тебе в журналы не писать.

Своим мечтам, друзьям, любви —
Не посвящу я стихотворные страницы,
Лишь равнодушные, боясь увидеть лица,
Узнать, что тщетны все старания мои.

Мне чувства добрые в сердцах не пробуждать,
Мне недоступен дар волшебный.
Бальзам мне в души не пролить целебный,
И новым Пушкиным для вас не стать.

Но всё же рифмы я слагать умею.
И отпишу положенный мне труд.
А вдруг мои старанья даром не пройдут:
Мечту заделаться поэтом я имею...

Надеюсь (кто из нас надежды не питает),
Что пессимизм был не оправдан мой,
Что Муза может подружиться и со мной,
И на надежды крыльях я уже в мечтах витаю...

*1997—1998 гг.
(из ранних стихов)*

Калуге

Ты спокоен мой маленький город.
Не в затишье ли перед бурей?
Я, наверно, умоюсь скоро
Высотой его ясной лазури,

И пойду по его аллеям
Одинокая откровенно,
Ни о чём никогда не жалея
В очевидно пустой вселенной.

Прощай

Прощай! — так хор многоголосый
Плывёт над городом,
Прощай? — опять звучит вопросом
И веет холодом.

Вот мы в толкучке привокзальной
Людское месиво —
Идем вдвоём, а ты печальный
И мне невесело...

Но вспомним, как с тобой смеялись,
И не раскаемся.
Раз так легко мы повстречались —
Легко расстанемся!

Расстанемся без обещаний
И без прощений,
Покурим у метро с вещами,
И по ступеням.

Ты спустишься, мелькнёшь в толпе,
Шаг ускоряя
Я помашу рукой тебе
И потеряю.

Потом пройду среди людей
Чуть-чуть серьёзнее.
Прощай! — последний летний день
Так шепчет осень.

Пилигримы и поэты

Всё в нём — простота и томность,
Лён волос и ясный взор,
Словно лёгкая условность
На картинах мастеров.

Ваши узнаю приметы —
Тонких черт туманный след —
Пилигримы и поэты
Прежних дней, ушедших лет.

И чарует голос нежный
Мягкостью и глубиной,
И безумная надежда
Вдруг мелькнет передо мной.

Но не станут откровеньем
Несколько случайных слов,
Он уйдет прозрачной тенью,
Полупринц из полуснов.

* * *

Мои мысли, как время, уходят во тьму...
В синем воздухе ночи: растворяюсь, тону.
Подо мной, словно море бенгальских огней,
Надо мной только ночь — миллионы ночей...
И ветер так нежно шепчет во тьме,
Как будто в любви признаётся он мне...

Демонизм в музыке Ференца Листа

В этот раз выбирать тему было очень непросто, потому что музыка эпохи Романтизма рождала и рождает в моей душе такие эмоции, о которых, в общем-то, нет слов, да и говорить о них не хочется, а хочется чувствовать снова и снова.

Я два раза прочитала список с начала до конца и с конца до начала. И вдруг вспомнила, что в училище одно время у меня было прозвище «Лист» за характерный пиджако-сюртучок, задумчивое выражение лица и большую любовь к фортепианной музыке (даже большую, чем к музыке родной скрипичной). И это воспоминание определило выбор темы, о которой я сегодня пишу.

Что всегда привлекало меня в творчестве композитора, так это ощущение бескрайнего неба над головой. Вся его музыка вызывает стойкое видение чистой лазури, которую иной раз можно увидеть на нашем морском юге или в Италии. Откуда же демонизм, какие — такие дьявольские образы?

А вот откуда — из названий произведений композитора, данных его собственной рукой.

Однако справедлив другой вопрос — можем ли мы утверждать, что увлечение демонизмом сделало творчество Ф. Листа разрушительным? Что его музыка не даёт надежды, положительных эмоций, что она повергает в пучину адских страданий и пр.?

Мой ответ — нет. Но тогда зачем же он нужен композитору, почему так подробно разрабатывается демонизм особенно в первой половине жизни?

Я, как человек религиозный, иногда размышляю на эту тему. Мне кажется, что это — один из тех философских вопросов, который каждый решает для себя индивидуально. И здесь я так же хотела бы поделиться своим мнением.

Что мы знаем о Дьяволе? Пожалуй, не осталось уже людей, которые бы не слышали легенду о том, что Дьявол — это лучший ангел Господа, который так возгордился продвижением «по служебной лестнице», и от этого решивший, что он выше Бога. За это Господь поставил Дьявола с другой стороны мира — властвовать над «тьмой». В этой истории есть бунт, есть протест, который так мил сердцу художников—романтиков. Молодость привлекает неповиновение, каждое следующее поколение детей борется с отца

ми, и юноши, воспитанные ветром Революции, нуждались именно в таком герое — гордом, непокорном, свободном. Однако каким мы видим в итоге Демона в художественных произведениях? У Лермонтова, Врубеля? Да и у самого Листа? Разве это вселенское зло? Разве хочет Демон сеять хаос и тьму вокруг? Пусть бросит в меня камень тот, кто так считает!

Демон чувствует любовь, Демон спускается с небес, Демон бывает повержен — воистину, в нём есть что-то человеческое. Никогда мы не видим Демона творящим зло ради зла, сознательно идущим против Бога, чтобы Господь исправлял его дела. И недавно у меня закралось сомнение о том, что фигура Демона, Дьявола такая однозначная, как нам представляет это Священная книга.

Что, если Дьявол вовсе не «плохой» ангел, а отражение Бога? И это Его вселенский замысел? Что, если Он поставил своего лучшего ангела с другой стороны мира быть Его отражением именно потому, что знает — этот ангел Его не предаст, не нарушит гармонии, будет служить созиданию?

У зла есть свое предназначение: без холода мы бы не знали тепла, без света — тьмы, без смерти — жизни.

Таким образом, я утверждаю, что Демон — часть Бога, и творчество Листа первого периода жизни на самом деле так же пропитано религиозностью, как творчество И. С. Баха.

И именно это делает логичным тот факт, что в старости Ф. Лист принимает сан, по-видимому, композитор всю свою жизнь был верующим человеком и размышлял над вопросами мироздания, что и нашло отражение в его музыке.

Для меня Ференц Лист остается художником, который видел небо и может показать его нам, простым смертным.

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Александр Дыбин

Под русским небом

Я на Кубе и в Африке не был —
Мне неведом тропический зной:
Наше хмурое русское небо
Скупое слёзы лило надо мной!

Никогда не видал краснозёмы
И волшебный египетский ил:
Мне лишь русские почвы знакомы —
Лишь суглинок я с детства месил!

Там вздымают валы океаны
И лазурно сверкают моря —
Мне же дороги эти туманы
И унылая эта заря...

Я в поля сиротливые эти
С нежной грустью фатально влюблён,
В этот самый родной на планете —
Пусть давящий свинцом — небосклон!

В запустелые те деревушки,
В закоптелые те города,
В уцелевшие чудом церквушки,
В посещающих их иногда

Прихожан, безысходно усталых
От извечных невзгод и химер,
От напастей великих и малых,
От нелепых «спасательных мер»!

Не сберегших в пожарах эпохи
Веру, Правду, Надежду, Любовь...
Соберём ли всё это по крохе,
Чтоб воспрянуть когда-нибудь вновь?

К России

Навек два континента съединив,
Раскинув на двухстах меридианах
Всю бесконечность гор, лесов и нив,
Ты раны омываешь в океанах!

Америка, Европа и Китай
Который век соседствуют с тобою;
Пройдя чрез ад, ты завоюешь рай
В борьбе с суровой, трудною судьбою!

Простор пространства и простор души;
Твои всемирность и всечеловечность:
Все страны мира чем-то хороши,
Но в твой нетленный лик глядится Вечность!

Ты в ней запечатлеешься, как Рим;
Как древняя и мудрая Эллада;
Прости за всё, что мы с тобой творим!
Избавься от разора и разлада!

Создатель русского Парнаса А. С. Пушкин.

Аристократ — и правнук эфиопа;
Трибун и лирик, ёрник и мудрец;
От самого Всемирного Потопа
Такой души не создавал Творец!

На вкус толпы — довольно безобразный,
Со светлой — хоть и чёрной — головой,
Всегда неподражаемый и разный,
Гонимый Светом, травленный молвой,

Великую себе снискавший славу,
Но живший, на судьбу свою ропща,
И, наконец, упавший в снег кровавый
От глупой пули глупого хлыща!

Он сетовал порою на Россию;
Порой свой жребий гневно проклинал,
Но был он для Отечества Мессией -
И временами это понимал!

Его Онегин и его Татьяна;
«Полтава», и Людмила, и Руслан...
В его стихах — и рокот океана,
И стоны в рабство ввергнутых крестьян...

И Божья благодать — и Божьи громы;
И грохот битв — и робкий поцелуй...
И избы — и роскошные хоромы;
И царь державный — и дрянной холуй!

Он патриот — и гражданин Вселенной;
Он слил в себе и Запад, и Восток;
Воздвиг себе он памятник нетленный -
Но как он был непонят, одинок!

Как дорожил порою мненьем Света -
Придворной черни, фатов и кутил!
Как мучился от их пустых наветов!
Как ненавидел! Как упорно мстил!

Что ж — Бог ему судья: ведь даже гений -
Не более, чем только человек...
Но преклоняем перед ним колени:
Таких, как он, родит не каждый век!

Памяти Сергея Наровчатова (К столетию рождения)

Все помнят одного Сергея,
Что был в поэзии король.
Однако утверждать посмею:
Незабываемую роль,

Словесной магией владея,
Сыграл потом другой Сергей:
Он был бесспорным корифеем,
Служа стихом стране своей!

Он возвращивал больших поэтов,
И «Новый мир» при нём блистал:
Был маяком добра и света,
К достойной жизни призывал!

В двух войнах был он доброволец,
Военной доблести певец,
Душой — горячий комсомолец,
И сердцем — пламенный борец!

Теперь таких давно не видно:
Страна идет иным путём,
И стыдно, горько и обидно,
Что забываем мы о том,

Что были прежде идеалы,
И Наровчатов верил в них:
Добра он сотворил немало,
Влагая душу в каждый стих!

Александрю Исаевичу Солженицыну
(К столетию рождения)

Ты — мученик «зловонных труб «ГУЛАГа».
Он выстрадан — твой мрачный пессимизм!
Всегда клеймил ты с дерзостной отвагой
Мрак сталинизма; тухлый брежневизм;

Позор и кровь афганской авантюры;
Цинизм и лицемерие вождей;
Засилье догм, неистовство цензуры,
Забитость в рабство ввергнутых людей!

Ты в клочья рвал сердца и ранил души
Всем тем, что претерпел и вынес сам:
Десятки лет врывается в наши уши
Твой голос по различным «голосам»!

Тебя травили штатные писаки;
Не раз сажал всемогущий КГБ:
Ты точно знаешь, где зимуют раки,
И что у нас на «Г», и кто — на «Б»!

И, воскрешая даты роковые -
То страшный Август, то — шальной Февраль,
Ты вопли погибающей России
Доносишь к нам сквозь вековую даль!

А вот и Цюрих на альпийских склонах.
И Ленин в нём — ну прямо как живой:
Грозит владыкам, что сидят на тронах...
И мнит себя Евразии главой!

Все слабости его и все причуды
Ты беспощадно вытащил на свет:
Всё, что о нем писали лизоблюды -
Поблекло, сникло и сошло на нет!

Но нет кощунства — есть лишь неприятье
Пусть и великих, но опасных дел:
Мы ощущаем, что лежит проклятье
На всём, в чём он как — будто преуспел!

Ты — самый мрачный из пророков наших.
Но грех тебя порочить и винить:
Мы все, как видно, мало ели каши,
Чтоб вклад твой в наши души оценить!

Роковая дата

(К столетию февральской революции)

Сколько рухнуло гордых монархий!
Сколько их превратилось в декор!
О свободе взывающих хартий
Сколько рвалось порой на простор!

Но у нас всё ведь как-то особо —
Что нам опыт «каких-то Европ»:
В наших Богом забытых чащобах
Здравый смысл загоняется в гроб!

Николай был неважный правитель,
Но, отрекшись, он предал страну:
Стал хозяином в ней разрушитель,
Прекративший большую войну,

Но затеявший братоубийство,
Заклучивший позорнейший мир,
Среди голода, смут, кровопийства
Утвердивший в стране Антимир!

А потом мы познали «власть Ксеркса»:
Как же жили тогда тяжело!
Вождь-вампир жесточайше и мерзко
Власть использовал только во зло!

После — долгий этап разложения,
И печален был общий итог:
Униженьем, маразмом, растленьем
Покарал нас разгневанный бог!

Но далёки мы от покаянья,
И умнеть, как всегда, не спешим:
Большинство выражает желанье,
Чтобы Сталин стал снова живым!

Рабский дух вкупе с гонором глупым —
Вот, поистине, адская смесь:
Сколько ж бед, преступлений и трупов
Из-за этого в прошлом и днесь!

Без «царя в голове» жить опасно —
Так что нужен нам «батюшка-царь»:
Без короны — ну, что ж — распрекрасно:
Лишь бы мудрый он был государь!

Художник, корифей, изобретатель (К пятисотлетию кончины Леонардо да Винчи)

Он университетов не кончал,
А изучал свободные искусства.
Но гениальным инженером стал:
До сей поры пленяют наши чувства

Не только то, что видим на холстах,
Но чертежи таких изобретений,
Что отстоят чуть не в пяти веках
От тех давно ушедших поколений!

А как он человека изучил,
Разъяв его на мелкие детали:
Гармонию он алгеброй крепил —
Но люди его мало понимали:

Уж слишком он опередил свой век —
Обычная судьба таких титанов,
Но этот гениальный человек
Величием подобен океану!

Пусть пол-тысячелетия прошло,
Как он ушёл из нашего из Мира,
Но от его творений нам светло:
Мы чтим в нём вековечного кумира!

Монах-бунтарь

(К пятистолетию начала Реформации)

Простой монах из городка глухого
На марках ФРГ запечатлён:
Поколебать сумел мятежным словом
Дотоль неколебимый папский трон!

Прогнила Церковь, папы измельчали,
Скатившись в лицемерье и разврат.
Грехи за деньги людям отпускали:
Платите нам — не попадете в ад!

За чистоту и честность перед Богом
Затеял Лютер тяжкую борьбу,
И шёл всю жизнь тернистою дорогой,
Неся, как крест, суровую судьбу!

«На том стою и не могу иначе» -
Вот истинно достойные слова!
Всевышний даровал ему удачу:
Протестантизм вступил в свои права!

Ни убежденьем, ни войной жестокой
Не смог Рим одолеть «еретиков»,
И, уступая времени потоку,
Теперь он тоже вовсе не таков:

Избавившись от множества пороков,
Он чище, благородней нынче стал,
Вернувшись к тем своим святым истокам,
К которым Лютер страстно призывал!

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

ВЛАДИМИР ХОХЛОВ

Лауреат литературных премий. Делегат 7 съезда писателей России. Сказки и стихи поэта переведены на языки народов мира. Автор известной поэмы «ТРИНАДЦАТЬ».

Из книги «Кащеевы времена»

Зачем опять вздыхает стог
Своей соломенной плотью,
Он под седой копной продрог
Апрель, и дело — к половодью...
Текла луна унылым светом
В давно некошенных лугах,
Она с рекою прошлым летом
В бетонных билась берегах...
Из рваных туч к рассвету небо
Сошьёт кощеева игла,
С полей солома вместо хлеба
На ток машинами текла...

Я возвращался в отчий дом
К полуразрушенным лачугам...
Я это знал родным селом
В лугах гулял, ходил за плугом...
Смотрел, как солнце небо пьёт,
Припав губами жадно к речке,
Как по земле струился пот ...
Как конь заката гривой тряс
Лизал туман у водополя,
И небо падало на нас,
устав от жуткого покоя...

Мой огород не полот и не полит,
Всё полонила сорная трава,
Я с детства знаю, что такое голод,
А дом, где вырос — продан на дрова!
И кормит нашим счастьем печку
Бог весть откуда пришлый человек:
Пьёт мёд, плюётся в нашу речку
Поганя кровь живых, и мёртвых рек...

Доныне, друг мой, пустота
Жуёт исконные места,
Обилием не смотрит Небо
На урожаи льна и хлеба...
Кругом теперь оседланные реки,
Их гордый голос сломлен на века,
Но кто сумел постигнуть в человеке
Природу Слова, Мысли, Языка...
Спешит вода среди равнины
Играя солнечным лучом...
Ползут дороги, выгнув спины,
И ветры плещут кумачом
Из рваных туч крыла рассвета
Кошcea штопала игла,
С лугов трава навстречу лету
Зелёной кровушкой текла...

* * *

Зарубиной Елене

Я — старушка-развалюшка,
На хромой ноге избушка.
Без прицела в поле пушка.
Я — кастрюля без еды.
Я — пожарный без воды.
Колокол без языка,
Истина на все века,
Я — безрукого рука.
Без охраны важный пост,
Пропуск на сожжённый мост,
Ключ от проданной квартиры,
Где тебя давно убили.

Заблудившиеся мысли,
Что петлёй на вас повисли.
Ночь на свадьбе без невесты,
Арестантские протесты.
Я — корона без царя,
Посох без поводыря.
Я — рабочий без работы,
Я — без мёда в улье соты,
Я — пикетчик без пикета,
В небе без мозгов ракета.
Я — улыбка с того света,
Я — со Сталиным газета...
Я — до правды настоящий,
Я — для всех вперёд смотрящий,
И ни с кем не говорящий.
Я — советник без советов,
Я — кондуктор без билетов.
Я — планета без людей,
Среди зла без зла злодей.
Мысли чьи-то без цепи,
Господи, меня прости!
Я, что исповедь чужая,
Рана, чья-то ножевая.
Магушки прощальный взгляд,
Что унёс в могилу брат.
Я — без денег в церкви кружка,
Я — твой сон, твоя подушка.
Я — кровавый русский пот
Из штрафных убитых рот...

© ХОХЛОВ Владимир Ильич

* * *

Той старой ели
У скупой могилы
Уже не было
Здесь покоятся мои предки
Они владели
Величием Духа.

Чаша

Во сне скупом
В безлиственном лесу
Из времени земного
Ветвились тропы нелюдимо.
На развилке, у векового пня —
Прабабушка моя — Клавдия Васильевна —
Иконописный лик.
Впервые в свет её вошла,
И мне дала она
Добротную одежду
И чашу, полную воды,
Но горька вода,
Клавдия Васильевна
Смотрела — улыбалась —
До конца испей.
И осталось несколько глотков
Мгновенно я перенеслась
В изысканно-безмолвный
Деревянный дом.
И стала родниковой —
Горечь вся ушла,
Из вечного источника — вода.
И в свете незаметно
Стоял мой гроб,
И тишина.

Давний сон

То давний сон.
Спокойно было утро.
Дороги кладбища пусты.
Меня ведет какой-то человек.
Он существо духовных сил,
Но не монах,
И человеком на земле не жил,
Но был на ней, пока и я была.
Идём мы через кладбище в пространство.
Тропа могил — лишь переход,
А жизнь идёт, оставшись позади.
И так мы шли,
И свет неземного старца покрывал меня.
Он был высок.
«Твоя могила позади», — сказал он просто и светло.
Я оглянулась, и смотрю:
У самой дороги, могила старая моя:
Растёт на памятнике мох...
Хочу увидеть годы жизни,
Но вижу только имя:
Закрыты годы от меня:
Трава волной на памятник нашла..

* * *

Ритмы стихов —
Затаённое прошлое,
Ждёт за порогом
Звёздное небо,
И впереди — тишина.
Лариса Николаевна Васильева
Отошла в заснеженное время,
В незримый свет
Она вошла неслышно
На мгновенье...
Навсегда.

Провиденье

Арво Метсу

Наши мысли в пути:
Они рождаются с закатом,
Уходят в вечность на восходе.
Он Духом был.
И лес спокойный
Стоял, возвышенно-осенний,
От земли в небеса
Проходила дорога огня.
Моего коснувшись сна,
По ней уходил Арво Метс,
Долгим взглядом прощаясь с землёй.
В сердце его стихи.
И это было провиденье.

Уход

Земную жизнь душа не забывает
В вечность отошёл
Воин Василий Субботин.
Во сне сокрытое открыли небеса:
Поднялся из гроба поэт,
Пределы церкви оглядел,
И вышел из неё спокоен
В неведение я таинство остановить пыталась.
И знак сошёл:
— «Да, он Воскрес,
Так и быть должно.
И должно отпевать.
И надо хоронить».
Майским светом дух его прошёл
В вечное сияние небес.
И был он Велик.

Незримые беседы

Во сне открылись небеса молчаньем
И ясно исходил на землю свет.
Меня укрывал он от пробужденья.
И в небе жизнь текла своим чередом.
Неслышно и незримо продолжались судьбы.
Надо мной в пространстве вечном поэт Субботин,
Высок и сед,
Отошедший от земного бытия,
Среди духовных лиц, незримую беседу вёл.
Они беседуют лишь с теми,
Чей путь земной, не отклонившись, с духовным слился:
В свете, он будет продолжаться после смерти.
Я стремлюсь всем сердцем, всей душой
Соприкоснуться с миром занебесным.
И отвечало небо тишиной.

Поминовение

Безмолвно продлеваются в душе
Заснеженные образы друзей:
Из вечности, сквозь сны
Поэт Субботин посетил
Свой поминальный день.
И в дом вошёл,
И сел за стол.
Среди других —
Он — Дух.
Ему подносили вино,
И пищу земную,
Лишь с улыбкой смотрел на родных.
Тихо встал и ушёл за порог.
И не иссякла тишина.

Таина тайна

Тихий июньский вечер, ничем не отличающийся от вчерашнего, медленно растворяет дневной зной. Тая подоила корову и, выпустив её со двора пастись, прибрала в погреб свежее молоко. Шестнадцатилетний сын Шурик парное молоко не пьёт. По привычке женщина крепит к багажнику пустую трёхлитровую пивную бутылку, садится на велосипед и удаляется от дома. Она едет к роднику в трёх километрах от окраины Ивановки — селения крепкого, хоть и хватившего лиха в непредсказуемые девяностые. Таких сёл в таёжной сибирской глубинке осталось немного. До Перестройки Ивановка была центральной усадьбой крепкого совхоза. На возвышении, где прекрасно вписалась бы деревенская церковь, стоит получившая евроремонт средняя школа. В советские времена кроме ивановских непосед в ней училась ребятня из семи соседних деревенок. Рядом был интернат, где Тая работала воспитателем. Теперь во всей округе сохранили жизненный ритм только Викентьевка и Принцессовка.

Спицы отражают лучи багровеющего предзакатного солнца. Слабый ветерок освежающе ласкает лицо, играет в выбившихся из-под бейсболки локонах светло-русых волос. Лучики отражаются от спиц и ободьев, не успевших покрыться налётом дорожной пыли. Велосипед легко взбегает на невысокие пологие пригорки и, немного разгоняясь, скатывается с них. Ничто не предвещает чего-то необычного и, тем более, зловещего. Не даёт подсказок на что-то недоброе и окружающая прелесть родной придорожной растительности, знакомой до кустика. Воды речки Татарки, что рядом с дорогой, неторопливо минуют изгибы берегов. Из-за ровного шуршания шин негромкое журчание и всплески воды не слышны.

Рабочий день пролетел в рутине дел. Сегодня пятница, конец рабочей недели. Ещё не закончились госэкзамены выпускников, а технический персонал и большая часть педагогического коллектива занимаются косметическим ремонтом классных комнат и помещений школы. Шпатлёвка щелей вдоль дверных и оконных окосячек, покраска стен, пола и ученических столов, затирка царапин, оставленных острыми предметами учеников, и много других работ, из которых и состоит ремонт — всё это было сегодня и без остатка заполнит ещё не один день. Не задействованы в ремонтных работах лишь те учителя, которые готовят детей к экзаменам или с детьми

младших и средних классов занимаются на школьной оздоровительной площадке.

Домашние дела и заботы остались дома, а дом отделён от велосипедистки прибрежным кустарником да небольшим расстоянием. В пути легко и беззаботно, как в далёком детстве, из которого часто наплывают сладостные воспоминания. На невысоком придорожном взгорке среди

зелени белеет набирающая цвет земляника. Никто из ивановской ребятни не в состоянии устоять перед соблазном отведать ароматных сладких подарков природы — ягод спелой земляники. Как и в детстве Таи, нынешняя ребятня скоро будет ползать на четвереньках, наслаждаться ягодами, выискивая и те, которые прячутся под листочками.

Кое-где сквозь кусты успевшей отцвести черёмухи над невидимой водой проглядывает краснотал. Большая вода, которую в народе называют коренной, уходит. Почва не успела отдать влагу, накопившуюся от осенних дождей и растаявшего снега. На пути немало мест, где от дороги до обрывистого берега нет ни единого кустика. Тая вспомнила как на Пасху, проезжая этим маршрутом, почувствовала, будто кто-то затаился в кустарнике. Ей даже показалось, какое-то шевеление там, будто спрятавшийся человек пытался скрыться за кусты, остаться незамеченным. Тогда, набрав родниковой — хрустальной чистоты и прозрачности — водицы, она дома поделилась своими ощущениями. Приехавшие на праздник гости, советовали оставить велопрогоулки, не испытывать судьбу, но сказала же она тогда всем:

— Я здесь родилась, все знают меня. Всем известно, что никому ничего плохого я не сделала. Бояться мне нечего и некого.

— Сейчас до того кустарника ещё не один поворот, да и проезжала же я с той поры много-много раз мимо и тех кустов тоже. Наверное, тогда мне почудилось. Долой страхи, вперёд и только вперёд, — отбрасывая сомнения, продолжила крутить педали волевая женщина.

На мгновение тело наполнила робость, когда она увидела кого-то, опирающегося на толстую палку. Человека, шедшего от речки к дороге, Тая тут же узнала и, подъезжая, затормозила выяснить — что с ногой, нужна ли помощь. От резкого торможения цепь слетела со звёздочки. Тая наклонилась, чтобы набросить её на место.

Нет, родниковая водица — не главное в Таинных прогулках. Когда женщина переступает рубеж пятидесятилетия, ей не хочется поддаваться возрастным изменениям внешности. Она никого не посвящала в истинную цель поездок, но об этом догадывались не только домочадцы. Велосипедные выезды и есть то доступное средство,

которое способно сохранить стать, отодвинуть старение тела. И это удаётся Тае. При росте 166 сантиметров, вес её балансирует около семидесяти килограммов. Упругие бёдра подчёркивают талию. Паутинка мелких морщинок на загорелом округлом лице почти не заметна. Когда Тая смущается, щёк касается румянец. Наблюдательный мужчина мог бы сказать о ней:

— Женщина — приятная во всех отношениях!

Женское обаяние в ней великолепно дополняет скрытую силу. А сочетание силы воли с физической силой наталкивает на мысль, что именно такая, как она, «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт».

* * *

Возможно, что все эти качества и привлекли Никодима. Он — коллега. В Ивановке появился пару лет назад. Долго не мудрствовал и живёт с Наиной в гражданском браке. Тае, как женщине, приятно внимание мужчин, но чрезмерное внимание соседа не раз ставило её в неловкое положение. В сёлах, где каждый знает всех и каждого, нетрудно оказаться под огнём пересудов — это обстоятельство заставляло Таю дистанцироваться от коллеги. Втайне от мужа она даже советовалась с сестрой Людой, как поступать, чтобы, не унизив поклонника, не навлечь семейный разлад. К тому же, жена Никодима, Наина, поддерживает с Таей давние приятельские отношения.

Сейчас дома остался только Шурик. Муж Витольд должен был приехать сегодня, но, возвращаясь с вахтовой работы, задержался в Абакане купить билеты в Талды-Курган. С младшей дочерью Тоней поедут навестить пожилых родителей Витольда. В Ивановке он и Тоня с мужем будут только завтра.

Шурик не стал дожидаться приезда матери, пошёл в клуб, где вечерами молодёжь проводит время на дискотеках, или просто общается. Зная, что мама скоро вернётся, а ключ она не взяла, сын оставил дом незамкнутым. Вернувшись во втором часу ночи, парень не заметил, что матери нет дома. Её отсутствие им обнаружилось только утром. Но мать не появилась ни утром, ни позднее. Парень сообщил об этом отцу и сестре, когда они, перед обедом, приехали в Ивановку.

Начались поиски вдоль Таинового пути следования к роднику. Ивановский участковый Роман Прокопьевич сразу заявление об исчезновении не принял, сославшись на условности, существующие в сыском ведомстве. На следующий день к поискам подключились неравнодушные селяне. Осмотренные придорожные участки, оба берега и даже дно сквозь непрозрачную ещё воду речки к загадке

исчезновения ясности не добавили. Лишь на третий день на небольшом удалении от одного из огородов обнаружили бейсболку бесследно исчезнувшей женщины. Это был огород коренного жителя Ивановки, недавно вернувшегося из мест лишения свободы. Сама Тая не могла оказаться здесь по пути к роднику. Бейсболка могла упасть, если бы женщина вырывалась от кого-то, увлекающего её в это место. Возможно, что головной убор кто-то принёс сюда специально, чтобы навести следователей на односельчанина с криминальным прошлым.

Прошли ещё три дня поиска, когда недалеко друг от друга были найдены один из сланцев и припорошенный травой велосипед, со слетевшей со звёздочки цепью и с пустой бутылкой на багажнике. Всем стало ясно, что от дороги найденные вещи кем-то перенесены через речку. Подозрительным оказалось то, что во время вчерашних поисков там ничего не было — всё ждало своего часа где-то в другом месте. Внимательное изучение участка речки вблизи находок не выявило ни единого следа, которые могли бы остаться в иле или на осыпающемся грунте обрывистых берегов. Кто-то вспомнил о поваленной невдалеке берёзе, по которой, как по мостику, можно перенести велосипед.

Полиция из районного села Идрень приехала через неделю. К тому времени приехали и подключились к поискам братья, сёстры и дети Таи. Но и эти поиски оказались безрезультатными:

— Тая будто в воду канула, — говорили односельчане и жители соседних сёл о таинственном исчезновении женщины.

Племянница Дора, которая младше тёти на восемь лет, живёт в паре часов езды от Красноярска. В тот вечер исчезновения тёти, не зная о случившемся, почувствовала сильное недомогание и головную боль. Удивительное совпадение: когда умерла её бабушка Вера, она тоже сильно болела.

Возможно, что её связывает с кровными родственниками что-то большее, чем всех нас со своими родными.

Когда поиски не приносят успеха, родственники готовы ухватиться за соломинку, подающую надежду, отодвинуть занавес зловещей тайны. Сестра Инна с Витольдом посетили гадалку, известную всей округе. Та гадала по фотографии. Сказала, что женщина умерла не сразу, могла быть живой ещё дня три после исчезновения. Сказала, что смерть её была очень мучительной. Ездили они и к хакасскому шаману. Он сказал, что перед смертью Тая перенесла муки, а найдётся она в воде. О том, как долго женщина испытывала муки от издевательств, он ничего определённого не поведал.

Отсутствие результата поисковых работ общественность восприняла за бездеятельность правоохранителей. Пошли письма

и звонки в краевую полицию. Среди версий об исчезновении имело место и предположение о причастности к этому самих полицейских из Идрени. Они в тот день устраивали пикник около того самого родника, к которому уехала Тая. Найденная вместе с велосипедом бутылка была пуста — это наталкивало на мысль, что поездка велосипедистки оборвалась ещё на пути к роднику. Тогда участники пикника могли быть непричастны к исчезновению. Мысль мыслью, а недоверие к полиции, подозрение к причастности сокрытия преступления в народе Ивановки и соседних сёл оказалось устойчивым.

Таю, которая в последние годы работала учительницей начальных классов, знали и ученики, включая бывших, и родители учеников не только в Ивановке. Она была знакома многим жителям Викентьевки и Принцессовки и по периоду работы в интернате. Все переживали о постигшем родственников Таи горе почти так же, как и члены большой Таиной семьи. Люди требовали от полиции найти жертву и наказать преступника. Прошли три недели бесплодных поисков, когда приехали сотрудники из краевого центра, а вместе с ними и следователи из Идрени.

Днём раньше Инна с Витольдом в очередной раз обследовали местность. Витольд был там, где проходит дорога, а сестра — на другом берегу, недалеко от места, где найдены вещи Таи — велосипед и сланец. Инна, словно предчувствуя что-то, долго не уходила от берега. Всматриваться в дно и в берега, нет ли где подкопа, скрывающего труп, было страшно.

По пути домой она рассказала Витольду:

— У меня чувство, что наша Тая где-то там, рядом. Вряд ли оно ошибочное. В тот вечер, когда сестра уехала из дома, я была в Абакане. Как-то случилось, что я упала и сломала руку. Тогда, несмотря на собственную боль, почувствовала, что произошло что-то страшное с кем-нибудь из родственников. Не знаю почему, но я тогда ощущала, что это «что-то» случилось именно с сестрой.

— Вы — родные, кровные. Вполне возможно, что ты могла ощущать беду и на расстоянии, — согласился попутчик.

Инна вспомнила, что, будто чувствуя хозяйку где-то рядом, Рыцарь, дворняга Витольда и Таи, петлял по берегу.

— Лишь когда мы отошли от того места, собака продолжила поиски вдоль пути нашего следования, — молча продолжила воспоминания Инна.

Умолчала она о том, что Витольд видеть не мог, а ей показалось подозрительным. Тот обрывистый берег показался ей подрытым, а рядом с водой там лежали небольшой обломок бревна и толстая палка. Инне даже показалось тогда, что на земле около брёвнышка остались замытые дождями следы, кто-то потоптался там.

— Может быть, что кто-то рыбачил, сидя на обломке бревна, — нашла Инна объяснение подмеченному подозрительному факту.

От места, где родственники и односельчане нашли Таины вещи, полиция искала более тщательно. Ночью прошёл дождь, увеличившимся течением прибывшей воды часть ила унесло, обнажилось колено скрытого донным грунтом тела. Ниже по течению нашёлся второй сланец.

— «Поздравляю», Василий Петрович, с очередным «висляком», — сочувственно произнёс Роман Прокопьевич, обращаясь к начальнику Идреньского уголовного розыска.

— Ты прав, Роман, — дело сделано и концы в воду. На велосипеде, бейсболке и шлёпанце ни единого отпечатка. И с трупа нечего взять — все следы уплыли вместе с водицей. Только несчастный случай может помочь избавиться от нераскрываемого преступления. Будем отрабатывать версию: ехала, зашла в речку остудить разгорячённые ноги, ...

— Делай, как знаешь, Петрович, — сказал местный участковый, будто благословляя главного сыщика на подтасовку фактов.

Тело увезли, чтобы судмедэксперт дал своё заключение о причине смерти. Идрень — районный центр без морга. Извлечённое из мягкого грунта тело увезли в соседний райцентр — Краснополянск. Туда же вызвали родственников для опознания покойной. Брат Толя и старший сын покойной, Влад, в трупе с лицом мумии не сразу узнали их Таю. Грунт, впитавший в себя воду, три недели сдавливал мышечные ткани лица, сплюснул их. Казалось, что на черепе только кожа. Лишь одежда и коронки на зубах подтверждали, что это Тая.

При выдаче гроба с покойной, родственников попросили воздержаться от снятия крышки. Объяснили это просто:

— Труп разлагается. Произошли такие изменения, которые лучше не видеть даже родным утопленницы.

Действительно, когда Таю привезли в Ивановку, с днища капала жидкость — из тела выходила вода, накопившаяся за три недели поисков.

«Чего не сделаешь ради дружбы», — можно услышать по завершении какой-нибудь экстремальной ситуации. Здесь же, кроме дружбы, немаловажной оказалась пресловутая честь мундира. Чтобы ивановское событие не понижало раскрываемость, в заключении значилось: «Смерть наступила от несчастного случая. Следов насильственной смерти не обнаружено».

— Возможно, женщина зашла в воду остудить разгорячённые ноги, но голова её закружилась. При падении ударилась, потеряла сознание и захлебнулась, — говорил потом Инне начальник

Идреньского уголовного розыска. — Не исключено, что она просто утопленница — сама утопилась.

Особое неприятие вызвало слово «утопленница». Всем неравнодушным к Тайной смерти стало ясно, что чей-то беспредел пытаются списать на саму жертву, представить её совершившей суицид, либо произошедшее объявить несчастным случаем. Все, кто при жизни знали Таю, не сомневались — жизнерадостная, не имеющая значимых проблем, Тая не могла и мыслить о подобном, тем более — взять и утопиться. Узнать, была ли она жива, оказавшись в воде, или попала в речку уже мёртвой, выяснить не представлялось возможным.

Хоронили Таю всем селом. Проводить её в последний путь приехали и жители соседних деревень. Её оплакивали, как родную — так близка всем она была при жизни. Перед спуском гроба женщины рыдали с причитаниями, а мужчины, не стесняясь, смахивали скупую слезу. Случай, неприятный для родственников и необъяснимый для остальных провожающих, произошёл именно в тот последний момент. Когда до спуска гроба оставались секунды, Никодим бесцеремонно оттолкнул стоящих рядом Дору и Шурика. Обхватив домовину так, словно через неё хотел обнять покойную, сквозь слёзы большой утраты он произнёс:

— Таюшка, про...

Что он сказал: «Прощай или прости», — понять было невозможно. Рыдания были такими громкими, что сказанное утонуло в них.

Наверное, более всех сцена была неприятна Витольду. Что он мог подумать в минуту, когда сосед, не осознавая, что делает, показал присутствующим свои чувства к коллеге.

Несколько раз, когда Никодим замечал её удаляющейся к роднику, он бросал дела и ехал на велосипеде вслед, чтобы хоть короткие мгновения побыть наедине с Таей. Он два раза звонил обожаемой женщине, но разговор не состоялся — она знала, кто звонит, и делала всё, чтобы не дать повода для пересудов и сплетен. После смерти жены Витольд продолжал жить в Ивановке до окончания Шуриком одиннадцатого класса, но был вынужден работать вахтовым методом. К расследованию преступления муж заметно охладел. Причиной тому мог быть неординарный случай на кладбище.

Из всех прощающихся только Люда точно знала, что между сестрой и её соседом даже намёка на интимные отношения никогда не было — Никодим понимал, что это обидело бы любимую женщину, которая к нему чувств не имеет, а хранит верность мужу. Об этом Тая не говорила, но всё было понятно в общении сестёр. Люде Тая доверяла свои маленькие женские секреты, а та не сомневалась в порядочности сестры. Порядочность убитой не поставил под сомнение

всякий, кто знал её при жизни. Наина об отчаянии мужа на кладбище узнала из пересказов очевидцев. Сама она в день похорон ездила в Идрень навестить сына и внучат.

Все родные тяжело переживали смерть близкого им человека. Приехав домой после похорон, Дора попала в больницу — подлечить сердце, истерзанное томительной неопределённостью долгих поисков. Не только родственники, а все, кто знали Таю, не верили в несчастный случай, а тем более — в суицид. Несмотря на «Заключение о смерти», в народе крепла уверенность, что совершено убийство. Мenee чем за год в Ивановке убита третья женщина.

— Что это, не маньяк ли ходит среди нас? — недоумевали сельяне.

Первого душегуба не нашли. Вместо убийцы второй женщины отбывает срок невиновный — такое мнение сложилось почти у всех ивановцев. Теперь смерть настигла Таю. И в этот раз полиция для себя всё решила, открыв делопроизводство по утопленнице.

— Ни поиска убийцы, ни дознаний, ни следственных экспериментов — всё шито-крыто, — возмущался народ. — Обращаться к кому-либо в Идрень — только терять время.

* * *

И полетели письмо за письмом в краевую прокуратуру. К коллективным проявлениям негодования по поводу бездействия районных правоохранителей добавилось требование родственников на эксгумацию и проведение повторной экспертизы. Бедная Тая, даже мёртвой ей было не до покоя. В октябре тщательно провели повторную экспертизу. Её заключение не для слабонервных. «На черепе, в области затылка и виска, имеются повреждения костной ткани. Переломы могут быть следствием ударов тяжёлым твёрдым предметом округлой формы. На груди, ногах и руках удалось обнаружить следы множественных ударов предположительно тем же предметом. Имеется перелом лучевой кости левой руки. Неизвестным образом удалены женские детородные органы ...».

— Вероятно, что не только гениталии, но и те органы, которые находились глубоко внутри организма, были зверски вырваны. Ваша родственница долго находилась в воде, немало времени прошло после захоронения, поэтому точного ответа быть не может. Говорить о способе удаления можно только с определённой степенью вероятности, — пояснил краевой судмедэксперт.

Краевые специалисты сделали своё дело и уехали, а идреньским сыщикам вопреки нежеланию пришлось приступить к поискам убийцы. Вспомнили, что бейсболку нашли за огородом Ильи, возвратившегося в родное село после отбытия срока. На установление

его непричастности к убийству Таи много времени не потребовалось. Работающий вахтовым методом за пределами родного района, он уехал за неделю до Таиного исчезновения. Возвратился, отработав две недели. В этот период с работы Илья не отлучался ни на один день.

Ни единым доказательным аргументом не пополнилось уголовное дело. Часть улики устранены при совершении убийства самим преступником, а остальное уничтожили природа и время. Возможно, если к поискам исчезнувшей женщины полиция подключилась бы сразу после обращения к Роману Прокопьевичу, то и жертву, и улики обнаружить было бы проще. Без зацепок уголовное дело не продвигалось, буксовало, как автомобиль с летней резиной на гололёде.

Вспомнили о Максиме Бояркине. Двумя годами раньше родители Максима обратились к правоохранителям по поводу избиения Витольдом их ребёнка. Как выяснилось, Максим терроризировал сверстников и более младших школьников. Он, под угрозой расправы, требовал от мальчишек деньги и сигареты даже у тех, кто не курит. Если не получал требуемое, то расправлялся физически и унижал морально. Витольд тогда вступился за Шурика. Избиения как такового не было. Он просто «надрал» уши распоясавшемуся подростку, предупредив о последствиях в случае необходимости повторного вмешательства. Только силу признавал подросток, возмнивший себя блатным, «королём» Ивановки. Притеснения Шурика прекратились. Во время одного из заседаний суда умерла бабушка Максима. Дело затянулось, но суд оправдал Витольда.

— Обида могла копиться во взрослеющем, но не достигшем совершеннолетия любителе жестоких расправ и издевательств. Подросток мог отомстить Витольду и за себя, и за преждевременную смерть бабушки, убив его жену. С самим Витольдом он бы не справился, а откладывать на потом не стал, — предположил Василий Петрович, обсуждая мотив убийства с Романом Прокопьевичем.

— Возможно, всё так и есть. Вполне могло быть как-то так, — согласился местный участковый.

Сопоставив полученные свидетельские показания соседей Максима, следствие пришло к заключению о невинности подростка. Расследование зашло в тупик, а выход из него не просматривался даже в перспективе.

Активнее других продвижением следствия интересовалась Инна. Видя, что поиски убийцы вновь застопорились, она поставила цель:

— Самолично докопаюсь до истины.

Фактов, проливающих свет на причины, подтолкнувшие кого-то к преступлению, в её распоряжении оказалось меньше, чем у следо-

вателей, небогатых уликами. Мысли о смерти сестры заполняли мозг Инны в каждую минуту свободную от работы. Они роились в голове даже в потоке повседневных дел, которые выполняются автоматически, машинально, не требуя вмешательства мозга. Что-то в мыслях о Тае казалось невозможным, чего-то, исходя из здравого смысла, не могло быть, но были в тех размышлениях и крупинцы истины, как считала сама Инна:

— Тая никому не сделала ничего плохого. Кому же была выгодна её смерть? Жестокость совершённого убийства может означать, что сестре за что-то отомстили. Но кто и за что? Таю били «тяжёлым твёрдым предметом округлой формы», наверное, палкой. Мужчине, чтобы убить даже кулаком, было бы достаточно трёх-четырёх ударов. Много ударов нанесено потому, что были они недостаточно сильными, чтобы умертвить женщину? Тогда кто их наносил? Подросток? Женщина? В то, что Таю продолжали бить и мёртвую, верится с трудом. Так мог бы поступить только человек психически ненормальный. Таких людей в Ивановке нет. Если бы кто-то был, то об этом было бы известно, если не до преступления, то хотя бы после него.

Подросток вряд ли стал бы глумиться над детородными органами женщины? А женщина? Тоже сомнительно, если она сама действительно женщина. Если бы сестра разбила чью-то семью, то воспитанный без отца ребёнок из прежней семьи Витольда мог копить ненависть к женщине, разлучившей отца и маму. Но Тая единственная жена Витольда. Они познакомились, когда он был солдатом срочной службы. У него нет детей кроме двух дочек и двух сыновей, рождённых Таей. К тому же в Ивановку накануне убийства никто не приезжал. Могла бы мстить местная женщина, но за что? Вряд ли могла быть причиной мести безответная любовь Никодима, о которой поведала Люда. Даже учитывая выходку коллеги на кладбище, трудно поверить, что это могла сделать Наина, давняя приятельница Таи. Но кто же, кто так зверски издевался над сестрёнкой?

Кто та зверюга, лишившая жизни нашу Таечку? Кто живёт, ходит, дышит, умиляется своей мезтью и гордится тем, что она самая умная, сумевшая поквитаться так, что ни полиция, ни родные не вышли на неё и уже никогда не выйдут? Я сомневаюсь, но, наверное, с сестрой расправилась женщина. Но кто она? Убийце помогла Таина доверчивость. Да, это так — сестра не ожидала от неё зла по отношению к себе. Иначе она смогла бы защитить себя — Тая сильная женщина. Точнее, была сильной. Была? В это трудно поверить, но её нет.

А, может быть, не стоит полагаться на здравомыслие убийцы? Стоит, ещё как стоит! Убийство совершено не спонтанно, не в пья-

ном угаре — оно тщательно продумано, трезво взвешено до мелочей. Не оставлено ни единого отпечатка, следа, даже малейшей улики, за что могло бы ухватиться следствие. А не эта ли особа наблюдала за Таей из кустов при поездке в день Воскресения Христова? Выходит, что убийца уже тогда готовила своё злодейство? И случайно

ли выбран именно тот день расправы? Витольд, не задержись он для покупки билетов, приехал бы в ту злополучную пятницу. Тогда, под предлогом ревности, первым подозреваемым мог стать не кто-то, а муж. И доказывал бы он потом, что не ревновал жену, что не было у него с женой ссор и разладов на почве недоверия.

О дне приезда в селе знали многие, убийца — тоже. Ни от кого не были секретом и вечерние поездки Таи. Все знали, а убийца использовала их в своих зловещих целях. Ах, Таечка, если бы ты могла назвать имя убийцы! Нет, это теперь невозможно. Ни сказать, ни как-то дать нам знать ты уже не сможешь. Неужели эта твоя тайна так и не раскроется? За прошедший год вопросов не убавилось — уголовное дело застопорилось так, будто тяжёлый корабль сел на мель и никаким буксиром его с той мели не сдвинуть.

* * *

Друг семьи Тимофей узнал про трагедию с большим запозданием. Это тогда, когда его называли по-простецки Тимой, он жил в Ивановке и мог узнавать о событиях в селе в тот же день из первых уст. Теперь большая удалённость и редкость общения значительно отодвинули роковое известие. Но и спустя срок, событие взбудоражило Тиму. Та жизнерадостная, доброжелательная, смышлёная и симпатичная девчущка, какой он знал Таю той далёкой порой, теперь, став взрослой, жестоко убита. Даже то немногое, что Тимофей узнал об этой мученической смерти, взбудоражило воображение. Переживания воплотились в стихотворение:

Памяти Таи

Июньский вечер. Всё вокруг спокойно,
А жизни торжество царит везде.
Чтоб провести концовку дня достойно,
Решила вечер посвятить езде.

Велосипед, одна — маршрут знакомый.
И мчит туда, где бьёт родник ключом.
Горит закат. Вечерний мир бездонный.
День позади, проблемы за плечом.

Однако нет, ... не всё в тот миг прекрасно.
Ей на беду закат побагровел.
Сверкают спицы в тех багровых красках
И ждёт её немислимый удел.

Недолго ей крутить свои педали —
Убийца злобно встала на пути.
Чтоб смерть найти, не надо ехать в дали.
А от судьбы, как видно, не уйти.

Убита Тая в середине лета.
Убита зверски, в том сомнений нет.
Убийца ходит, радуется свету,
А вот для Таи белый свет померк.

Не для неё закаты и рассветы.
Ей радуг ожерелий не видать.
Так пусть убийце Бог воздаст за это,
Что по закону должен суд воздать.

В «Одноклассниках», в группе «Ивановский совхоз» Дора поместила стихотворение под фотографией могилы Таи. Общественная активность вновь всколыхнулась, заставила сыщиков оторваться от насиженных мест. В этот раз приехали в школу, стали спрашивать, откуда стало известно о причастности к преступлению женщины. Появились претензии к родственникам, будто они будоражат односельчан, мешая проведению следствия. На поиски женщины-убийцы у следователей энтузиазма не хватило.

Несколько раз Инна приезжала в следственный отдел, пытаясь сдвинуть застопорившееся следствие с мёртвой точки. Она приводила свои доводы, к которым могли бы прислушаться сотрудники.

Эффект от поездок оказался неожиданным. Василий Петрович ей сказал, что вмешательство непрофессионалов мешает следствию. Более того, он предупредил, что в случае продолжения собственного расследования, полиция не может гарантировать Инне её собственную безопасность. Надежда на то, что убийца когда-нибудь предстанет перед судом, стала угасать, как тлеющие угли потухающего костра.

* * *

Река Убей, в которую впадает Татарка, неглубокая. Есть на реке перекаты с каменистым дном. На равнинных участках дно чаще илистое. Там можно встретить широкие разливы и достаточно глубокие ямы, где купаются не только подростки, но и взрослые. Невелика река, да рыбная. И ребятня, и взрослые редко рыбачат удочкой. Лишь потеплеет вода, начинается рыбная ловля бреднем. Удобнее рыбачить втроём. По очереди один на берегу несёт взятые на обед припасы, одежду и пополняющийся улов, отогревает ноги. Двое других ведут небольшой бредень. Так случилось, что ровно через два года со дня исчезновения Таи трое ивановских мужчин пошли на рыбалку. О том, что годовщина убийства именно в этот день Семён и Валера подзабыли, но помнил Никодим.

Рыбалка удалась, несмотря на отсутствие герметичных костюмов, позволяющих бродить и оставаться сухим. Ельцы, пескари, один небольшой налим и четыре угря с трудом поместились в двухведёрной торбе. Встречающуюся в Убее разновидность угря в Ивановке называют — питра. Время перевалило за полдень, когда на подходе к опустевшей деревеньке Никольской рыбаки решили пообедать. Какая рыбалка без обеда, а обед без ухи? Всё необходимое для ухи, от соли до картошки, предусмотрительно взяли с собой. Редкая в таких случаях уха обходится без спиртного. Пока еда варилась, две бутылки водки ждали своей поры в речной прохладе.

Обед был в кульминации, когда Никодим, обхватив голову руками и опустив её к коленям, сквозь неожиданные для приятелей слёзы выкрикнул:

— Не могу больше так жить! Сколько можно носить это в себе?! Всё! Всё скажу! Всё, как было, — произнёс он уже почти шёпотом. — Она тогда прикатила на велике вся растрёпанная, с глазами, как у сумасшедшей. Я сразу почувствовал неладное. Гадать, что случилось, не пришлось. С нескрываемым злорадством она почти выкрикнула:

— Заводи машину, поедем на свидание с твоей возлюбленной. Полюбуйся на неё. Только не надейся, при мне она в объятия не бросится. При мне она будет смиРНёхонькая.

— Ревнивая дура, что ты наделала? Что она тебе сделала плохого, — орал я на обезумевшую жену, когда выехал со двора.

— Спрашиваешь, чего сделала? Из-за неё ты стал ненормальным. Да и мужик ли ты теперь? Я была у гадалки. Она-то мне и сказала, что твои мужские проблемы в постели со мной, все из-за неё. Ясновидящая так и сказала, что мне и тебе мешает светловолосая женщина, которая живёт по соседству.

— Дура, сумасшедшая! — кричал я. — Да между нами ничего не было и не могло быть!

— Знаю я про ваши свидания, — грозя пальцем, запальчиво с упрёком говорила Наина. — Не раз видела я, как ты всё бросал и мчался к ней на свидание, стоило ей поехать за деревню.

— Да, ездил. Только что с того? Она верна своему Витольду, а на меня — ноль внимания. Мне хватало того, что я несколько минут мог побыть рядом с ней. Да, я люблю её! И не хочу скрывать это от тебя.

— Тормози, приехали.

— От дороги до берега в том месте десяток метров, вы знаете, — пояснял Никодим.

Валера и Семён только кивнули, чтобы не прервать откровение напарника по рыбалке и обеду. Но тот замолчал.

— На, выпей. Станет легче.

— Тебе надо выговориться.

— Да как ты жил с этим? — вступили в беседу приятели.

Никодим через край запил водку ухой из котелка. Потом собрался с мыслями или с духом и продолжил горестное для всех повествование:

— Наина тогда хвастала с тоном победительницы:

— Вот тут она, змея подколодная, остановилась около меня. Видите ли, захотелось ей узнать, что у меня случилось с ногой, почему я опираюсь на палку. Затормозила, а цепь слетела. Нагнулась она к цепи, тут-то я и шандарахнула её, твою соблазнительницу. Уж как я отвела свою душеньку! Хлестала, пока сама не устала. Пошли. Надо взять свою помощницу, вдруг пригодится успокоить стерву, — проговорила Наина, беря палку.

— Сама ты стерва проклятущая, — возразил я. — От дороги к реке протянулась дорожка примятой травы. Явно, что Наина проволочла жертву по траве, и она не успела подняться. Бедняга Тая лежала под уступчиком берега около воды. Послышался стон.

— Ах ты, влюбчивая зараза, почувяла рядом своего любовничка?! Ну, посмотри на него, на нашего красавчика. А ты, ирод, смотри на её «сокровище», которое так притягивало тебя.

— С этими словами она палкой откинула подол Таиной юбки, приспустила нижнее бельё и упёрла палку к интимному месту

жертвы. Толстая, она не входила внутрь, и моя обезумевшая зверюга стала проворачивать своё орудие. И палка стала продвигаться, как болт по резьбе. Меня будто парализовало в это время. Чувствовалось, что волосы встали дыбом. Нет, не только на голове, а везде, где они есть: на руках, ногах, спине. А она с всё большим ожесточением вворачивала и вворачивала свою деревягу внутрь тела. В какой-то момент я ощутил, что могу двигаться, оцепенение сменилось нечеловеческой силой. Я рванул обезумевшее чудовище, откинул на пару шагов от Таи. Что я увидел! Палка была в руках моей мегеры, а на конце деревяги кровоточили намотавшиеся и вырванные внутренности. Расправившаяся с беззащитной жертвой, Наина стояла в победной позе. Не знаю, в какой момент жизнь покинула Таю — перед нами лежало безжизненное тело.

Никодим замолчал. Он не замечал своих слёз, а они стекали по щекам и капали с подбородка. Самый молодой из рыбаков, Валера, налил в кружку остатки водки и подал рассказчику.

Семён одобрительно кивнул и тоном, не терпящим возражений, произнёс:

— Пей. И рассказывай. Тебе надо выговориться.

Никодим выпил залпом, без закуски. И продолжил:

— Безмозглая тварь, ну и чего ты добилась, тебя же посадят, — закричал я.

— Меня посадят? Нет, это тебя посадят. Я скажу, что это ты убил её. Озверел от того, что она, ублажавшая твои прихоти раньше, в этот раз отказала тебе. Отказала, чтобы быть чистенькой перед Витольдом, который вот-вот приедет. Помысли, недоумок влюблённый, кому поверят на суде — тебе без рода и племени или мне с моим Мишей?

В этой фразе особенно отчётливо слышались интонации Наины. А Никодим продолжал:

— Вы же знаете, что её сын, Михаил Олегович, начальник всех участковых инспекторов нашего района. Я не исключаю, что именно он «приложил руку» к тому, что преступница спокойно ходит на свободе.

Эта деталь биографии Наины в Ивановке известна всем. А рассказчик продолжал:

— Она быстро отошла от приступа психоза, помотала в воде концом палки так, будто хотела избавиться от намотавшейся грязной тряпки, стараясь не запачкать руки. Потом властно скомандовала:

— Рой для неё яму, ротозей. Ворон ловить будешь потом, когда спрячем твою чаровницу. Сообразила, что труп надо будет присыпать сверху землёй — вырытый ил сносило течением. Вырыли ямку

у противоположного, обрывистого берега. Вброд волоком перетащили туда

покойницу и уложили в углубление. Я палкой стал срывать слой за слоем из обрывистого берега, а жена руками подгребала грунт к телу. Чтобы течением не уносило землю, Наина быстро приволокла обломок бревна. Наверное, она предусмотрела всё и заранее заметила его. Нет, мы не похоронили покойную, спрятали её от людских глаз и от объедания рыбами. Потом, чтобы свежая земля перестала быть заметной, на место преступной работы долго брызгали водой из речки.

Велосипед со сланцем и кепкой Наина спрятала куда-то далеко в кусты. Потом мы приезжали туда, чтобы кепку подбросить поближе к бывшему эку. Я, сидя на брёвнышке, не мог поверить, что Тая уже никогда не пройдёт своей статной походкой по селу, школе, дому. Ей больше не будет светить солнце. Её не будут волновать житейские проблемы, как безразличны ей теперь и зной, и холод. Её больше нет, и никогда не будет среди живых. Позже жена ездила одна и оставила на полянке велосипед и свалившийся при волочении сланец.

Кто и зачем придумал речке название Убей? Нет, убила не река. Таину жизнь оборвала ревнивица. Я на всю оставшуюся жизнь останусь с ощущением вины. Если бы не моя любовь, то Таечка и сейчас была бы жива. Я просил у неё прощения над гробом, но поздно — моё отчаянное «прости» она уже не могла слышать. И простить она не могла.

Вы вот слушаете и думаете, как всё складно в моём рассказе. Да потому и складно, что я жил этим рассказом два года. Сотни раз вспоминал каждое слово или движение в тот ужасный день жесточайшего убийства. И теперь будто наяву слышу и своё негодование, и интонации в голосе безжалостного чудовища. А Таина убийца ходит и радуется жизни. Какая несправедливость! — тихо добавил рассказчик.

Никодим смолк. Слёзы он выплакал, наверное, все. Рыбаки молча поднялись и удручённо побрели в родное село. От выпитого спиртного не осталось следа. Вновь пережитая драма подействовала отрезвляюще. Одно успокаивало — ощущение, что Никодиму стало легче. Груз страшной тайны будто свалился с его уставшей за два года измученной воспоминаниями души. Наверное, он, придя домой, поведал жене, что на рыбалке всё рассказал о Таинной смерти. Иначе с чего бы сам начальник уголовного розыска примчался в Ивановку около девяти вечера и потребовал от Валеры с Семёном срочно прибыть в сельсовет вместе с жёнами. Дома недалеко и сборы были недолгими, к сельсовету пошли почти одновременно и не

разминулись. При встрече Семён с Валерой переглянулись и всё поняли без слов. Жёнам об откровении Никодима успели рассказать оба, но поделились ли те услышанным, они не знали.

Вызванный из дома глава администрации хотел принять всех в своём кабинете, но Василий Петрович сказал, что им необходимо уединиться. Убедившись, что сейф и стол с документацией под замками, глава предложил кабинет бухгалтера. Окончания беседы с односельчанами, непонятно в чем провинившимися, он ждал в своих «апартаментах». Главный сыщик не собирался убеждать или уговаривать «приглашённых». Он заявил, что по селу поползли слухи, будто уважаемая женщина и есть убийца учительницы, Курочкиной Таисьи Степановны.

— Смотрите у меня! — пригрозил он. — За клевету, как и за оговор невинного человека, имеется статья. Подумайте все, нужна ли она вам. Не возражайте и не оправдывайтесь. Слушать не хочу, откуда у вас эти фантазии. Закон справедлив к невинно оговорённым гражданам. Но он суров к оговорившим лгунам, помните об этом. Никаких подписок о неразглашении я с вас брать не собираюсь. На кону не государственная тайна. В ваших интересах, чтобы выпущенные вами небылицы прекратились. Всё. До свидания. Надеюсь, что не до встречи в кабинете следователя.

— Вот так поворот, — изумился Валера, когда селяне вышли из сельсовета.

— А что ты хотел? Рука руку моет. Ворон ворону глаз не выклюнет. Или забыл, чья она мать? Вот то-то и оно, муженёк.

— Какая ни есть наша полиция, а она — механизмик государственной машины. Ну, а с государством тягаться даже в поисках правды бесполезно не только у нас. Всякое государство в бараний рог согнёт любого, кто выступит против его порядков. Даже в случае беспорядка, как в нашем случае, — это тоже защита существующего положения дел, порядка в ведомстве, — Семён будто хотел поставить жирную точку в недолгом разговоре.

— Доходчиво объяснил, философ ты наш, — закончил тему Валерий.

Строги запреты, да «шило в мешке не утаишь». Если и не успели на момент сельсоветского разговора поползти слухи, то постепенно об откровении Никодима узнали в Ивановке и в окрестностях. И в народе не обошлось без афоризмов:

— Свой своему поневоле друг.

— Ворон ворону глаз не выклюнет.

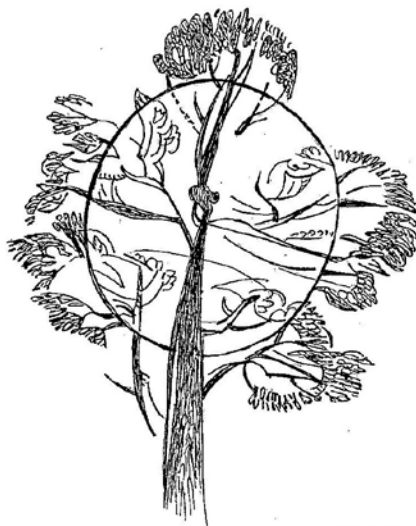
— Рука руку моет.

— Своя рубашка ближе к телу, — высказывались мнения об отводе полицейскими своих родственников от ответственности.

Недолго Наина ходила по Ивановке с высоко поднятой головой. Ощущать себя изгоем, отвергнутым всеми, кто встречаются, вряд ли кому по силам. Осенью Наина и Никодим переехали жить в Идрень. И всё бы ничего, но через несколько месяцев после того переезда исчез Никодим. Без денег и документов, бесследно исчез. Знакомые допускали, что замёрз где-нибудь, замело снегом, а весной вытаит. Снег сошёл, а Никодима не было, и нет нигде. Только кому он нужен, без рода и племени, чтобы искать его?

* * *

Было ли изначально известно следователям об убийце Таи, остаётся только гадать.

ТВОИ ГЛАЗА

Памяти Натальи Желыбенцевой

* * *

Как начинается любовь,
Не с точки зрения науки —
Ты — королева, я — король!
Гармония.
Глаза и руки,
Дыхание и стук сердец
И всё в одном и том же ритме...
Всё, как придумал Бог — отец:
Возьмите всё моё, возьмите!
Здесь разум, только лишь помеха,
Но как прожить без разума?
Любовь пройдёт и не до смеха,
Назад пути заказаны.
Река, как жизнь, не ходит вспять,
И не заставить силою
Вновь полюбить, вершину взять,
Назвать своею милою.
Я о другом хотел сказать —
Всмотрись в меня, как в зеркало.
Мне скажут всё твои глаза,
Твой взгляд — вино мне терпкое.

* * *

Любить никто не запретит,
Да и нельзя любить заставить...
Любовь — пожар: душа горит,
И пламя до небес достанет
С молитвою... А как иначе?
Ведь Бог — любовь.
Ликуем плача...

РОМАНТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Я стану мягким и пушистым,
Когда мне роль сыграть позволят:
Свой голос изменю, походку
И стану томно говорить.
Простые фразы и слова
Вдруг зазвучат совсем иначе —
Уже не я, а этот кто-то
Вам скажет:
«Здравствуйте, я рад
Вас видеть, милое созданье!
Вы хорошеете, и право,
Мне глаз от Вас не отвести.
Не разрушайте этот миг,
Не говорите мне ни слова.
Вы осчастливили улыбкой
Меня...
Спасибо, ангел мой!»

* * *

Из тёмного сумрака шубы,
Казалось, лицо выплывало.
И было оно невесомым
На тёплых пушистых волнах.
Скрывал капюшон незнакомку,
Черты различались слабо.
Я видел -
два моря плескались
В бездонных её глазах...

* * *

Цветы похожи на людей.
Вот роза — спутница красавиц:
Свежа, как на щеках румянец,
Её не тронь и не задень.

Она не всем даётся в руки,
Мешают с розой быть на «ты»
Шипы — защита красоты.
И красота приносит муки.

* * *

Сперва была игра,
а после
вся жизнь — на кончике
пера и возле,
открыла смысл другой,
предназначенье,
не прячь в душе огонь
и от него — свеченье!

* * *

Не ищу друзей специально,
И они меня не ищут.
Происходит совпадение
Взглядов, чувства невзначай.
Прикоснуться сердцем к сердцу,
Отозваться камертоном —
Стать счастливым, сознавая,
Что родная есть душа,
Всё равно, что на земле
Вдруг найти ключи от Рая.

* * *

Дайте женщине выбор,
не преследуйте тайно.
Не входите без стука
в чужую судьбу.
Ведь не каждый цветок
она в косу вплетает
и не первому встречному
скажет: «Люблю»...

* * *

Стихи не стареют, я знаю давно.
И в поисках точного слова,
спускаюсь я снова на дно,
За жемчугом каждого слова...

* * *

Малиновое нежное вино
зарёй вечернею пролито...
Случится все, что суждено,
по нашей воле и помимо.

Попытка ромansa

Среди пустынной тишины
Бессонное струится время,
Меня уже ничем не грея,
Все ожиданья сожжены.

В костре желаний — только пепел,
А как горел когда-то он!
Но жизнь проходит словно сон,
И я не первый, кто заметил

Как исчезают миражи
До обозримого пространства,
И песни хочется, ромansa,
Чтоб снова верить, дорожить

Всем тем, что было, есть и будет,
Забыв вечернюю хандру,
Которая влечет ко дну,
Живую душу душит, губит.

Бессонница

Не сразу после шторма море успокоится.
С волною непокорной упрямый берег ссорится.
Волнение на море,
Волнение в душе...
С бессонницею спорю,
Кораблекруше-
ние, не меньше —
в открытом океане.
Как боль свою уменьшить:
молитвой, покаяньем?
Надежда — лишь на ВРЕМЯ.
Она уносит шляпку
в края, где можно верить,
где снам есть время в сутках.

* * *

Можно есть и не чувствовать вкуса,
Пить вино, словно воду, взахлёб,
Не дорогой идти своей — курсом,
Не куда-нибудь — только вперёд!

Это страшно: жить в заданном ритме,
Видеть только мелькание дней.
И застыть в поминальной молитве,
Бесприютнее став и бедней.

Потому что друзья, не прощаясь,
Словно сбитые пулей с коня,
В край уходят, и, в нём растворяясь,
От живых свою тайну хранят.

Забываем, что все мы невечны.
Лишь когда вдруг нагрянет беда,
Понимаем — последняя встреча,
И не будет другой никогда!

В этом мире блистающем, ярком,
И на этой прекрасной земле
Для живых расцветают фиалки,
Над ушедшими плачет метель.

Признание в любви

Красота, вот великая сила!
Лишь она покоряет сердца!
Я люблю, потому что красивы
И душа, и сиянье лица...

Из мазков создаётся картина,
Одну ноту сыграет любой...
Только б чувства и краски хватило
Передать вам свою мне любовь.

Не беда, если я не художник,
Не беда, если скромн талант,
Я признаюсь в любви и, возможно,
Вдруг проснётся во мне музыкант.

Может быть, даже стану поэтом,
Может быть, уже им становлюсь,
Ведь одной лишь тебе на планете
Я признаться в любви не боюсь.

* * *

Играла девушка на флейте
Не для меня, не для меня...
Мелодия купалась в лете,
Была вся продолженьем дня

И сочеталась с шумом леса,
И плеском озера волны —
Негромкая: была уместна.
Не видел я моей вины

В том, что единственный был зритель
И слушатель в одном лице.
«Очарованье сохраните»,—
Просил я мысленно в конце,

И флейта плавно удалялась,
И растворялась тишине...
Так сказка в детстве мне являлась,
Чтоб возвратиться вновь во сне.

Размолвка

Как такое случилось вдруг?
Перед нами одно и то же,
почему нам так непохоже
стало видеться всё вокруг?

Одного языка словами
взгляд свой силится доказать,
но друг друга не можем понять.
Словно пропасть теперь меж нами.

Мир, который вчера был светел,
всё мрачнеет, счастье губя.
Я ушла от тебя... В себя...
Я ушла, а ты не заметил.

Письмо

Я напишу тебе поспешное письмо,
пошлю его в простом конверте с маркой.
Там исправленья будут и помарки,
но будет много-много нежных слов,

которые сказать глаза в глаза
я никогда, наверно, не посмею.
Ты их прочтёшь, блеснёт в глазах слеза.
А я при нашей встрече осмелею,

в свои ладони бережно возьму
твои, ко мне протянутые руки.
— Как долго, — скажешь, — были мы в разлуке!
Спасибо, — скажешь, — твоему письму,

написанному вовремя и к месту!..
Пишу и рву посланье не спеша...
Сейчас не пишут писем... эСэМэС-ки...
Но в них не помещается душа...

Первая метель

Из набрякшей осадками тучи,
что над полем висит тяжело,
заметелило первым, летучим
снегопадом, и всё замело.

Всюду хлопьев несметные стаи.
И, куда ни взгляни, надо мной
невесомо, отвесно слетает
снег густой непроглядной стеной.

За белёсой сплошной пеленою
где-то дачный посёлок исчез.
И темневший вдали полосую,
стал за полем невидимым лес.

Ни куста, ни дороги, ни неба!
От небес до земли и вокруг —
только снег! Только хлопья снега
тихо падают. Гасится звук

электричек за снежной стеною,
и такая стоит тишина!
Мир исчез, всё умолкло живое!
Я внутри снегопада одна

всё бреду в белом поле безбрежном
и тропу лишь случайно нашла,
потому что по скатерти снежной
одинокو собака прошла.

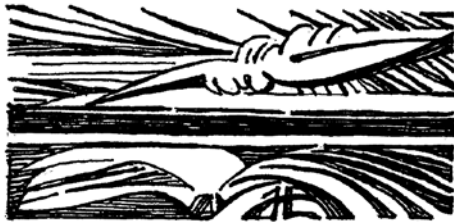

Вдруг

Всё плохое случается — «вдруг»,
накрывает волной, как цунами,
сокрушая, сметая вокруг
то, что складывалось годами.

С опозданием возникший вопрос
повисает теперь без ответа.
Пустяки принимая всерьёз,
здоровый смысл растерявши где-то,

наломаешь, бывает, дров,
обижаясь на всякие бредни.
И не знаешь, какое из слов
вдруг окажется самым последним!

Ни письма, ни строчки

Ни письма, ни строчки в ящике моём.
Где же вы листочки, тканые теплом?
Где же вы словечки, с хмелем пополам?
Словно человечки скрылись по углам,
Затаив обиду на меня, а жаль.
Я же вам дарила радость и печаль!
Я же вас любила трепетной душой!
Нежностью поила и ждала с зарей.
Тучи скрыли солнце. Дождь полил стеной,
Ящик смысл почтовый, всё равно пустой.

Осень без границ

Шелест листьев цвета солнца,
Запах хвои, стая птиц,
Взгляд знакомый незнакомца
В фильме «Осень без границ»
Отзовется бабьим летом,
Буйством красок в сентябре.
Только буйство это — где-то.
Жаль, что не в моем дворе.

Окажи, весна, услугу

Щиплет нос мороз игривый,
Яркий свет глаза слепит.
Снег ещё на ветках ивы,
Но весна уже спешит,

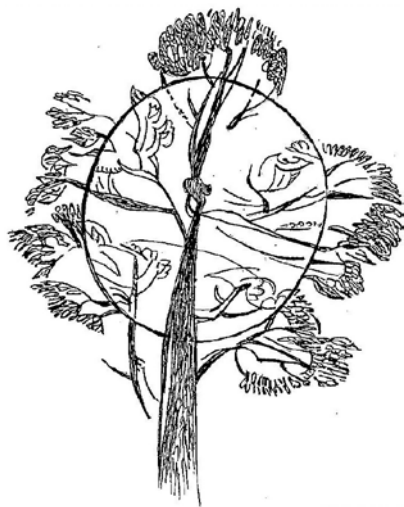
Усмиряя злую вьюгу,
Вытесняя холода.
Окажи, весна, услугу,
Дай любви испить до дна!

Портрет

Пролетело лето, а за ним и осень.
На пороге стужа, долгая зима.
Со стены портреты в прошлое уносят.
Вешали их вместе, а теперь сама

На пустое место гвоздь вбиваешь горький,
В сердце отдаются звуки молотка.
Почему у счастья век такой короткий?
Отняла внезапно чёрная рука

Тёплую улыбку, голос, взгляд любимый.
Смотрит он с портрета, а уста молчат.
Светлый образ будет жить в душе ранимой,
В память об ушедших пусть горит свеча.

Верона

На днях читая «Ромео и Джульетту», поверх текста Шекспира с неизбежным упоминанием Вероны, я увидела другую историю.

Не терраса Джульетты, не дом Ромео, не древний амфитеатр, не арочный мост Скалигеров, не гробница святого Зенона, не всё остальное, чем знаменита Верона, представилось мне, а сценка в московском метро. Летом я как-то ехала в полупустом вагоне там, где три места. Было поздно. Напротив сидела парочка в затяжном наигранном поцелуе. Парочка явно рассчитывала на внимание. Роль зрительницы меня не смутила: ведь литератор на работе всегда. Девушка, запрокинув голову, сжимала и разжимала пальцы, поглаживая собственную коленку и белую татуировку над ней. Парень, настырно впившись ей в губы, лез плечами вперёд.

Я сказала как добросовестный наблюдатель: «А вы неправильно целуетесь». Молодой человек встрепенулся и, недолго думая, уточнил: «А как надо?» «Извините, — ответила я, — показать не могу». Парень оценил меня взглядом, сказал: «Давайте так, я попробую на вас, а вы скажете, где о'кей, а где нет». — «Извините, — ответила я, — я слишком придиричива».

— Что-0? — протянул он. — Дамы вашего возраста специально ездят в Верону, чтобы купить кайф с молодыми ребятами. А я предлагаю бесплатно.

— И на здоровье. Зайдите в интернет. Там научат.

— Я был. Там учат не тем поцелуям.

— Молодой человек, — предупредила я, — вы забываетесь.

— Отстаёте от жизни, синьора. Сейчас в креативе то, что покруче.

— Все креативы, — успокоила его я, — давно исчерпаны утехами древнего Рима.

Краем глаза я покосилась на девушку: её короткое платье-туника, сандалии с высокими ремешками очень подходили к теме нашего разговора. Разве что вид татуировки мешал её образу, но опять же змеевидные линии нарисованного плетенья... в них что-то было. Наши взгляды встретились, и девушка по-тихому мне подмигнула.

— Ну, хорошо, — сказала я, — смотрите. — Сначала вы ищете. Найдя, задыхаетесь. Потом всё забываете. Вы тупеете. И вот вы как будто пьёте...

— Пьете? Ну, жесь!

— Как жадное насекомое, которое высасывает сердцевину цветка.

— У вас так было?

— Может быть. Короче, не знаю. Точнее — шум крови... Да! Было...

— Ха-ха, драйвово! Какой же шум крови в подземке?! Почти в загробном мире? Ниже уровня праха! — и, продолжая смеяться, эффектно продекламировал: «где живут, и свет горит, вот только спят тяжело, хотя и живые на вид». Поезд тем временем подлетел к моей остановке.

— Чтоб вы знали, — заметила я, в дверях помахав им рукой, — я рассказала про поцелуй-приключение.

Парень уставился на меня и, пока соображал, что ответить, двери сомкнулись. Но несказанное я угадала: а что, разве есть какие-то технические разновидности поцелуев? «Интересно, — думала я, уже гулко шагая посередине пустого перронного зала, где колонны воскрешали античность, а светильники виделись жертвенниками в блеске мечей вместо огня, — время меняет масштабы, превращает мифы в осколки руин, но и в них живёт коэффициент отражения».

Давным-давно эти двое подземного мира были Орфеем и Эвридикой, судьба разлучила их, растворив Эвридику мгновением взгляда. А потом эстетическая кривая затерялась в веках, но боль уцелела. Тяжёлая, непреходящая. Стала мезью в ветхозаветные времена — кровью, отрубленной головой Иоканаана на серебряном блюде. Поцелуем Саломеи на окоченевших губах. Безответным. Солёным. Интересно, что за стихи парень прочёл.

Я загрузила продекламированную строку, и айфон выдал имя поэта: Дмитрий Александрович Пригов. Это было освобождение. Щелчок по диктату культовых знаков. Взаимоуничтожение монстров. Так мгновенное чувство реальности отторгает культурные наслоения: все эти цитаты, иронию и двусмысленность. Соединяя мир теней с бесконечностью, уносит вторичное. Но в змеевидных линиях татуировки оно всё равно утверждает себя. Да и в могучих подпорных колоннах тоже.

Тёмные кружева

Я думала, нужно быть Людовиком XIV, королём-Солнце, чтобы влюбиться в слова, написанные на бумаге. И голову потерять наподобие Дон-Жуана, углядевшего рай в узкой пятке прекрасной испанки, «под этим вдовьим чёрным покрывалом». Но оказалось, искусство слова само выбирает себе покровителей. Должна заметить, что одно время меня воспитывали три человека: Робин Гуд, Чехов и Мопассан. Чуть позже Елизавета Моисеевна Абдулова, вдова известного актера из театра Завадского дала мне Гамсуна «Голод, Пан, Виктория», и эта книга тоже произвела нужное впечатление. Книжку следовало вернуть. Я принесла её как-то вечером на улице Немировича-Данченко, где жила со своим сыном Е. М. По центру города я старалась ходить пешком, потому что в троллейбусах было немножко как в анекдоте: «Молодой человек, вы падаете на меня третий раз. — А что я могу сделать? Видите, сколько народу. — Ну, сделайте что-нибудь». Моё настроение было обратным, и я до сих пор смеюсь, когда говорят, что в СССР не было секса.

Итак, я позвонила в дверь, вышла Е.М. и, увидев меня, сказала: «Как ты ходишь! Вызывающе-дерзкая!! Плечи, грудь!!! Что такое? Смотреть невозможно». И не спросила, а с отвращением заклемила: «К тебе, наверно, мужики пристают». Я виновато молчала. «Говори, пристают? Говори!» Я согласно кивнула. Помедлив, она жадно спросила: «А как они к тебе пристают?»

Тут я поняла, что её друг (сын фотографа Напельбаума) — не такой уж друг, раз чего-то в этом деле не добирает, и что напоминанием о забытых ласках она не прочь бы его взбодрить. За стеной квартиры в это время играли Шопена, и своим презрением, негодованием и любопытством Е.М. мешала слушать музыку. Униженная до обзывания «уличной девкой», я внутри себя окрестила её друга «хахалем» и мстительно думала: «Зайди, когда мы с Севой в квартире одни и увидишь, как пристают». Её поздний сын Сева был намного моложе меня, ещё очень мальчик. При всяком удобном случае он привлекал меня, обеими руками сжимал мою талию и без памяти говорил: «Шестьдесят сантиметров», имея в виду её окружность. Но я тогда не знала, что король-Солнце Людовик был на семь лет моложе своей незнакомки-маркизы, которая однажды так написала записку, что перед виртуозностью её слов померкли достоинства всех фавориток двора. Разрыв в возрасте казался мне преступлением, а то бы позволила нежному Севе зарыться в тёмные кружева от фарцовщиков и жаркими губами искать то, чего не позволено.

Другой — это я

В свой сад я обычно езжу на электричке. Как правило, в тамбуре, подальше от лотошников, попрошаек и прочей отвлекающей публики. Правда, в тамбуре надо стоять. А для этого одеваться попроще. Джинсы и свитер — самое то. Вот так однажды стою спиной у стенки, а возле стекла, которое в двери и которое «не прислоняться», молодой человек громко разговаривает с каким-то случайным малым и в основном матом. Напротив, у другой стенки, пассажирка с тюками на выход. Возмущённо таращит глаза и смотрит на меня. Ей неприятно, но одёрнуть она боится: можно и по морде схлопотать, народ-то непредсказуемый. При очередном витке мата я вдруг прислоняю палец к губам и говорю «Ти-ше». Получилось» ч-ч-чи-щ-щше». Молодой человек оборачивается, я вижу его холодные светлые глаза, он молча что-то считывает с моего лица и говорит: «Ай эм сори». Так и сказал по-английски: «Айм сори».

Это был высокий северного типа парень, по-моему, из мест не столь отдалённых — видимо, там рождённый от сидевших родителей. В его речи пару раз прозвучали: Кемь, Норильск — названия городов, где доброй волею не живут. Расставшись со своим собеседником, а малый соскочил где-то на промежуточной станции, молодой человек прошёл мимо меня в вагон.

Снова я увидела его уже в чередѣ выходящих у Домодедово, мой взгляд задержался как на старом знакомом. Он оглянулся, наши взгляды скрестились, и опять — те же холодные глаза, всё понимающие и пронизательные. Нет, за иностранку он не принял меня. Скорее всего, опознал что-то своё по глубинной системе кодов как субъект, кое-что повидавший. Выходя, он едва заметно кивнул мне. Подтянутый нордический тип. Никаких наколок. Чужой всем, сначала он снизошёл до упрощенно понятного матерного языка с первым встречным, затем не без юмора по-английски заявил себя гражданином мира. Слишком стерильного для мусорной жизни, где никого не хвалят, не поддерживают, где все разговоры о том, как всё плохо, где катастрофическое сознание не щадит никакой одарённости, требуя русских усилий, чтобы пробиться без связей. Где на каждом шагу подножка, а заезаешься — удар ниже пояса.

Рано поумневший, неустроенный волк, приехавший на поиски счастья. Одинокий и неприкаянный в огромном людском муравейнике. Чем-то он был сродни мне.

Взгляд со стороны.

Пашкины фантазии — сон или явь?

Что хочется сказать? — Жизнь — это подарок. Большой, огромный, Божественный подарок. Ты его не ждёшь, потому что (как будто) время утеряно, время ушло, и ничего нового, впечатляющего и сокровенного уже никогда на твоём пути не встретится. Всё позади, абсолютно всё в стороне от тебя. Ну, понимаешь, прошёл пик того, когда всё было можно, когда ещё оставались силы, когда способен на поступок, когда есть возможности, когда... .. и так далее. По сути, жизнь кончилась. Ты — никто, ты — «ни о чём». Ты просто «капитан Немо» (капитан Никто). Странно и страшно. Непонятно, отчего и зачем, и за что? Вопросов — тьма. Ответов нет. Ноль, один круглый ноль, и всё... Ты пытаешься найти объяснение и оправдание всему произошедшему. И, что самое главное, в этом ты пытаешься обелить себя в первую очередь. Ты же вроде молодец, ты всё делал правильно, ты всё предусмотрел. Но... Виноват кто-то другой. Не ты. Счастье разрушилось, потому что «они ничего не поняли, они не прочувствовали, они не услышали». Поэтому жизнь и закончилась. На самом деле, всё то, что имело место в твоей жизни и с тобой, и с ними — закономерно. Вроде, судьба. Так должно было быть. А что дальше — это удел слабых. Падение, канава, отчуждение, болото. Словом, дальнейшая жизнь — это одно ничтожное и жалкое существование. Мечты и идеалы ранней молодости разрушены окончательно, до самого основания. Венцом всего этого существования — проклятие и пророчество в одинокой старости за все твои прегрешения. Итог впечатляет до глубокого внутреннего опустошения. Дальше некуда. Тем более, старые травмы, которые не тревожили несколько десятков лет, заговорили о себе с неистовой силой. Ты почти инвалид, калека, который реально неспособен вершить и делать всё то, что делал годами. Да чёрт с ним с этими неудобствами. Главное! — Ты никому не нужен со всем своим багажом опыта и знаний. Это и есть апогей всей твоей деятельности и жизни. Страшненький какой-то получился итог. Момент истины, что ли, или как там?.. Но вот происходит метаморфоза. В твоей жизни появляется человек, одновременно похожий и непохожий на других. Нет, всё так. Походка, причёска, манера общения, отношение к людям и происходящему. Адекватность восприятие мира, в той его

действительности и сущности, вера в людей, в верность и правильность принятых решений и попыток реализации собственных идей. Словом, всё как у всех, внешне ничего особенного и из ряда вон выходящего. Обыкновенный и обычный человек. И в тоже время, есть в нём что-то. Какая-то особенная жажда жизни, что ли. В общем, ему (человеку) самому-то непросто в этом мире в силу различных обстоятельств. Он не хватает звёзд с неба. Живёт, как умеет и может. А если быть короче, вот он, этот умница и Человечище во всех отношениях, просто и без всяких прикрас говорит тебе простым человеческим языком — НАДО ЖИТЬ, потому что и потому. Ты ему не веришь, в связи с тем, что у тебя было когда-то своё мнение, просто по инерции даже не веришь, потому что жизнь тебя научила жить по-другому. Но проходит год, два, и чем дальше, тем больше ты понимаешь, что он был прав. Он (человек, в которого ты не верил) вселил в тебя исполинское желание жить. И жить достойно. Мало того, он не только вселил в тебя веру, но и, по-настоящему помог восстать «из пепла» словами, поступками, делами и, самое главное, своим отношением к тебе, как к человеку равному ему. (А ведь тебя давно уже почти все списали со счетов). Размышляя каждую ночь, восстанавливая в памяти по крупицам детали отдельных событий последних лет, анализируя историю простых человеческих дел и слов, которые имели место за текущее время, однозначно можно отметить тот факт, что точка невозврата пройдена совершенно точно. Как совершенно точно, что роль человека, который тебе вернул право на жизнь, невозможно оценить ничем и никак. Он дал тебе возможность бежать дальше и выше. Он, он, он... он всё. Не побоюсь этого слова в отношении него (человека) — это просто и непросто БОГИНЯ!!! Истинная БОГИНЯ, каких больше нет. Её имя — Настя. Из сердца и души рвутся наружу слова, которые невозможно удержать. Я люблю тебя, Богиня по имени Настя, до безумия, обожаю тебя до умопомрачения, я горжусь тобой. Ты — само совершенство. Фантазии закончились или они продолжаются? Что это, сон или явь? Поживём, увидим. Важно, что жизнь начинается новая, другая. Интересно, как там в ней всё сложится...

Старинная книга

Новелла

Это была реликвия нашего дома. Я даже не знаю, как она к нам попала. Может быть, ещё мой прадед купил её у букиниста. Впрочем, вероятней всего, книгу подарили бабушке к какому-нибудь празднику. Это в данном случае и неважно. Главное, что реликвия. Самое удивительное то, что названия её прочесть невозможно, до того оно было стёрто, вероятно, от времени. По-видимому, никто, кроме деда, эту книгу не читал. Один раз моя бабушка начала её читать, но, осилив только две страницы, бросила, заливаясь слезами. Когда я был маленьким, она как-то обмолвилась об этой книге, но читать мне не стала, сказала, что я слишком мал и не пойму её. После этого она спрятала реликвию в сундук.

— Почему ты эту книгу не читаешь, бабуля? — спросил я тогда.

— А я слишком стара, да и читать быстро не умею, а читать по складам у меня времени нет, да и стесняюсь я, — грустно ответила она и стала рассказывать мне очередную сказку.

Эта книга так заинтересовала меня, что я почти каждый день изводил бабушку разными вопросами, относительно неё, но старушка всякий раз отшучивалась, старалась переключить моё внимание на что-то другое.

Прошло время. Я вырос, окончил школу, пошёл работать на завод, но мысль об этой книге всё время почему-то не давала мне покоя. Бабушка оберегала её от всех, тщательно завернув в старую газету и, положив на дно огромного сундука, который стоял в прихожей. Я знал об этом, но почему-то не решался без неё доставать эту реликвию. И вот, перебирая вещи, только после смерти бабушки я открыл сундук. Книга, действительно, лежала на самом дне и была завёрнута в газету и перевязана розовой лентой. Я осторожно взял её, развернул газету, развязал тесёмку и открыл. Раздался оглушительный треск, послышались чьи-то тихие голоса. От неожиданности я выронил фолиант из рук, и он грохнулся наземь. Как я теперь понимал бабушку!

— Странная книга, — подумал я, — её надо сдать в букинистический магазин или лавку древностей. Зачем нам такая книга? Что это за реликвия, которая пугает?!

— Надо уметь обращаться с древними книгами, — донёсся до меня незнакомый голос, — выбросить просто, ума много не надо, а вот постичь смысл древней книги необходимо!

— Кто здесь? — спросил я.

— Мудрый Путеводитель по книге. Зови меня просто Чанк.

— Что-то я тебя не вижу, Чанк?

— Ты и не должен меня видеть. Я не могу показать свое лицо. Я — многолик.

— Ты хочешь прочесть эту книгу и обогатиться знаниями так прошлого так и будущего?

— Конечно, — уже улыбаясь, ответил я.

— Прежде чем открыть её, ты должен прочитать молитву. Ты знаешь молитву, отрок?

— Нет, не знаю. Я же не верующий. А если так, значит, мне не прочесть уже этой книги?

— Нет, отчего же. Только ждут тебя. ... Впрочем, сдуй с нее пыль, скажи: «Нечистая сила, сгинь!» и осторожно открой фолиант.

Я поднял фолиант с пола и неторопливо выполнил наставления Чанка. Открыл первую страницу. В дверь постучали.

— Ну, кто там? — недовольно произнес я. — Входите, открыто.

На пороге стоял странного вида мужчина в лёгком металлическом комбинезоне и с непонятным аппаратом в руке.

— Здравствуй, пытливым юноша, — с лёгким акцентом произнёс он, — это пятая экспедиция «Альфа»?

— Какая экспедиция? — с удивлением спросил я. — Вы, вероятно, ошиблись. А что вам, собственно, нужно?

— Я ищу начальника экспедиции, — сказал незнакомец и, не дожидаясь приглашения, слегка оттолкнув меня, прошёл в комнату.

— Я подожду его, — добавил он и сел за мой стол.

Я обомлел, — книги на столе не было. Вместо неё возвышался аппарат неизвестной мне конструкции.

— Чёрт возьми! А где книга? — закричал я, — здесь только что лежала книга! Где она? Вы её не видели?

— Не видел, — вежливо ответил неизвестный.

В это время, стоящий на столе прибор заработал. Раздался сначала мерный гул, затем полилась странная мелодия с диссонирующими звуками. Мужчина бросился к прибору и стал настраивать его. Затем повернулся ко мне и произнёс:

— Что ж ты, малец, говорил, начальника нет, вот он есть! — и характерным жестом указал на прибор. Затем, уже улыбаясь, добавил:

— Начальник приказал готовить корабль к полёту.

— К какому полёту? Какой начальник? — воскликнул я. — Вообще, что вы говорите, и что всё это значит?

— Всё идет по программе «Альфа». Давай знакомиться. Я — Питер.

— Владимир, — озадаченно буркнул я, и мы обменялись крепкими рукопожатиями.

Пока мы говорили, обстановка в комнате стала напоминать настоящий космический корабль, которые я часто видел в своих многочисленных снах.

— Пора выходить на охоту, — сказал чей-то голос.

— Это так называемый поиск нужного нам метеорита, — объяснил Питер.

— А для чего? — наивно спросил я.

— Метеориты нужны для изучения. Мы — ловцы этих метеоритов, а говоря точнее, ловцы человеческих душ. Когда человек умирает, его душа сначала улетает в космос, а затем, спустя некоторое время, превращается в метеорит и блуждает по Вселенной. Иногда она падает на Землю. И чем больше мы поймаем метеоритов, тем полнее мы узнаем историю человечества. Ясно, отрок?

Я с интересом слушал его рассказ и думал о том, что я тоже так думаю. Всё как в моей мечте.

— А вот один метеорит уже поймали, — воскликнул я, прочитав надпись на табло.

— Посмотрим, — проговорил Питер, — Верно. Вот это да! Смотри, твоя душа!

— Как моя? Я ведь живой пока, или меня здесь уже нет?

— Конечно, живой. Благодаря этой старинной книге ты растворён в своей мечте. Ты же всегда мечтал быть космонавтом?

— Конечно. С самого детства. А причем здесь тогда душа?

— Ты растворённая в мечте частица бытия. Ты — есть, и тебя одновременно и нет! Вообще-то ты понимаешь, что я имею в виду?

Я недоумённо пожал плечами. Этот его рассказ казался мне каким-то надуманным, точнее, нелепым.

— И то же самое происходит с твоей душой? — спросил я.

— Нет. Я — Чанк. Только на период данного полета зовусь Питером. Я ведь не человек, а робот — путеводитель, сконструированный далёкой внеземной цивилизацией биохимических роботов. Цивилизации этой давно уже нет, она погибла несколько миллиардов лет назад, а я жив и буду жить, пока существует эта книга. Но и с её гибелью я не умру, а перемещусь в иную реальность. Тебе, наверно, уже надоело. Не хочешь ли отправиться ещё куда-нибудь? Это же не единственная твоя мечта.

— Конечно. Давай что-нибудь другое.

Не успел я закончить фразу как Чанк -Питер вскричал:

— Молчи! Смотри туда!

Я устремил взгляд в сторону, указанную моим гидом, но ничего не увидел. Но и Питера возле меня уже не было. Я был один в грязном полуподвальном помещении. Вместе со сменой обстановки испарились все устройства. Неподалёку стоял покосившийся стол, посреди которого чернела миска с какой-то серой бурдой. Мгновенная перемена произвела на меня неприятное и тягостное впечатление. Внезапно дверь звякнула, и на пороге появились два средневековых стражника. Один из них злорадно усмехнулся и сквозь зубы произнёс:

— Как ты мог пойти против нашего короля? Сукин ты сын. Завтра, на рассвете, тебя казнят. На площади. При всём честном народе. Повесят, чтобы другим повадно не было предавать своего короля.

Я, конечно, был любителем исторических хроник и не раз представлял себя в образе приговорённого к смерти, но вдруг мне стало не по себе.

— Чанк! — закричал я. — Хватит испытаний, я хочу домой!

Стражники сразу исчезли, стены растворились. Я опять оказался дома, за столом. Передо мной лежала старинная книга. Я бережно закрыл её и снова положил на дно сундука.

У меня была великая книга — книга мечты. Теперь я понимал, почему бабушка не смогла её прочесть. Затюканная этой проклятой жизнью, она не имела возможности помечтать: всё время работала, воспитывала детей, а выйдя на пенсию, помогала воспитывать внуков. Но почему она хранила её в сундуке?

Непридуманый сон

Была осенняя ночь, когда я вошла в свой сон. Прошла по коридорам больницы и вышла на порог. Шёл мелкий дождь в темноте. В стороне охранник молча курил, исподволь за мною наблюдая. Вдруг из темноты неизвестности ко мне выбегает щенок с несоба-чьими глазами, неуклюжий, нелепый и разлапистый с ушами, свисающими до земли, и человеческим голосом обращается ко мне: «Не хочешь ли превратиться в собаку, человеческий ум сохранив, собачьей жизнью пожить?» Отвечаю ему, не удивляясь вопросу: «А как превратиться в собаку, если б и захотела?»

«... А вон, видишь, — спокойно продолжал щенок, — берёза в стороне стоит — согнулась пополам, макушкой в землю смотрит, упершись в неё, как арка — это бывший интеллигент — старик, который всегда молчал, — вот и превратился в берёзу, согнутую пополам, и теперь, всякий, кто пройдет под ней, в собаку превратится».

Мы молча на неё смотрели. Девушка проходит мимо, проходит под берёзой, мгновенно убегает, в белую собаку обратившись, не замечая своей перемены. И тут я к берёзе подхожу, и прохожу под ней. Тотчас превращаюсь в собачку, небольшую, рыжеватопятнистую. И побежали мы пустынными дворами и закоулками. Прибегаем к продуктовому магазину, заходим в помещение склада. Смотрю, за повернутым вверх дном ящиком — это его рабочий стол, вожак сидит — огромный седой пёс с доброй мордой, в окружении стаи — средних и небольших разумных собачек.

Приветствует меня: «Ты — поэт Наровчатова Ксения. Мы тебя давно знаем. Поживи у нас. Будешь и у нас поэтом». И стукнул огромной седой лапой по ящику-столу. И осталась я, и зажила их жизнью. И жизнь была длиною в дождь осенний. То кинут камень мальчишки, то бросят кусок сердобольные, но в душе злые прохожие, не признавая во мне человека.

И вновь к вожаку прибегаю, он также сидит в окружении псов. И говорю ему: «Хоть с вами мне и хорошо, и вы обращались со мной не как с собакой, быть человеком я хочу, и как им снова стать?»

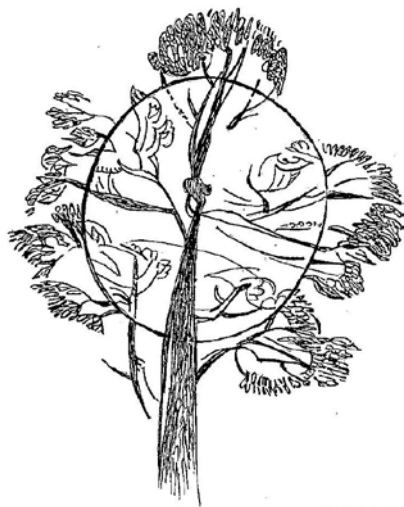
Задумался вожак, и помолчав, ответил: «Ладно, уж, иди — с досадой стукнув огромной седой лапой по ящику-столу, — всё равно закроют скоро магазин. Чтоб человеком снова стать, главное бежать без остановки против ветра. Но только помни — против ветра».

И побежала я, сорвавшись с места, всё теми же пустынными дворами и закоулками. Пробегаю мимо той же больницы. И тот же лысый охранник всё так же молча курил. И, вдруг, меня увидев, он бросился за мной, из темноты, оставив свой рабочий пост. И так бежали долго мы, пока не показался поворот, я добегаю до него, заворачиваю за угол, и, становлюсь человеком.

Была безлюдная ночь. Тускло в темноту всматривались фонари. Я медленно шла в белом плаще. Охранник настигает меня. Тихо, спокойно и холодно поворачиваюсь к нему всем корпусом. Он, извиняясь, удивлённо, смотрит на меня: «Здесь собаки бегают, много их развелось — злых и голодных псов». Ничего ему не отвечаю. И только вижу, что у него глаза собачьи.

Молча выхожу из своего сна.

Только что прошёл дождь.

Хокку о снеге

Нежность бессильна.
Не сохранить снежинки
В горячей руке.
Качели на снегу.
Побелкой зимы
Засыпана окрестность.

Ремонт пейзажа

Продлись, моя жизнь,
Лёгкая лодка
Вниз по знакомой реке
Увозит тоску.

Хокку о цапле

Круги на воде
Раскачивают небо.
Цапля взлетела.

Хокку о лете

Когда ешь сливу,
Не говори о вишне...
Судьба всё слышит.

Поле ночное

Ночь-охотница
В паутину облаков
Поймала луну.

Утро и вечер

Ах, черёмуха,
Белое платье твоё
Вышито маем.

Питер 17

* * *

В тот день на Питер указал
моей судьбы капризный флюгер
(Что?- внук не понял — «петербургер»?).
И вот вокзал — «Сапсан» — вокзал.
Санкт-Петербург поведал мне
свои истории в картинках,
когда я шла в сырых ботинках
по хлябям Невского — к Неве.

...Пурга куражится навзрыд,
свистит, фальшивя, на свирели.
И это всё — сейчас, в апреле!
Весь город сдан. Ветрам открыт.
Берёт рукою ухватив —

сползал он, мокрый, то и дело —
иду вперёд почти что смело,
прикрыв перчаткой объектив.
Перчатка — в тающем снегу...
И вот приходится мне снова,
как на шедевре В. Серова,
ругать погоду на бегу.
— Что за комиссия, mien Hertz —
спросила б я, — у вас в апреле? —
Но у того глаза блестели,
и был камзол ветрам отверст.
С полуулыбкой на устах
он шёл вперёд. Земля гудела.
И верно — царское ли дело
погодой ведать в небесах?!
Чухонец шляпу нёс, как торт,
шептал, дрожа от страха. «Отче...»,
глядел, как итальянский зодчий,
скользя, шипел по-русски: «Чьорт!»
Бациллой царскою язвим,
он также смело и упрямо
нёс чертежи фасадов, плана
своей мечты — за ним, за ним!
Голобородые, в чулках,
Шли, балансируя руками,
по хляби в туфлях. С париками,
Насквозь промокшими, в руках.
А он шагал! Преодолев
предел, шагнул за грань картины.
И, в устремлении едины,
все повторили сей маневр.
Пересекали полотно,
в слова царя, как в чудо веря.
В проём окна вставляли двери,
чтоб дверь была, а не окно!
И в эту дверь сквозняк завыл.
Сквозит туда, сквозит оттуда.
Что мы творим! — ужель не чудо?
Чудны чудачества чудил!..
...И сквозь века, и сквозь ветра
я с ними шла. Душа роптала.
В рукав с плюмажа затекало.
И рядом не было Петра...

Иван-чай

Макушка лета:
Словно невзначай
Лилово — красным вспыхнул
Иван-Чай!
Мундир зелёный, розовая каска
Султанчик дымчатый над буйной головой,
Солдатики, пришедшие из сказки,
Стоят плечом к плечу, за строем строй!
Что охраняете? —
Румяную малину,
Плеяду подрастающих берёз,
Таящую дары свои лещину,
Заросший и заброшенный погост...
И церковь, что глядит осиротело
Глазами звонниц без колоколов —
Всю землю, что в глубоком сне, без дела
Цветок — солдатик заслонить готов!

Размышление о листе

Новорождённый лист,
Взрослея, потемнеет
Пожухнув, станет ломким и сухим,
Желтея постепенно и старея...
Сорвётся ветром злобным и лихим
И самокруткой Осени послужит,
И прахом ляжет под ноги зиме
На хрупкие, твердеющие лужи,
Что спят на остывающей земле!

Ноябрьский луч

Пробиваясь сквозь серые тучки,
Ты украдкой на землю глядишь,
Трав пожухлых ты видишь комочки
И вникаешь в предзимнюю тишь...
Одинокая птица — ворона —
Хриплым возгласом воздух прорвёт,
А края облаков разобщённых
Всё стремятся сомкнуть хоровод,
Чтобы, солнечный луч, поскорее,
В серый наволок свой запахнуть...
Колыбельную ветер навеет,
И ты сможешь спокойно уснуть!

Погосты

Дорогами стелятся вёрсты,
А между лесов и полей
Мелькают цветами погосты —
То память России моей!
То в светлом берёзовом Храме,
То в тёмном шатре сосняка,
О прошлом напомнят — на камне —
Стихи и скупая строка:
О тех, кто прошёл очень мало,
Свернувших с начала пути,
Стремившихся к радужным Далям,
Но Смерть не дала им дойти!
И тех, кто прошёл очень много,
В потомках своих отразясь,
Для них освещая дорогу,
Держа с ними прочную связь...
Со звёздочками пирамидки,
Разлапые стражи-кресты
В косых деревянных накидках,
В цветах и колючках кусты...
Глядят все, глядят на дорогу
Поверх частокола оград...
— Живите, к себе будьте строги! —
Идущим по ней говорят!

ИСТОРИЯ МОШЕННИЧЕСТВА Евгения Славороссова

Гении мошенничества *Фантастические аферы*

Достойный удивления феномен — с давних времён не меняются методы плутов и доверчивость обывателей. «Делание денег из воздуха» процветает сегодня так же широко, как и вчера.

Предприимчивые жулики способны продать всё на свете. В Риме туристам предлагали не только «древнеримские монеты», «камни античных дворцов» с ближайшей каменоломни и наконечники копий «времён Суллы», но даже пластинки с записью речей... Цицерона!

Швед Рональд Сельдестрём открыл «универсальное средство от морской болезни» и высылал страждущим за деньги следующий рецепт: «Никогда не выходите в море».

Группа английских аферистов продавала богатым японкам недорогих пуделей. Дело раскрылось, когда известная актриса в телеэфире спросила, почему её собака блеет и ест траву. Оказались, что пудели — это подстриженные овцы!

На ипподроме Претории, столицы ЮАР, блистал непобедимый конь-чемпион. Однако при ближайшем рассмотрении его фотографии на теле скакуна обнаружили поперечные полосы. Конь оказался перекрашенной зеброй! Это была одна из крупнейших афер в конном спорте, ведь зебры бегают несравненно быстрее лошадей.

Шайка французских мошенников в начале 20 века изготовила щипцы в форме лошадиной челюсти. Один из сообщников раздражал лошадь, запряжённую в экипаж. А другой наносил себе небольшую рану хитроумными щипцами, после чего издавал вопль боли и негодования. Вернувшемуся владельцу лошади приходилось уплатить пострадавшему вознаграждение, чтобы не доводить дело до суда.

А вундеркинд из Чехии Петрик Колая обвёл вокруг пальца одиннадцать туристических фирм. Пятнадцатилетний хитрец изготовил печать вымышленного агентства «Зоуска тур» и получал крупные авансы «на организацию поездок в Испанию».

Русский «Калиостро», отставной штабс-капитан Григорьев отличался своеобразным остроумием. Он приглашал народ в балаган под вывеской «ЗДЕСЬ УГАДЫВАЮТ». В чёрном шатре на чёрном столе стояла чёрная ваза под чёрным платком. Маг предлагал, опу-

стив палец в вазу, угадать, что в ней. Когда посетители, понюхав, сообщали, что это помои, он торжественно возвещал: «Вы угадали!». Но коронным номером был трюк «съедения человека» на глазах у публики. Григорьев приглашал добровольца из зала на сцену. Наступала мёртвая тишина. Желающих не оказывалось!

Даже Эйфелеву башню, символ Парижа и то умудрились продать. В 1925 году чиновник Министерства труда Виктор Лустиш познакомился с предпринимателем Андре Пуассо и открыл ему «государственную тайну»: Эйфелева башня находится в аварийном состоянии, её снесут и продадут как металлолом. Но строго секретно, иначе будет скандал в прессе. Пуассо попросил содействия в покупке башни. «Секретарь» Лустиша Дэниэл Коллинз заявил, что надо дать взятку нужному человеку. Пуассо выложил кругленькую сумму. Больше он авантюристов не видел, они своевременно покинули страну. В полицию Пуассо, конечно, не обратился. А дружки, вернувшись в Париж, продали Эйфелеву башню ещё раз такому же простаку.

Жизнь не стоит на месте, и масштаб афер увеличивается, не ограничиваясь уже пределами нашей планеты. Деннис Хоуп из Калифорнии объявил себя владельцем небесных тел Солнечной системы и «президентом галактического правительства». Он организовал компанию «Лунное посольство» и продавал участки на Луне известным людям и солидным фирмам. От заказов не было отбоя, прибыль росла астрономически.

По его стопам пошли жулики, основавшие «Общество Лунной республики».

А Адам Исмаил, Мустафа Халиль и Абдулла аль-Умари из Йемена доказывали на основе древних манускриптов, что по наследству от предков им принадлежит право собственности на планету Марс.

Величайшие мошенники Парижа

Париж — город прославленных художников, писателей, музыкантов. А как можно прославиться, если нет никаких особенных творческих дарований? Скандальную славу приобретают разного толка «великие комбинаторы».

8 августа 1903 года в Париже начался судебный процесс над «величайшими мошенниками», как назвала их пресса. Это дело вызвало жгучий интерес, в зале суда присутствовало 120 репортёров, публику пускали только по приглашительным билетам, мест для всех желающих не хватало. Такое внимание было неудивительно, ведь на скамье подсудимых оказались не какие-нибудь рядовые жулики, а персоны, связанные с высшими эшелонами власти.

Обвиняемыми были сорокапятилетний Фредерик Эмбер, сын бывшего министра юстиции Густава Эмбера, его жена Тереза Эмбер, сорока семи лет и её братья-близнецы Рамон и Эмиль Дориньяки, сорока девяти лет.

Все они были замешаны в криминальную историю о ста миллионах в шкафу. Но началась она задолго до заседания суда. Мозговым центром шайки была волевая Тереза, которая обожала весёлую и роскошную жизнь. Она крутила мужем, избалованным папенькиным сыночком, и своими бездельниками братьями, как хотела. Но деньги текли у них сквозь пальцы, а аппетиты росли.

Тогда хитроумная дамочка разработала простой, но гениальный план, как разбогатеть без труда.

В 1881 году супруги Эмбер начали рассказывать сказки о своём колоссальном наследстве в сто миллионов франков. К распространению невероятных слухов подключился и скуповатый папаша Фредерика, министр юстиции. Густав Эмбер хвастался коллегам, что его невестка станет наследницей громадного состояния, завещанного ей таинственным богачом из Португалии. Министр постоянно занимал у них деньги, объясняя, что семье нужно уплатить миллион франков пошлин с наследства.

Потом по легенде наследство Терезы превратилось в американское. Теперь её благодетелем выступал американский миллионер мистер Кроуфорд. Однако у богатой наследницы появились «конкуренты», племянники щедрого завещателя — Роберт и Генри Кроуфорды. В их роли успешно выступали братцы Терезы — близнецы Рамон и Эмиль. От имени «племянников» адвокаты и нотариусы затевали многочисленные процессы о правах на наследство.

В конце концов дело дошло до высших инстанций. Тогда выяснилось, что предприимчивая Тереза хранит свои мифические сто миллионов почему-то не в стальном банковском сейфе, а у себя дома в шкафу! На этот-то шкаф по настоянию мнимых племянников были наложены судебные печати через их поверенных.

Судебная волокита безнадежно затягивалась. Аферистам это, конечно, было на руку: ведь их доверчивые сограждане были убеждены в существовании пресловутых миллионов.

А ловкая Тереза стала брать огромные кредиты на ведение дела о наследстве. На эти деньги она лихо штамповала различные финансовые предприятия. Например, в Париже создала акционерную страховую компанию с капиталом в десять миллионов франков!

Семейка беспечно прожигала жизнь, тратя чужие деньги без счёта. И так могло бы продолжаться ещё очень долго. Но постепенно стали просачиваться слухи, что никаких ста миллионов Терезы Эмбер не существует в природе. Наконец в мае 1902 года по поста-

новлению суда знаменитый шкаф в доме Эмберов был вскрыт. Он естественно оказался пуст!

Кредиторы были в отчаянье. А авантюристы спешно бежали из Парижа.

Последовали долгие поиски бесследно исчезнувшей шайки жуликов. И всё-таки полиция выследила компанию кутил, скрывающихся в Испании. В Мадриде их всех удалось арестовать.

Казалось бы, порок был наказан, а справедливость восторжествовала. Однако на суде аферисты были совершенно спокойны, а Тереза даже лучезарно улыбалась. Но чего, собственно говоря, им было бояться? За подложное завещание мифического американского миллионера им даже обвинения не выдвинули, так как истёк десятилетний срок давности. А за остальные финансовые махинации жуликам грозил лишь незначительный тюремный срок. К тому же они наняли самых лучших адвокатов. Так что «величайшие мошенники» отделались лёгким испугом. А денюжки, которые ещё не успели промотать, надёжно припрятали. И уж, конечно, не в шкафу!

Заявление г-жи Эмберъ

— Не судить меня надо, г. председатель, а сделать министромъ финансовъ.

Благородные авантюристы

Можно ли называть мошенников, даже самых умных, гениями? Ведь их интересует только нажива, а гении бескорыстны. Но на свете встречаются и благородные авантюристы.

Памятник Джону Палмеру поставлен как дань признательности жителей английского города Норвич. Живя весьма скромно, этот филантроп пожертвовал огромные суммы на строительство сиротского приюта и богадельни, на пособия бедным и больным. Но средства на дела милосердия он добыл путём мошенничеств.

В 1890 году в парижской газете была напечатана статья о том, как можно подделать новые банкноты, а в номера были вложены фальшивые купюры. Автором был химик Шедлебург, специалист по технологии цветной печати. Полиция ринулась на поиски преступника. Но «фальшивомонетчик» явился в полицию сам и объяснил, что хотел обратить внимание властей на слабую защиту банкнот: подделать их возможно в любой типографии. И всё же его отдали под суд. Однако химик на своих купюрах вместо слова «франк» поставил бессмысленный набор букв. Адвокаты доказали, что он отстаивал интересы государства, рискуя свободой. Учёного полностью оправдали, и в глазах народа он стал героем.

В Италии имя благодетеля Розелли было окружено ореолом преклонения. Этот щедрый и великодушный человек всё своё состояние раздал беднякам, дойдя до полной нищеты. Но вокруг оставалось ещё столько несчастных. И доброхот пустился на хитроумные аферы, заработав два миллиона лир для нищих, сирот и художников.

Другие гуманисты действовали ещё радикальнее. Бельгиец Кинт ограбил банк, где служил клерком, и отдал миллион детским приютам и благотворительным фондам. В дальнейшем средства на добрые дела он добывал жульничеством.

Француз Мальро, разорившийся на афере с Панамским каналом, воровал на улицах, чтобы помогать нищим.

А великий фальсификатор Врэн-Люка стал героем романа Альфонса Доде «Бессмертный». Эта нашумевшая история произошла в 1868 году. Скромный переплётчик подделал 27 тысяч (!) автографов, которые сбывал академику Мишелю Шалю. Это были тексты великих писателей: Овидия, Апулея, Сафо, Данте, Петрарки, Рабле, Шекспира. Великих учёных: Сократа, Платона, Пифагора, Спинозы, Коперника, Декарта. Великих художников: Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Рубенса. Великих правителей: Александра Македонского, Нерона, Юлия Цезаря, Августа, Клеопатры, Карлов, Людовиков, Петра I и Екатерины II. После разоблачения адвокат фальсификатора с пафосом доказал, что этот незаурядный человек действовал из высоких патриотических побуждений. Его подделки прославляли французов и их предков древних галлов. Суд проявил понимание и отправил Врэн-Люка в тюрьму всего на два года.

Эпилог

Многим жуликам удаётся выйти сухими из воды. Но есть отрадные примеры торжества справедливости.

Исеи Нклогу, нигерийский самородок из Лагоса, удачно устроился подсобным рабочим в британскую компанию. И ему в голову пришла гениальная идея подделать банковский чек на 9 фунтов 4 пенса. Цифры на чеке были переправлены с большим искусством, однако хитреца задержали у окошка кассы. У банковского служащего естественно возникли подозрения в том, что подсобному рабочему была выписана недельная зарплата в... 697.000.009 фунтов 4 пенса!

Сотрудница службы соцобеспечения Филиппин Орора Каррван не мелочилась. В течение долгого времени беззастенчивая дама со столь звучным именем занималась подделкой огромного количества документов. В результате беспредельщица получила 828 лет тюрьмы.

Но абсолютное первенство по присуждённому наказанию удерживает тоже филиппинец — чиновник из департамента общественных работ и дорожного строительства. «Вечный узник» за многочисленные взятки получил срок... в две тысячи лет! У него есть большой стимул стать долгожителем на деньги налогоплательщиков.

К табуретке

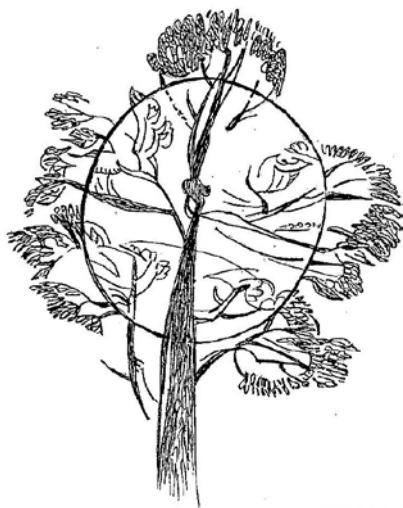
О, Табуретка, Табуретка!
Тебя я вижу так нередко.
Поверь, мне душу веселит
Твой деревянный дух и вид.
Ты из семьи пришла сосновой
И выглядишь нарядно-новой.
И все достоинства сосны
В тебе достаточно видны.
Средь чуждой кухни сиротлива,
Так царственна и терпелива,
Полна устойчивости ты
И горделивой простоты.
Лес. Магазин. Доставка на дом.
И на тебя садятся задом.
Но, недовольная судьбой —
Ты помнишь небо над собой.
На кухне до стены полметра,
А ты-то слышишь голос ветра,
Гуляющего среди лесов,
А здесь-то двери и засов.
Но ведь и ты теперь другая!
Ты — Табуретка, дорогая!
Тебе назад не повернуть!
И в лес тебя нельзя вернуть!
Теперь, домашняя, резная,
Стоишь себе, беды не зная
И гром тебя не сокрушит,
Да и топор не устрошит.
Хоть он не заслужил прощенья —
Винovníк перевоплощенья,
Но научил тебя уму
Теперь ты знаешь, что к чему.
Ругаться мы с тобой не будем.
Ведь табуретки служат людям.
И люди склонны их беречь.
На этом я закончу речь.

* * *

А для кошек победа не в драке,
От врага ты подальше держись,
Слышишь, кошка, беги от собаки
И скорее по дереву — ввысь!

А собака-то лает всё пуще,
Но не страшно клыков острё,
Торжествующим взглядом горящим,
Свесив уши, смотри на неё!

Нос задрал, в окружении мошек,
Из двора удаляется враг...
Вот свалилось на голову кошек
Энергичное племя Собак!

Беседа с котом по имени Басё

Здравствуй, здравствуй, Басё! Здравствуй, друг мой, Басё,
выживальщик дворов и помоек!

Я ведь тоже такая: за всех и про всё,
мне мозги, как и всем, враз промоют.

Позабудем, давай, про времён колесо.
В темноте совершенно ты — серый.
Побеседуем на ночь про то и про сё,
слухи лживые правдой просеем.

Быстро сядешь и... скушаешь ложкою ложь.
Начинается время отсева.
Ты на пенсии? Нет? Может быть, доживёшь,
у меня-то наследственность, серый.

Что? Плевать ты хотел? Хватит, мол, всех мышей
на твой век по дворам и подвалам?
А под дых получить? А потом и взашей?
С каких щей, говоришь? — Да бывает!..

Попутчица
Миниатюра

Я иду в театр. Сегодня в Большом премьера — новый балет «Онегин». День тихий, тёплый. Асфальтовая дорожка к метро залита солнцем.

Она бодро шагает передо мной: блузка с короткими рукавами, брюки, босоножки на каблуках, аккуратная стрижка, причёска в полном порядке — нет разбойника-ветра, который всё бы переделал по-своему. Я на ходу разглядываю её: «А она молодо выглядит. Спина прямая, фигура стройная. Не той, конечно юной стройностью, как идущие навстречу девушки, но всё же вполне неплохо. Смотрится, пожалуй, даже стройней и моложе меня! Походка лёгкая, как в песне: «Походка молодая...». Там дальше про седую голову поётся, но это не о нас, седина закрашена. Правда, у неё седина всё равно не была бы видна, у неё всё одного, асфальтового цвета: и белая блузка, и бежевые брюки, и светло-русые волосы. По бульвару бодро шагаем я и моя моложавая тень! И кто скажет, что ей, как и мне, восьмой десяток?!

Полушутки в полушубке
Эпиграммы

Эдуарду Лимонову

Таких, как Лимонов
Не взять без ОМОНов

Людмиле Улицкой

Наклонулась идея.
Надумался сюжет.
И ты уже Медея! —
Апчхи! — и ваших нет.

Виктору Пелевину

За бесхозность
Творцом повелено —
В метро-космос
Швырнуть Пелевина.

Борису Акунину

Мистерия Акунина
Как травкою окурена.

Алексею Цветкову

Несвободную «Свободу»
Нам сулит поэт Цветков.
Вместо сих пустых витков
Сочинил бы Бушу оду.

Виктору Коркия

Вхожу в метро.
Из бездны взвился Коркия!
Вот это да! Своим глазам не верю я:
Кто сей фантомчик — Сталин или Берия?!
И распластался на арбузной корке я!

Светлане Кековой

Не боись Аполлона Григорьева!
Света Кекова, объегорь его!

Вере Павловой

Клубятся в случке правда с кривдой
Под шелест премий дождевой.
И в сотый раз со стенки лифта
К тебе воззвал читатель твой.

Пародии

*«Поэты осени, ура! Пора прощального парада.
Вперёд, под ливень листопада —
гореть с утра и до утра!
Хватая Музу за грудки,
рыдать и рвать черновики».*
А. Гуров. Силуэты осени

Расплата

Общаться с Музой — прекрасно!
Но за грудки её хватать
Поэту всё-таки опасно,—
Она умеет сдачи дать!

*«Сын плакал
И врывался в голоса
Его нетерпеливый голос тонкий.
Не алые мне снятся паруса,
А жёлтые туманные пелёнки».*

Г. Беляков. Сын плакал

Всё было

Мечтал о парусах день изо дня.
И волновали смелые девчонки.
Теперь одна забота у меня:
Какого цвета у сынка пелёнки.

*«Даль, как сетью понакрыта,
День туманами повит.
Шито-крыто, позабыто...
Осторожно день стучит».*

О. Бондаренко. Ненастье

Недосказанное

Вам знакомо вдохновенье,
С Музой дружите отлично,
Но любовных откровений
Избегаете обычно
Шито-крыто позабыто...
Никогда бы Вы не стали
Воспевать, в стихах открыто
Всякие там «трали-вали».

*«Могу смеяться и грешить,
И делать массу дел!
Огнеупор моей души
Пока не прогорел».*

Д. Морозов

Согрешил

Иду я мимо казино,—
Такая вот напасть:
«А вдруг снять куш мне суждено?» -
Во мне взыграла страсть.
На кон поставил, что имел,
Но хитрым был крупье,
И я не только прогорел,
Пришёл в одном белье.

*«Грешно смеяться над собой,
И нет угрюмее забавы!
Ах, Боже мой, как Вы неправы,
А я — то поднял хвост трубой!
А я — то пёрышком взлетал,
И что-то мне такое снилось...
Но ничего не изменилось,
И в Вашем голосе металл».*

М. Николаев

Над кем смеяться?

О Вас я думать перестал
И зря я пёрышком летал.
Смирился со своей судьбой,
Не повторяю Ваше имя.
Грешно смеяться над собой,—
Смеяться надо над другими

* * *

Музы съехались на бал,
И моя танцует где-то,
А судья — сама судьба,
Призвала их вдруг к ответу.

Для чего они живут
И кому серьёзно служат?
Настоящий строгий суд
Без гримас, насмешек, кружев.

Все клялись наперебой:
Их призвание высоко.
А моя, передо мной,
Лишь рыдала одиноко.

Софиантроп

Наблюдение
Стихи мои неважные
Тому один ответ
Поскольку не сутяжные
На них и спроса нет.

Что посеешь

Скрипеть костями и словами
Пора придёт и Вам, друзья,
И виноваты в этом сами,
Ведь знали, что грешить НИЗЗЯ!

Хлеба и зрелищ

Демос хочет кушать.
Демос хочет пить.
Музычку послушать,
Безмятежно жить.

Зарисовка

Вот идёт Любовь,
Ноги от ушей,
Будоража кровь
У чужих мужей.

Халява

«Хлеб насущный, дай нам днесь»
Даром и в достатке.
Полагаю, что-то здесь
Не совсем в порядке.

«Не думай о мгновеньях свысока»

Я отщипнул у Вечности
Приличный срок.
Благодаря беспечности
Здесь задержался смог.

Вавилон

Особы, особи, персоны,
Монархи, ВИПы, голытьба,
Понапридумали препоны,
Хотя у всех одна судьба.

Любви дуальная природа

Любовь. Сознание туманит,
Уж такова её природа.
Вначале нежностью поманит,
А позже, как с «врагом» народа.

Почувствуй разницу

Короля играет свита.
У неё всё шито-крыто,
И выходит, что зазря
Все ругают короля.

Короля играет свита.
У неё всё шито-крыто,
И выходит, что не зря
Все ругают короля.

Неизбежность

В штормах жизненных страстей
И у яхты, у фрегата
Пообвиснет часть снастей,
Бывших гордостью когда-то.

Олигархи от науки

Олигархи от науки
В мыслях доки на все руки.
Мыслям нет числа, предела,
Только нет за ними дела.

* * *

Мне не нужен одобрям-с
Эксперта и критика,
Я чихам-с на одобрям-с
В том моя политика.

Из девяностых III

Боже, из какого брода
Вынырнуло столько сброда?

1994 г.

Из девяностых. Московские зарисовки II

Людского потока — канал.
Яркий рыночный карнавал.
Лужники — товара навал.
Вот мелкий воришка мёрзнет у тропинки:
«У кого в кармане мне согреть бы руки?»
И его ждут дома ведь милые детки.

1998 г.

От современника

Я в зеркало смотрю —
и вижу маску «хрю».
А смотрю на деньги —
аж дрожат коленки.
На девчат смотрю упорно —
и всё втягиваюсь в порно.
Смотрю, бывает, на людей,
да не бывает там друзей.
Смотрю, вроде оригинал —
да ксерокса копии дар.
Смотрю вглубь на общество —
воров тут сообщества.
Словом, смотрю я на жизнь,
а вижу я сноску лишь.
Да хочу в кучу всё забить
И, чтоб спокойно себе жить,
Быстрее хочу я забыть:
Эту правду всю —
Правду в стиле ню!

2013 г.

Мелодия

Мне нравятся эти полосы:
Её водопадом волосы,
Просушенные водкой губки,
Две окаменевшие грудки,
Полуспущенные колготки —
Из уснувшей рядом картинки...

2007 г.

Три московских куплета

Весною люблю — Москву я другую —
Шалунью, надевшую мини-юбку!
И позову я себя на свидание,
С тобою, Москва, на поцелование!
Весною люблю — Москву я другую —
Шалунью, надевшую мини-юбку!

2016

Вопрос вопросов II

Может, я совсем другой?
Может, я такой глухой?
Может, просто и тупой?
Я не слышу его звука —
Земли вращения гула!

2015 г.

Стакан*Поэма*

*Полон стакан. Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
М. Цветаева*

*Против души, Лука восклицает:
«Человек всё может... лишь бы захотел».
М. Горький*

Два антипода, как два сводных брата,—
Смесь ангела и супостата —
В грехе ли или во Христе —
Во мне.
Один — аскет и праведник суровый.
Другой — жуир, с хитринкой птицелова.
Ответчики за дух!
Истец — вовне.
О, этот грозный небожитель!
Наитий пламенный воитель!
Распятый на кресте
Овен!
Моей душе Он указывает.
Она — то внемлет, то бунтует
И алчет правды и утех
В вине...

I

На бывшей беленькой простынке,
Забыв снять брюки и ботинки,
С Ней, ненаглядною, в обнимку
Он крепко спал.
Рука то талию искала,
То нежно горлышко ласкала.
И губы чмокали устало
Её в уста.
Но пробужденье было трудным —

Тем сумеречным, хмурым утром
Нутром почуял он, как будто,
Что миг настал.
Он ввысь вознёс Её неловко
И опрокинул вниз головкой.
Увы, пузатая плутовка
Была пуста.
И отшвырнул Её, и охнул.
О, Боже, кто же ждал подвоха?
Уж если всё с утра так плохо,
То неспроста.
Бежать из дома без оглядки!
Но тело и душа в упадке.
Грамм двести бы для подзарядки,
Но нет и ста.
Перед глазами всё поплыло,
И боль ударила в затылок.
С похмелья жизнь весьма постыла.
Начать б с листа!
Чтоб ни на дух, ни-ни спиртного!
Ум ясный возвратился б снова,
И в строчках засверкало б слово
Росой с куста.
Но тут из мрака подсознания
Взмывает демон возлиянья.
Перешибать дух покаянья
Уж он — мастак.
Стакан с живительною влагой
Вдруг появляется и нагло
Манит и зазывает, падла.
Ну что ж, раз так...
Есть шанс помочь душе горящей.
И тело не сыграет в ящик.
Ко рту стакан рукой дрожащей!
И... опростать!

II

Быть трезвым в наше время неприлично —
Уж больно жизнь занудиста и зла.
Не вяжешь лыка — всё идёт отлично.
А вяжешь — бойся! Примут за козла.
Когда на сердце горечь, то клин — клином...
А коли радость, то продлить б чуток.

Есть упоение в запое длинном.
Как будто из хибары да в чертог!
Не к месту протрезвешь вдруг однажды —
Иль водка кончится, аль подведёт живот.
И чистоты, тверезости возжаждешь,
Но кто ж, милоч, такое возвернёт?
Теперь питейный плен — твоя нирвана.
И вспомнится ли миг, когда
Впервые отхлебнул ты из стакана,
Что нынче пьётся легче, чем вода.
Потом не раз уж наливал по полной
И добавлял ещё, и снова пил до дна.
Рвалась душа, алкала жизни вольной.
Крест на тебе поставила родня.
Ты в дозах стал суров и непреклонен.
В стакан бросаешься, как в омут головой.
И, как Икар с церковной колокольни,
На миг, но воспаряешь над толпой.
Что рюмка — это блеф, не боле.
Устанешь чокаться... и льётся через край...
Зато стакан достоин славословья,
И лишь ему твоё гип-гип-ура!
Вот пьёшь... чу, слышишь бульканья аккорды?
То ангелы трубят благую весть.
Ты проникаешься улыбкою Джоконды
И покоряешь дно, как Эверест.
Рюмашку пропускаешь для сугрева.
Стакан, как гвоздь, вбиваешь себе в мозг.
Как мазохист, пластаешь смело тело
Под сорок градусов, как сорок тысяч розг.
А коль в компании мужской дошло до спора
И близится решающий момент,
Стакан — твой козырь, довод и опора.
Последний и весомый аргумент.
Быть трезвым в наше время неприлично —
Уж больно жизнь занудиста и зла.
Стакан — твой друг до гроба и опричник.
И с ним до феньки слава и хула.

III

Люто, братцы, люто,
Люто, братцы, пьём.
С водкой спать ложимся,

С водкою встаём.
И цари, и смерды,
Баре и мужи —
Всё заложат, только
Чарку покажи.
Бабы и девицы
Тож весьма не прочь
Разогреть винишком
С мужиками ночь.
Бьём своих до юшки,
Чужаков — в распыл.
Водочка — надёжа,
Посох и костыль.
Не понять Европе,
Миру не понять,
Кто ж она в натуре
Ента Кузьки мать.
Виноват ли климат
Или генный код,
Но летит Россия
Задом наперёд.
Сам слагаю вирши
Под большой балдой.
Вместо парной рифмы
Клею по одной.
Барды и пииты
Истари давно
Славили и славят
По Руси вино.
Сколько смертной муки
И душевных ран
Принято от водки.
За один стакан!
Главный он зачинщик
Всех бунтов и смут.
А как вдохновенно
За стаканом врут!
Бьёшь его с размаху
Об пол головой,
Но, как птица феникс,
Снова он с тобой.

IV

Да, всем хорош стакан. Он — совершенен!
 В нём тьма достоинств. Просто лепота!
 Одна загвоздка. Но случись, и та
 Потянет за собою шлейф крушений.
 Ты в гости зван! При полном при параде!
 Шампань «Клико» и «Прага» — славный торт.
 Спешись к la femme¹. Она одна и ждёт,
 На многое готова тебя ради.
 Уже звенят хрустальные бокалы.
 Стол на двоих и ломится от яств.
 И ширятся влечение и приязнь,
 И рушатся застенчивости скалы.
 Хозяйка уж порхает пташкой певчей
 Среди комплиментов, словно среди роз.
 И вдруг ты, то ли в шутку, то ль всерьёз:
 — К такому закусу чего б покрепче!
 Потом не раз ты вспоминал с тоскою
 Недобрым словом данный эпизод.
 Простой продукт с клеймом «Кристалл-завод»
 Повёл себя, ну, словно смерть с косою.
 Ты попросил стакан, мол, не пристало,
 Тост поднимая за прекрасных дам,
 Из рюмки пить. И — «Аз воздам»,—
 До дна. Encore²... а дама трепетала.
 Ты осмелел и расхрабрился даже.
 Преграды никакие не страшат.
 Ты предлагаешь пить на брудершафт
 И лезешь к даме целоваться в раже.
 Всё ближе дама, всё идёт, как надо.
 И следует победу закрепить.
 Но кончилась горючка. Как же быть?
 И в магазин ты мчишься, как торнадо.
 А что потом? Обрывки впечатлений.
 Вот ты... ты силишься поднять стакан.
 Вот дама в négligé... кровать-диван...
 Опять стакан, венец твоих влечений...
 Вот ты идёшь, а улица кривится...
 Вот ты сидишь (на чём же ты сидел?) ...
 А дальше? Дальше чёрный беспредел

¹ La femme (фр.) — женщина

² Encore (фр.) — ещё

И протокола длинные страницы.
Ты сгоряча верёвкой или пулей
Решился храбро погасить скандал.
Но... поостыл, и полон вновь стакан.
Его, merci¹, по описи вернули.

V

Да, я стакан, стеклянный и гранёный.
Двухсотграммовой ёмкости сосуд.
Не утончённости предмет, а обиходный.
Не люксовый, но ширпотреб-продукт.
Ценой — пустяшный, ценностью — нетленный.
Исконно русский, не какой-то там халдей.
Гожусь на всё, и каждый русский гений
Моим дном мерил глубь своих идей.
Устойчив, выдержан. Не то, что рюмка.
И зрел — по пустякам не дребезжу.
В моей компании — все любомудры.
— Ну, вздрогнули! — понятно и ежу.
Да, я стакан, орудье потребленья,
Падения и взлёта россиян.
Орудие их самоистребленья,
Зачинщик драк и русских душ смутьян.
Бессмертна философия стаканья —
Загадка бытия, она в вине.
В стакане зачиналось мирозданье
С зелёным змием на прозрачном дне.
Стакан — чертог и права, и морали.
Обитель утешений, кладезь слёз.
Все храмы мои грани повторяли,
Но ни один до сути не дорос.
Лишь я открыт Вселенной и блаженству.
И рай, и ад таит моё нутро.
Я — злой колдун, и лики совершенства
Преображаю в пьяное мурло.
Да, я стакан, душой и телом русский.
Не обратишь меня в хрустальный хрен.
Держу удар, привычен к перегрузкам
И лопаюсь от резких перемен.
Без стакан`а нельзя понять Россию.
Во мраке ночи и при свете дня

---

¹ Merci (фр.) — спасибо

Иду я по России, как Мессия,
В неё я верю, как она в меня.
Мы неразлучны, мы сплелись в объятьях —
Я муж её, она — моя жена.
Пусть иногда друг другу шлём проклятья,
Но всё ж одна, как видно, сатана.
Да, я стакан, гранёный и стеклянный.
Двухсотграммовой ёмкости сосуд.
Но в чреве — мир, шальной и окаянный,
Которому не страшен Божий суд.

VI

То не бред, не чушь собачья.
Каждому, кто просто зрячий,
Алкоголем не запятнан,
Всё давно вполне понятно —
К нам пришла лиха напасть.
Взял стакан в России власть.
То не спид-чума-холера.
Новая восходит эра —
Без агрессий и усилий,
Вон Россию попросили.
Не с Курил, не из Литвы.
Из истории, увы.
Мир устал с Россией биться,
Не даётся, как жар-птица.
В сети зёрнышком манили
И в упор на взлёте били.
Новый сатанинский план
Ставку сделал на стакан.
У России крепка память.
Зря пытались её править.
Всем стратегам боком вышло
Завернуть России дышло,
Сбросить в море-окиян.
Вся надежда на стакан.
Пусть не всё, не всё так сразу.
Главное — внедрить заразу.
Диспозиция — блестяща.
Есть у русских слабый хрящик,
Коль поэт и президент
Любят тяпнуть под обед.
По вельможьему примеру,

И народ отринет меру.
Лишь лакей пусть будет юрким,
Подставляя глубже рюмки.
Глядь, и рюмки тонкий стан
Обратится вдруг в стакан.
То — почище бомбы злющей —
Свалит всех и всех расплющит.
В кураже, в хмельном угаре —
Что в Сибири, что в Сахаре —
Прокисают вмиг мозги.
Ни просвета и ни зги.
Поколенья три от силы —
Там, глядишь, и нет России.
Есть поля, леса и реки,
Где живут нечеловеки.
Как просты вопросы их —
На двоих иль на троих?
Тот «великий и могучий»
Станет вдруг косноязычим.
Друг-стакан за полстолетья
Речь сведёт до междометья.
Вместо пушкинской лозы
Мата мрачные бразды.
Щёки бледны, руки слабы,
И одёжка кое-кабы.
Но к стакану, как к корыту,
Пойдёт с рылом неумытым
Пресвятая Матерь-Русь!
Нет! Я лучше отвернусь.
Толку-т что? Вокруг рефреном
Дитятки-олигофрены.
Будет новая порода,
Где в семье одни уроды.
Да и как других родишь,
На стакане коль сидишь.
Дальше что? А дальше просто.
Нет России, есть погосты.
Территория свободна
И вполне для тех пригодна,
Кто усвоил: пить-то пей,
Только дело разумей.
Впрочем, мудрость та народа,
Что водяру пил, как воду.

И хоть был тверез порою,
Возвращался с битв героем
И в работе скор и рьян,
Но скопытился в стакан.
Вся Рассеюшка в кручине
Захлебнулась в пучине.
И утопла, но не сразу,
Как окуроч в унитазе.
Эх, воронка широка —
Добрых два материка!

VII

Итак, шесть картинок из жизни стакана.
Трагичен финал, а катарсиса нет.
Героя пора осудить? Или рано?
Кто он — русофил, русофоб, русоед?
Как может стакан быть врагом или другом?
Топить ли кого, утолять ли печаль?
Гоняй в нём культурно чай на досуге.
Но кто из стакана в России пьёт чай?
Моим антиподам простор и раздолье —
То ни капли спиртного, а то целый чан.
За рюмку цепляюсь усилием воли,
Но тянет магнитом бездонный стакан.
Ах, сколько таких бедолаг по России,
Позволивших в праздник стопарик, другой,
Припадоочно белой горячкой бесились,
Кантуясь всю жизнь из похмелья в запой.
Нет жерла страшнее калибра стакана.
И лупит он, стерва, всегда по своим.
Уже вся Россия — открытая рана,
И щурится Мир, ожиданьем томим...

Баклашкина Т. Прикосновение любви
Издательство В. Лебединского, М, 2018

«Прикосновение любви» — так называется книга стихов рано ушедшего поэта Татьяны Баклашкиной (1984—2011), дебютировавшей в альманахе «Истоки». Поэтический сборник с этим же символическим многозначным названием вышел в декабре 2018 года в издательстве Валерия Лебединского.

Книга вобрала стихотворное наследие Татьяны, её рисунки, дневниковые записи, фотографии, воспоминания близких и друзей, школьных учителей и педагогов музыкальной академии им. Маймонида.

Лидии Михайловне Баклашкиной ценой невероятных усилий удалось собрать и восстановить из черновиков ранее не публиковавшиеся стихи и рисунки дочери.

Книга щедро иллюстрирована замечательными портретами Татьяны. Невозможно забыть это юное, подлинно прекрасное лицо. Один из её дизайнерских портретов так и назван «Весна». Невольно всплывают строки из её посмертно изданной книги «Осенняя пастораль»: «И весну моей маленькой жизни пусть осеннее солнце согреет».

Поэзия Татьяны Баклашкиной наполнена ранней умудрённостью и пронизана просветлённой грустью, как будто предчувствием скорого расставания с пленительной земной красотой.

Книга знакомит читателей с биографией Татьяны. Лидия Михайловна сообщает о генеалогических корнях Татьяны. Среди её предков были учителя, врачи, священники, верой и правдой служившие России. Всплеск талантов девушки был предопределён прошлыми поколениями тружеников и патриотов.

Мы узнаём, что одарённость Тани была заметна с детства. Поэтический дар сочетался в ней с талантом музыканта и художника.

Предваряющая книгу статья Валерия Лебединского говорит о многогранности её дарования.

Рисунки девятилетней девочки поражают: невозможно оторваться от «портрета» кота Афони и виньетки-иллюстрации к песне Валерия Леонтьева.

И сегодня стихи автора продолжают вдохновлять творческих людей на создание музыкальных композиций, фильмов и видеоряда.

Хочется низко поклониться Лидии Михайловне Баклашкиной, сумевшей по крупицам собрать и воплотить в прекрасной книге—памятнике творческое наследие её удивительно одарённой дочери.

Представляем несколько стихотворений Татьяны из этой книги.

Ирина Антонова

Волки
(по Пелевину)

Как серые тени — звери,
Пока не взошла заря,
Бегите, волки, скорее
От марта до октября.

Вы знаете — путь ваш долгий,
Но звёздная ночь светла,
Бегите, бегите, волки,
К теплу моего костра.

В плену городского безумья,
Среди нереальных снов,
На каждое полнолуние
Я слышу ваш тихий зов.

Я ваша сестра родная,
Глаза мои — две луны!
Несётся лесная стая
Из сумеречной страны.

И дико сердце стучится,
Когда покидаю дом.
Не я ли вон та волчица,
Бегущая за вожаком,

За ветром, за лунным светом,
Отсюда — на край земли!
Бегите, волки, от клеток,
От злобы и от любви.

13 августа 2006

Ты плачешь иногда. В живых слезах
Даёшь своей душе чуть-чуть пролиться.
Ты стрелки переводишь на часах,
Ведь время не должно остановиться.

Ты знаешь, все ненужные слова,
Все знаки, тайны, игры и названья.
Ты видишь судьбы, дали, острова,
Не говоришь ты — делаешь признанья.

Закрыв глаза, представишь океан,
И где-то паруса наполнит ветер.
Ты помнишь сны и веришь этим снам,
Но не поверишь лжи нелепых сплетен.

Ты улыбаешься, шаги твои легки,
Но только не найдёшь никак покоя.
И оттого все слёзы и стихи,
Что слишком много в жизни не с тобою

2007 год

Город мечты

Вставал рассвет над сизыми горами
И в окна лил расплавленный янтарь.
А город, осаждённый кораблями,
Закружен трепетаньем птичьих стай!

Тот городок, седой и молчаливый,
Давно меня с улыбкой ждал.
И улицы вели меня к заливу —
Заливу опрокинутых зеркал,

Где мачты кораблей пронзают сердце,
А в парусах запутались мечты...
Я с каждым шагом возвращалась в детство,
Я погружалась в море чистоты.
Спал океан, размеренно дышавший,
Присело время рядом на песке...
Вдруг юный голос, утро расплескавший,
Запел на незнакомом языке.

И в звуках этих было столько света—
Тонул в них город и сиял залив!
И я жила, и мне дарило лето
В протянутых ладонях — целый мир!

Ноябрь 2006

Алфавитный указатель авторов

Авдеева Вера	Медведев Валентин
Авдеева Людмила	Молчанов Алексей
Антонова Ирина	Моров Юрий
Баклашкина Татьяна	Наровчатова Ксения
Божор Наталья	Наровчатова Ольга
Бондаренко Ольга	Пустовитовский Владимир
Варварица Инна	Светланова Валерия
Влодов Юрий	Серафимов Александр
Володарский Леонид	Славоросов Аркадий
Дыбин Александр	Славоросова Евгения
Егорова-Нерли Ирина	Солдатёноква Дарья
Ерёмина Ольга	Спорыхина Анна
Желыбенцев Валерий	Строгова Анастасия
Ильин Александр	Тараканов Игорь
Иодловский Николай	Тимченко Николай
Кебадзе Алексей	Трегубова Нина
Козлов Илья	Франгулян Рубен
Кузьмин Андрей	Хачумова Татьяна
Лепилина Татьяна	Хохлов Владимир
Магов Николай	Шубина Валерия
Маркович Анри	Яковлев Владимир

Одиннадцатый выпуск альманаха посвящён двум гигантам 20 века: В. Маяковскому и М. Горькому. Художник и поэт И. Егорова-Нерли ярко и самобытно прорабатывает в серии рисунков и графике тему традиции и современности. Страстно и вдохновенно написанные эссе: цикл Герника, напоминая о трагедии, предостерегает от её повторения. 20 лет как Ирина Егорова-Нерли тесно и плодотворно сотрудничает с альманахом, «делает его лицо».

Ярко звучат голоса поэтов Москвы, Петербурга, Калуги,

Крайне разнообразно и широко представлена проза: ёмкая небольшая повесть из современной жизни А. Серафимова «Прости и Прощай», детектив сибирского автора Тимченко, афганская тема А. Кебадзе, прозрачные живописные зарисовки Д. Солдатёноквой. Изящные, искрящиеся юмором, миниатюры В. Шубиной из современности неожиданно уводят в глубь веков.

Альманах вбирает в себя разнообразную публицистику, анализирует загадочные проблемы истории. Л. Володарский приоткрывает тайны «цивилизации бомжей». В очерке Е. Славороссовой собраны самые забавные факты «идей века», рождённых в головах мошенников...

Тема «Возвращения» вбирает в себя многие имена. Это и память о недавно ушедших поэтах и о бессменном редакторе альманаха Г. В. Рой: отклик Ирэны Сергеевой из Петербурга, знавшую Г. В. Рой со времён становления альманаха, задуманного для дебюта молодых.

Размышления О. Наровчатовой о поэте Н. Зиновьеве тонко и достоверно рисуют его портрет.

Отклик рецензия на книгу-памятник, посвящённую безвременно ушедшей поэтессе, музыканту и художнику Татьяне Баклашкиной, созданную трудами и любовью её матери Л. Баклашкиной Подборки стихов Анри Марковича и Юрия МороваБ новелла Аркадия Славоросова обретают новое философское звучание и резонанс: «Мы остаёмся в мире звуков и смерти душу не убить».

Читателям будет интересно ознакомиться с новым поэтическим сборником О. Бондаренко. Радуют замечательные поэтические циклы Е. Славороссовой, В. Пустовитовского, О. и К. Наровчатовых и др. Мелодией весны проникнуты строки Н. Божор.

Редакторы-составители
Ирина Антонова и Евгения Славороссова

Рисунок на 1-й полосе обложки и графическое оформление
Ирина Егорова-Нерли

Компьютерная вёрстка
www.verstki.net

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

ЛР № 061080
Контактные телефоны: 8-909-9655305, 8-903-1803787.
Наш сайт в интернете: www.istoki-roy.ru
E- mail: rifistoki@yandex.ru

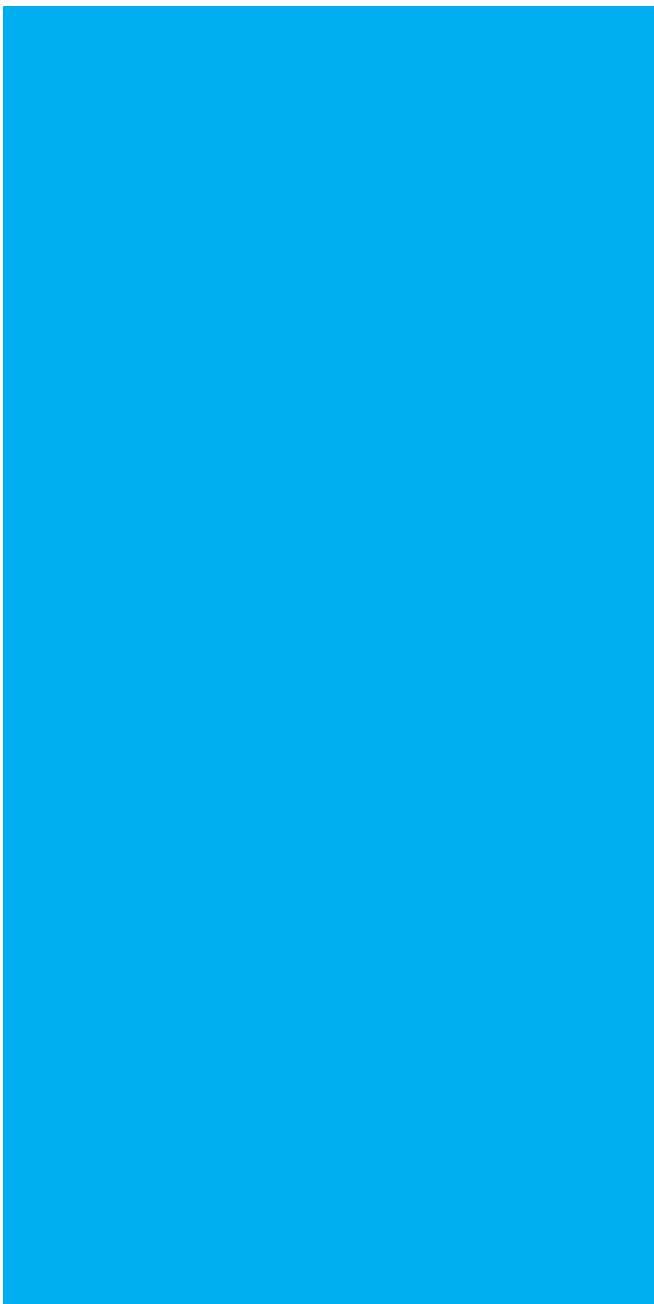
А. Н. Вертинский (1989–1957)

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожащей рукой?
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!

Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искаженным лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.

Закидали их ёлками, замесили их грязью
И пошли по домам под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразию,
Что и так уже скоро, мол, мы начнем голодать.

И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти, к недоступной Весне!

2018 **И** АЛЬМАНАХ
СТОКИ